

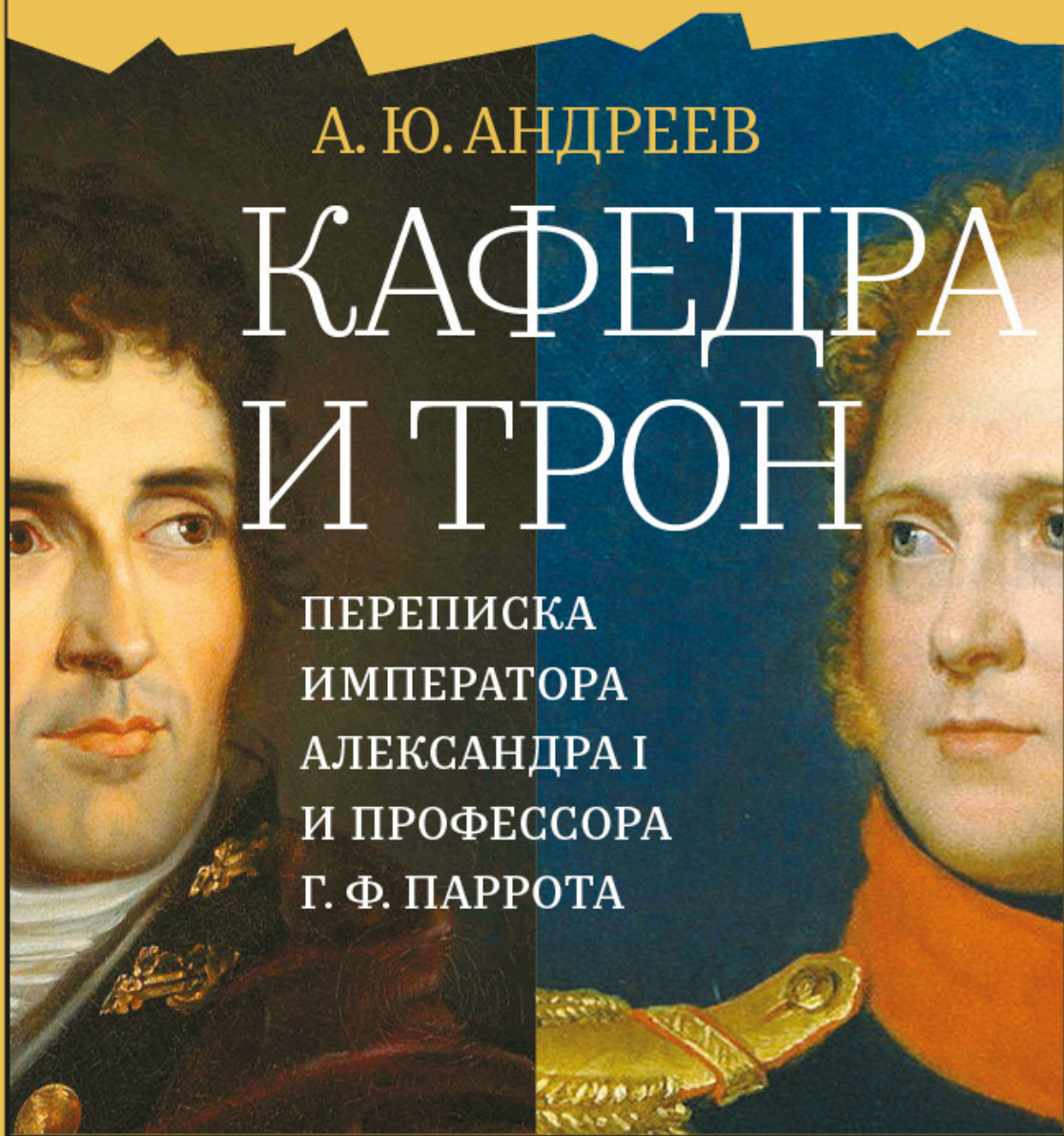
HISTORIA ROSSICA

ARCHIVALIA ROSSICA

А. Ю. АНДРЕЕВ

КАФЕДРА И ТРОН

ПЕРЕПИСКА
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I
И ПРОФЕССОРА
Г. Ф. ПАРРОТА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Archivalia Rossica

Андрей Андреев

**Кафедра и трон. Переписка
императора Александра I и
профессора Г. Ф. Паррота**

«НЛО»

2023

УДК 94(47+57)«18»
ББК 63.3(2)51-8Александр I

Андреев А. Ю.

Кафедра и трон. Переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота / А. Ю. Андреев — «НЛО», 2023 — (Archivalia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2192-1

Профессор физики Дерптского университета Георг Фридрих Паррот (1767–1852) вошел в историю не только как ученый, но и как собеседник и друг императора Александра I. Их переписка – редкий пример доверительной дружбы между самодержавным правителем и его подданным, искренне заинтересованным в прогрессивных изменениях в стране. Александр I в ответ на безграничную преданность доверял Парроту важные государственные тайны – например, делился своим намерением даровать России конституцию или обсуждал участь обвиненного в измене Сперанского. Книга историка А. Андреева впервые вводит в научный оборот сохранившиеся тексты свыше 200 писем, переведенных на русский язык, с подробными комментариями и аннотированными указателями. Публикация писем предваряется большим историческим исследованием, посвященным отношениям Александра I и Паррота, а также полной загадок судьбе их переписки, которая позволяет по-новому взглянуть на историю России начала XIX века. Андрей Андреев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

УДК 94(47+57)«18»
ББК 63.3(2)51-8Александр I

ISBN 978-5-4448-2192-1

© Андреев А. Ю., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

К читателю	7
Исследование	9
Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: роман в письмах	9
Паррот на пути в Россию и к профессорской кафедре	12
Профессор и император в 1802–1812 гг.: десять лет личных встреч и общения	19
Обсуждение государственных дел	33
Разрыв прямых связей и попытки Паррота восстановить дружбу	53
Судьба переписки, история ее изучения, особенности публикации	66
Публикация оригинальных текстов на французском языке	78
1. G. F. Parrot à Alexandre IER	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Андреев
Кафедра и трон. Переписка императора
Александра I и профессора Г. Ф. Паррота

© А. Ю. Андреев, 2023

© В. А. Мильчина, перевод с французского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

К читателю

В истории Российской империи не так много документов, посвященных дружбе двух людей, которые бы активно участвовали в государственных преобразованиях и обсуждали их в личном общении. Еще меньше таких документов, если один из друзей – российский самодержец. Его власть тогда предстает с совершенно иной, «человеческой» стороны; а точнее, очень много может рассказать о монархе даже не он сам, а его друг – это видно по тональности их общения, по тому, какие общие переживания они разделяют, какие идеалы и мечты связывают их между собой.

Для Александра I таким другом был профессор физики Дерптского университета Георг Фридрих Паррот. Несмотря на разность в возрасте и происхождении, обоих связывала верность идеям Просвещения, надежда улучшить жизнь русского народа и других народов Российской империи через распространение образования, дарование справедливых законов, мудрую внутреннюю и внешнюю политику. К тому же один из них, Паррот, был неисправимым романтиком, верил в силу мечты, в героизм и благородство на службе государству, в искренность чувств, связывавших простого подданного и монарха. Он доказал это, сохраняя безграничную преданность Александру I на протяжении всего его царствования и даже тогда, когда они не могли уже больше встречаться лично и царь, казалось бы, охладил к своим прежним друзьям.

Почти за четверть века профессор написал много писем императору, тот отвечал ему гораздо реже, но тем не менее также с глубоким чувством. А поскольку Паррот пережил Александра I, то он бережно сохранил у себя все, что относилось к их переписке, и лелеял надежду, что когда-нибудь ее прочитают будущие поколения и будут именно по ней судить о его времени и его царственном друге. «Изобразите меня потомкам таким, каким я был», – попросил однажды Александр I профессора, и тот очень хотел исполнить свое обещание.

С тех пор прошло почти двести лет, но по целому ряду причин большинство писем так и оставалось непрочитанными. Теперь, наконец, можно восполнить этот пробел и впервые познакомиться и ученых-специалистов, и широкий круг читателей, интересующихся русской историей, с этой удивительной перепиской во всей ее полноте.

Данный проект был задуман автором еще в середине 2010-х гг. Его реализация происходила не без трудностей, которые стали особенно драматическими начиная с 2020 г. В то же время следует признать, что долгая вынужденная кабинетная «самоизоляция» значительно способствовала погружению в мир писем и их успешной расшифровке и даже отчасти сроднила автора с тем кабинетным затворником, который двести лет назад так пылко и восторженно желал блага России и ее императору. Но, конечно, уединенная работа не могла бы быть успешной без помощи друзей и коллег-историков, которые мотивировали автора на ее окончание, а также своими содержательными замечаниями и дополнениями значительно обогатили итоговый результат.

Я приношу глубокую благодарность доценту Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Ю. Е. Грачевой, многочисленные архивные разыскания которой серьезно углубили контекст писем; сотрудникам Германского исторического института в Москве Д. А. Сдвижкову и А. В. Доронину за бесценную дружескую и научную поддержку; тартуским ученым Э. Тохври и П. Мюрсену, с чьей помощью мне впервые удалось прикоснуться к пространству Дерптского университета, где работал Паррот; сотрудникам Латвийского государственного исторического архива в Риге и в особенности заведующей отделом использования Г. Минде, предоставившим прекрасные условия для работы с письмами. Также я выражаю искреннюю признательность Российскому фонду фундаментальных исследований, поддержка

которого (грант № 20–09-00162) позволила финансировать научные исследования и перевод писем.

В конце хотелось бы высказать самые теплые слова в адрес Веры Аркадьевны Мильчиной, ведущего научного сотрудника ИВГИ РГГУ, замечательного филолога, историка и удивительного переводчика. Ее глубокое чувство языка, знание культурного контекста эпохи, наконец, искренняя увлеченность переживаниями героев – все это позволило им обрести те уникальные средства выразительности, те подчас единственные слова, которые и ныне, надеюсь, смогут затронуть сердца наших читателей так же, как они это делали в далеком прошлом.

*Андрей Андреев,
Москва, ноябрь 2022 г.*

Исследование

Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: роман в письмах

Георг Фридрих Паррот (1767–1852) – ученый-физик, который родился в германском княжестве Вюртемберг, а большую часть жизни провел на территории Российской империи. В 1802–1825 гг. он занимал кафедру физики в Дерптском (ныне Тартуском) университете. Также он являлся первым ректором этого университета и значительно способствовал развитию в нем научного и учебного процесса. В 1826 г. Паррот был избран в действительные члены Академии наук, переехал в Петербург, где и оставался до конца жизни, продолжая научную деятельность.

При этом в историю России профессор Паррот вошел не только как ученый, но и как собеседник и личный друг императора Александра I. Свидетельством этого общения является их обширная переписка, введению которой в научный оборот и посвящена данная книга.

В период либеральных преобразований начала XIX в., связанных с воцарением Александра I, Паррот принадлежал к целой плеяде друзей молодого императора, в которых тот нуждался для обсуждения важнейших политических реформ в России. В этом смысле переписка между Парротом и Александром I служит очень редким примером доверительных отношений, соединявших самодержавного правителя огромной империи и одного из его подданных, который использовал эту связь не для личной выгоды, но пытался дать толчок изменениям, направленным на улучшение состояния всей страны.

Чисто с количественной точки зрения эта переписка занимает, по-видимому, второе место среди всей личной корреспонденции Александра I (уступая по объему лишь переписке царя с его швейцарским воспитателем Ф.-С. Лагарпом). По обычаю своего времени переписка велась на французском языке. Всего в ней содержится свыше 180 писем Г. Ф. Паррота за 1802–1825 гг., к которым зачастую прилагались подробные записки по различным проблемам внутренней и внешней политики России, а также 38 собственноручных писем Александра I, которые в большинстве своем представляют собой короткие записки, пересылавшиеся царем Парроту во время пребывания последнего в Петербурге, но есть среди них и несколько достаточно развернутых текстов.

Содержание корреспонденции охватывает широкий круг вопросов, связанных с реформами в России, на которые дерптский профессор смотрел с общих позиций либерализма, характерного для общественной атмосферы начала XIX в. в целом. Переписка несомненно отражает глубокую веру Паррота в то, что этим же духом был проникнут и его царственный собеседник. Таким образом, очевидно значение, которое имеют данные письма как исторический источник о политических взглядах и проектах Александра I.

Но ценность переписки не ограничивается тем, что она предоставляет богатый материал для изучения истории александровских реформ, – едва ли не в большей степени письма отражают личные отношения корреспондентов, свидетельствуют об их дружеских переживаниях. Можно по праву сказать, что перед нами своего рода «роман в письмах»: среди всех друзей Александра I профессор Паррот как никто иной в своих посланиях смог выразить сентиментальную сторону их общения, которая оказалась неразрывно связана с происходившими политическими событиями и обсуждавшимися проектами реформ. В этом уникальность данной переписки и ее значение для изучаемой эпохи.

О дружбе, существовавшей между Александром I и профессором Парротом, в российской историографии стало известно еще в середине XIX в. благодаря историку и библиографу

Модесту Алексеевичу Корфу, который оказался первым и на очень долгое время единственным читателем этих писем (подробнее – в следующем очерке). Именно Корф впервые отметил: «Александр, неведомо для массы, поставил дерптского профессора в такие к себе отношения, которые уничтожали все лежавшее между ними расстояние. Паррот не только был облечен правом, которым и пользовался очень часто, писать к государю в тоне не подданного, а друга, о всем, что хотел, о предметах правительственных, домашних, сердечных, не только получал от него самого письма самые задушевные, но и при каждом своем приезде из Дерпта в Санкт-Петербург шел прямо в государев кабинет, где по целым часам оставался наедине с царственным хозяином. Александр искал приобрести и упрочить дружбу скромного ученого, нередко доверяя ему свои тайны, и государственные и частные»¹.

Хотя, как будет ясно из дальнейшего анализа, эта фраза слишком упрощенно и даже неточно изображает характер отношений Александра I и Паррота, к тому же полностью игнорируя их внутреннюю динамику, нельзя не признать, что высказывания Корфа должны были стимулировать интерес историков к изучению наследия дерптского профессора. Действительно, такая попытка была предпринята в конце XIX – начале XX в., когда Фридрих Бинеман (специалист по изучению истории остзейских провинций Российской империи) издал на немецком языке книгу, в которой опубликовал в собственном переводе некоторые важные письма Паррота и записки Александра I, а также пересказал содержание других фрагментов переписки². Именно труды Бинемана позволили российским историкам начала XX в., занимавшимся биографией Александра I, более подробно судить об общем характере отношений Паррота с царем и значении их отдельных встреч. Однако в дальнейшем – несмотря на то, что со времени выхода книги Бинемана прошло уже более ста лет! – корректное и полное введение переписки в научный оборот так и не было выполнено. Очерки о Г. Ф. Парроте до самого последнего времени ограничивались изучением его научной деятельности, а также освещением его вклада в историю Дерптского университета. Хотя о его личной дружбе с Александром I и особенностях их переписки периодически упоминалось в отечественной историографии, но использовались для этого опять-таки цитаты, почерпнутые из трудов Бинемана (и, кстати, по этой причине представляющие собой двойной перевод исходного источника, т. е. сперва с французского на немецкий, а затем с немецкого на русский).

Между тем именно целостное изучение этой переписки позволяет получить действительно новый взгляд на правление Александра I – перспективу со стороны отношений царя с человеком незаурядным, романтически пылким, который не только нес в себе идеалы Просвещения, но и страстно хотел их претворять в жизнь. Называя подобную перспективу «романом в письмах», хочется подчеркнуть, что сама структура переписки содержит, словно в романе, четкое начало, совпадающее со знакомством героев в 1802 г., несколько кульминационных моментов, связанных с их встречами и расставаниями, а также ясно очерченный конец, которым по воле судьбы стало письмо, написанное за месяц до смерти Александра I: в нем Паррот, направляя императору просьбу по поводу пенсии, в последний раз обозревал весь путь, который прошли их отношения. При этом между началом и концом переписки уместилась даже не одна, а несколько политических эпох – от «дней александровых прекрасного начала», минуя борьбу России с Наполеоном, вплоть до «александровского мистицизма» и Священного союза, и каждая из них самым прямым образом влияла на содержание писем. Менялся и характер отношений корреспондентов друг с другом, и именно внимательное чтение «романа» позволяет реконструировать динамику этого процесса. Обе стороны ценили взаимную дружбу и пытались ее сохранить как можно дольше, но расставание Александра I с Парротом было, по-видимому, неизбежно (как это произошло и со многими другими людьми, питавшими дружеские чувства

¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 12.

² Bienemann F. Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902 (далее – Бинеман).

к Александру I). Их окончательный разрыв произошел зимой 1815/1816 гг., а точнее, император не стал возобновлять встречи с Парротом после долгого перерыва, вызванного Отечественной войной, Заграничными походами и Венским конгрессом. Интересно, однако, что согласно внутренней структуре переписки этот разрыв наступил, когда их отношения достигли своей кульминации: в марте 1812 г. Парроту довелось обсуждать с императором самое важное из всего, что когда-либо звучало в их разговорах, поскольку касалось оно ближайшего будущего российского государства, – решение об отставке М. М. Сперанского.

Паррот остро воспринимал после этого невозможность более видаться с Александром I, как переживал он и раньше сложные моменты их отношений, но переписка с его стороны продолжалась вплоть до смерти императора. Вообще же чувства, эмоции Паррота (и отчасти даже Александра I) – радость по поводу достижений на поприще реформ, горечь от неудач, счастье от встреч, надежды на будущее, тревоги и опасения в настоящем, наконец, любовь к общему благу и неприятие тех, кто на этом пути возводит препятствия, – все это выражено в отдельных письмах с удивительной силой, а их текст обладает несомненными литературными достоинствами, приближаясь к лучшим образцам произведений романтического стиля.

Вышесказанное позволяет сформулировать тезис о том, что если раньше изучение дружеского окружения императора Александра I проводилось исключительно в рамках политической истории или истории идей, концепций государственных реформ, то, на наш взгляд, к нему можно и нужно применять также иные подходы. Необходимо привлекать методы такого недавно сформировавшегося направления, как «история эмоций», в чьем фокусе находятся не сами события и идеи (последовательность действий, речей, проектов и т. д.), а переживания исторических личностей, накопление ими «эмоционального опыта», который столь же реален, сколь и идейный, изменения «эмоциональных стандартов» различных исторических эпох и т. д.³ Для применения подобных методов прекрасно подходят эго-тексты, и прежде всего письма, где происходит «репрезентация личности самой себе и окружающим»⁴. Дошедший же до нас корпус источников обладает тем дополнительным преимуществом, что сохранились черновики писем, обогащающие анализ непосредственных эмоций пишущего (через колебания почерка, зачеркивания, вставки и изменения смысла тех или иных выражений и т. д.).

Таким образом, изучение переписки императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота ставит перед историком важные вопросы относительно ее значения для обоих корреспондентов, влияния их встреч и общения на принятие государственных решений. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исследовать не только идейное содержание переписки (обсуждаемые проекты реформ, проблемы внутренней и внешней политики), но и эмоциональную сторону дружбы двух людей, которые находились на столь разных ступенях социальной лестницы. Этот анализ следует начать с обозрения того, каким образом вообще ученый из далекого от России немецкого уголка смог приблизиться к трону российского императора.

³ См. основополагающую статью: *Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90 (4). P. 813–836*; а также новейшую обобщающую монографию: *Plamper J. The History of Emotions: An Introduction. Oxford University Press, 2015* (перевод на рус. яз.: *Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018*) и историографический обзор в кн.: *Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.*

⁴ *Зорин А. Л. Появление героя... С. 43.*

Паррот на пути в Россию и к профессорской кафедре

Георг Фридрих Паррот родился 5 июля 1767 г. в Монбельяре – столице одноименного графства, наследственного владения герцогов Вюртембергских. Отделенное от основной территории Вюртемберга и со всех сторон окруженное Францией (с которой в итоге слилось после 1796 г. вследствие революционных войн), оно располагалось на левом берегу Рейна, неподалеку от границ Швейцарии, в исторической области Франш-Конте. В XVIII в. Монбельяр представлял собой спокойный городок у подножия Юрских гор с населением около трех тысяч человек, преимущественно лютеран по вероисповеданию, занимавшихся ремеслами (славились кузнечное и часовое дело), обработкой сельскохозяйственных культур – льна и конопли, торговлей и даже немного контрабандой (в силу своего изолированного географического положения). Над городом еще высился рыцарский замок – последний свидетель независимости средневекового графства, но казалось, что в новые времена история выбрала для себя другие дороги и ее события никогда уже не будут развиваться в этом укромном уголке Европы. Правда, это ощущение поколебалось в 1769 г., когда в замке поселился со всем своим двором младший брат правящего герцога Вюртембергского, Фридрих Евгений, а с ним и его старшая дочь, десятилетняя София Доротея. Для веселого времяпровождения своей семьи Фридрих Евгений тут же приказал выстроить летний дворец Этюп, молва о прекрасных садах которого разлетелась далеко за пределы этих мест (вся герцогская резиденция будет потом уничтожена революционными властями). Именно здесь прошло беззаботное детство и юность Софии Доротеи, которая еще не знала, что войдет в историю под именем русской императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I и матери Александра I. Будущий дерптский профессор и мать его обожаемого друга, российского императора, оказались земляками – на такие удивительные и знаменательные совпадения всегда богата история!

Семья Паррота по преданию вела происхождение от шотландских протестантов, но ко времени его рождения уже полностью слилась с местной средой. Отец, Жан-Жак Паррот, был хирургом, а позже стал лейб-медиком герцога Вюртембергского, также ведал инспекцией дорог и даже избирался бургомистром родного города; мать, Мария Маргарита, происходила из семьи фабриканта льняной и тиковой ткани по фамилии Буажоль; многочисленные родственники будущего профессора также служили в Монбельяре и появлялись при герцогском дворе – среди них, вероятно, и его старшие братья, ибо сам он родился последним ребенком в большой семье, после более чем двадцати лет брака родителей. От матери Паррот воспринял религиозность и то представление о христианском благочестии, которое, по собственному признанию, оказало влияние на всю последующую его жизнь. Отец же мало участвовал в его воспитании, занимаясь городскими делами, но показал сыну важность служения общему благу⁵.

Интересным и важным является вопрос о языковой идентичности Паррота. Очевидно, что он рос в среде, где постоянно говорили и по-французски, и по-немецки, но тем не менее непосредственно он был окружен именно французским обиходом – его мать носила французскую фамилию, а отец – французское имя, так что, строго говоря, и сам он в детстве и юности привык именоваться не Георг Фридрих Паррот, а Жорж-Фредерик Паррб. То, что французский язык был для него родным, ярко отразилось в письмах к Александру I, где Паррот демонстрирует виртуозное владение всеми красками и силой слова – но в то же время являет и значительную «неприглаженность» правописания (см. следующий очерк). Последнее, возможно, происходило от того, что в Монбельяре использовался местный диалект французского языка, так что на письме потом приходилось переучиваться. В ходе же дальнейшей жизни Паррот

---

⁵ Такие характеристики приведены в автобиографическом письме Паррота, которое тот написал рижскому бургомистру Шварцу в марте 1803 г. (Бинеман. С. 11–12).

потеряет связь с родной языковой средой: тридцать лет в Лифляндии его будут окружать люди, говорящие только по-немецки (в том числе в его собственной семье), на этом языке он продолжит изъясняться в Петербурге и на этом же языке в конце жизни будет составлять мемуары.

После учебы в местной гимназии (где Паррот встретил земляка, который станет на многие годы не только его другом, но и собратом по ученым трудам, – знаменитого естествоиспытателя Жоржа Кювье) в 15 лет Жорж-Фредерик покинул родной город и был послан родителями продолжать образование в Карловой академии в Штутгарте – главной и самой привилегированной высшей школе Вюртембергского герцогства. Здесь Паррот впервые стал Георгом Фридрихом, выучил немецкий язык, а главное, приобрел весьма основательную подготовку по широкому спектру наук. Высшая школа в Штутгарте, преобразованная из военной академии, в 1781 г. получила все традиционные привилегии университета, но преподавание в ней отражало новые тенденции просветительской мысли. Помимо обычных факультетов – медицинского, юридического и философского – были открыты для обучения прикладным навыкам будущих профессий новые факультеты – искусств, военного дела и экономических наук⁶. Именно последним, т. е. политической экономии, и учился Паррот (о чем несколько раз будет вспоминать в переписке с Александром I, выдвигая предложения по финансовым реформам) – однако лишь «pro forma, склонности же влекли его к математике и физике»⁷. Одним из ближайших его друзей по обучению стал И. А. Пфафф (будущий выдающийся немецкий математик, профессор Гельмштедтского университета и учитель К. Ф. Гаусса), который живо поддерживал интерес юного Паррота к исследованию природы. В этом же с ним был солидарен и Кювье, поступивший в академию и присоединившийся к дружескому кругу Паррота двумя годами позже.

Помимо собственно научных знаний, необходимо учесть, что среда Карловой академии также влияла и на формирование личности и мировоззрение Паррота: она была проникнута идеями зарождающегося немецкого романтизма, течения «Бури и натиска». Достаточно вспомнить, что несколькими годами раньше здесь учился Фридрих Шиллер, который именно в Штутгарте принял окончательное решение посвятить себя поэзии (после чего бежал с учебы), и почитание автора «Разбойников», рассказы о нем сохранялись в студенческой среде.

О ранних проявлениях у Паррота «культуры чувств» в ее романтическом понимании свидетельствует эпизод, который одновременно можно счесть вторым из знаменательных пересечений его юношеской биографии с Россией (впрочем, тесно связанным с предыдущим). Великая княгиня Мария Федоровна и ее супруг, великий князь Павел Петрович, совершая заграничное путешествие, не могли, конечно, миновать Монбельяр, а уже на обратном пути остановились в Штутгарте, где 25 сентября 1782 г. нанесли визит в академию. Предание, рассказывавшееся в семье Паррота, гласило, что тому выпала честь от имени студентов выступить перед почетными гостями с речью, в которой бы доказывалось бытие Божие. Но Паррот неожиданно объявил во всеуслышание, что не может этого сделать. На вопрос великого князя, не отрицает ли он, что Бог существует, 15-летний юноша ответил: «Я не отрицаю бытие Божие, я чувствую его. Это больше, чем логическое умозаключение»⁸.

В апреле 1786 г. Паррот закончил обучение в академии и поспешил принять предложение, сулившее хороший заработок, – место домашнего учителя в одной из богатых семей Нормандии. Ради скорейшего отъезда туда он даже отказался от получения ученой степени в Штутгарте, на которую вполне мог рассчитывать. Друзья провожали его с сожалением, но

⁶ См.: *Uhland R. Geschichte der Hohen Karlsschule in Stuttgart.* Stuttgart, 1953.

⁷ Собственное выражение Паррота из того же письма 1803 г. (Бинеман. С. 14).

⁸ Этот рассказ впервые прозвучал публично в речи на погребении Паррота: Бинеман. С. 18–19.

приветствовали обретенную им свободу (чему посвящено шуточное стихотворение, которое при расставании преподнес другу Кювье)⁹.

Во время двухлетнего пребывания во Франции (1786–1788) Паррот воспитывал сына графа д'Эриси и жил попеременно летом – в семейном замке Фикенвиль, а зимой – в городе Кане у берегов Ла-Манша, где получил возможность бывать на собраниях лучшего дворянского общества. Впрочем, Паррот чувствовал себя там (несмотря на безукоризненное владение языком) немцем и вюртембержцем; его даже называли «любезный германец». Вероятно, некоторое отчуждение развило его привычку к долгим одиноким прогулкам, во время которых Паррот наблюдал за природой Нормандии, а также за занятиями ее жителей на земле и на воде (именно тогда, например, он с интересом изучал в близлежащем Шербуре укрепления для защиты города от разгула морской стихии – о чем позже упомянет в письме Александру I, посвященном спасению Петербурга от наводнений). Результаты своих наблюдений Паррот заносил в специальный дневник, озаглавленный «Заметки о механике». Первая научная работа Паррота по математике (курс начал арифметики), посланная им в Париж, летом 1788 г. удостоилась одобрения известного французского академика, астронома Ж. Лаланда. При этом в личных письмах из Нормандии Паррот сознательно рисует образ «нежного и преданного друга, оказавшегося в чужих краях», в них уже тогда культивируется романтический идеал дружбы, и легко найти выражения, подобные тем, которые он будет позже писать Александру I, например: «Дар от единственного друга для меня бесконечно дороже всеобщего признания». А в заметках той поры находится составленный для самого себя «рецепт счастья», куда входят «ингредиенты», почерпнутые из трудов Сократа, Катона, Фенелона и Руссо: трудолюбие, терпение, истина, польза, любовь¹⁰.

Два благополучных года в жизни Паррота вскоре сменились периодом испытаний. Еще во время обучения в академии он обручился с невестой, Сюзанной Вильгельминой Лефорт, дочерью одного из профессоров, который вскоре скончался, что ввергло всю семью в нужду. Узнав об этом, Паррот принял решение досрочно оставить свое место (передав его из рук в руки Кювье) и осенью 1788 г. вернулся на родину, чтобы поскорее подготовиться к бракосочетанию, которое было совершено в апреле следующего года. Супруги обосновались в Карлсруэ, столице Бадена, где жили родственники жены Паррота. Вскоре родились два сына: Вильгельм (1790–1872), позже – пастор в Лифляндии, и Фридрих (1791–1841), который в свое время сменит отца на кафедре физики Дерптского университета. Однако молодая семья никак не могла обрести финансового благополучия: в Карлсруэ Парроту не нашлось подходящей должности для ученых занятий, к которым он стремился, и ему пришлось зарабатывать на жизнь частными уроками математики. Научные работы он теперь писал на немецком языке, сперва даже вынужденно извиняясь за то, что еще не владеет им в должной степени, но ими не удавалось заинтересовать публику, хотя Паррот обращался к темам, сулившим различные практические применения (он предложил теорию и новый способ конструкции ветряных мельниц, затем опубликовал работу по теории света и его разложения на цвета).

В 1792 г. Паррот переехал в Оффенбах, город на Майне, возле Франкфурта. Здесь жизнь была дешевле, чем в Карлсруэ, но начинающему ученому опять не удастся получить место в учебном заведении, на которое он рассчитывал, и он продолжает жить частными уроками, а также надеждами на успех научных трудов. В Лондон на конкурс Общества улучшения кораблестроения Паррот выслал работы о защите кораблей от пожаров и о спасении судна, получившего пробоину, во Франкфурте-на-Майне опубликовал книгу, посвященную теории и практике очищения воздуха в помещениях, а также небольшой, но ценный по содержанию трактат «Дух воспитания, или Катехизис отцов и наставников». Одновременно Паррота одолевали

⁹ Бинеман. С. 27.

¹⁰ Бинеман. С. 31–36.

бытовые трудности: он вынужден был ютиться в двух комнатах вместе с женой и маленькими детьми, за обедом не хватало мяса, все члены семьи болели. А происходившие вокруг политические события не обещали никаких радостных перспектив. Во Франции наступала эпоха Террора, что делало абсолютно невозможными поиски там места для службы. На Среднем Рейне, сравнительно недалеко от города, где жил Паррот, уже начались боевые действия, обернувшиеся поражением войск первой антифранцузской коалиции. В соседнем Майнце вообще была провозглашена республика по революционному образцу, а с октября до декабря 1792 г. знамя революции временно развевалось даже над Франкфуртом, куда вошли французские войска. Надо полагать, что, хотя прямых высказываний Паррота о Французской революции не сохранилось и как человек, воспитанный на идеях Просвещения, он, скорее всего, приветствовал ее, в дальнейшем Паррот весьма серьезно страдал от ее непосредственных следствий, а более всего – от полной неопределенности будущего, которая ощущалась в близких к Франции немецких землях.

Именно поэтому Паррот без раздумий ухватился за приглашение, которое в начале осени 1793 г. прислала его сестра Клеманс, – отправиться домашним учителем в Лифляндию¹¹. Уже в октябре он вместе с семьей покинул Оффенбах, несмотря на то что его жена едва оправилась от долгой легочной болезни. Но в Байройте, спустя лишь пару дней пути, ей стало хуже. Путешествие остановилось, больная не могла ехать дальше ввиду надвигавшейся зимы, а через несколько недель она скончалась. В своем дневнике Паррот записал: «12 декабря 1793 г. был несчастнейший день моей жизни. В этот день я потерял супругу, которую почти семь лет влачил за собой на цепи из моих бедствий. Она скончалась ровно в то время, когда казалось, что проблеск надежды обещает мне лучшее будущее, разделить которое с Вильгельминой было бы для меня неизъяснимым счастьем»¹². Смерть любимой жены стала тяжелым испытанием для Паррота, в котором тот выстоял и потом бережно хранил память о ней в течение всей жизни, а также передавал эти воспоминания своим сыновьям.

В Байройте Паррот оставался полтора года. Собственно, возвращаться ему было практически некуда: Баден и Вюртемберг были в это время уже серьезно затронуты революционными войнами, а Монбельяр оккупирован французами, так что родного брата Паррота, служившего прежде в финансовом управлении графства, якобинцы занесли в список подозрительных лиц, и тот едва смог спастись бегством. По поручению же прусских властей, к которым Байройт отошел с 1792 г., Паррот занялся устройством громоотвода на местном замке, познакомившись при этом с Александром фон Гумбольдтом, выполнявшим здесь функции главы горного ведомства. Как и прежде, Паррот много путешествовал по окрестностям, изучая природу, быт и занятия людей, и в качестве результатов наблюдений опубликовал работы об улучшении мельничного колеса (впервые показав, что для его вращения важнее не вес падающей воды, а ее импульс), а также о физических принципах устройства более экономной печи.

Весной 1795 г. счастье повторно улыбнулось Парроту. Он вновь получил приглашение в Лифляндию, от Карла Эберхарда фон Сиверса из замка Венден, предложившего молодому ученому стать воспитателем его младших сыновей, девяти и тринадцати лет. 28 апреля Паррот выехал из Байройта в Любек, а оттуда на корабле – в Ригу. Плавание было долгим из-за штормов на Балтике, за это время будущий профессор успел дать несколько уроков математики корабельному штурману. 12/23 июня 1795 г. Паррот с двумя своими детьми ступил на берег Лифляндии, которая для всех троих станет второй родиной. Почти сразу по прибытии Паррот узнал о смерти отца, и тем самым порвалась главная нить, еще связывавшая его с местами, где

¹¹ Бинеман. С. 50–51.

¹² Паррот приводит эту цитату из собственного дневника в письме к сыновьям, Вильгельму и Фридриху, от 18 мая 1827 г. Свою общую судьбу с супругой он отсчитывает не от брака (1789), а от даты помолвки (1786), поэтому она и составляет здесь семь лет: Бинеман. С. 51–52.

началась его жизнь. Теперь он чувствовал себя в полном одиночестве, на новой земле, лежавшей «почти за пределами Европы»¹³.

Однако эта земля оказала ему неожиданно теплый прием. Карл Эберхард фон Сиверс (1745–1821) принадлежал к видным представителям остзейской знати, служил с честью в голштинской, австрийской и русской армиях, а в 1798 г. был возведен в графское достоинство вместе со старшим братом, выдающимся деятелем екатерининского времени, новгородским генерал-губернатором, дипломатом, сенатором Якобом Иоганном (Яковом Ефимовичем) фон Сиверсом. В 1777 г. Карл Эберхард приобрел во владение заброшенный замок ливонских рыцарей Венден, а затем отстроил его в соответствии со вкусами новой эпохи и превратил в центр дворянской салонной культуры. Летней же своей резиденцией он избрал усадьбу Альт-Оттенхоф в идиллическом природном уголке, на берегу озера Буртнек, где к тому же совсем неподалеку в своем имении часто и подолгу бывал его знаменитый брат. Именно в Альт-Оттенхоф Паррот сразу направился из Риги и дальше большую часть времени проводил там или в Вендене. Таким образом, он с самого начала попал в среду местных просвещенных дворян, получил возможность завязать с ними дружеские отношения и в том числе наблюдать их усилия по налаживанию хозяйства в имениях и улучшению условий труда крестьян. Один из старших сыновей Карла Эберхарда, граф Георг (Егор Карлович) фон Сиверс, перед тем как сделать блестящую военную карьеру на русской службе, пройдет курс обучения в стенах Гёттингенского и Дерптского университетов, где Паррот будет читать ему физику, но еще до этого, со времени первой встречи в Альт-Оттенхофе, их уже связала крепкая дружба. Наконец, в одной версте от Альт-Оттенхофа лежала соседняя усадьба, Ной-Оттенхоф, где молодой ученый был не только гостеприимно принят, но и дочь хозяина, Амалия фон Гаузенберг, согласилась стать его женой и матерью для малолетних сыновей (второй брак Паррота был заключен в Риге в феврале 1796 г.).

Впрочем, Паррота недолго прельщала сельская жизнь, поскольку он всегда стремился найти точку приложения для своих научных занятий. В 1795 г. в Риге с разрешения Екатерины II, благодаря пожертвованному капиталу, открывалось Лифляндское общепольное и экономическое общество, которое должно было объединять 13 членов, представлявших лифляндское дворянство, и ежегодно отчитываться перед ландтагом (дворянским собранием) о своих достижениях. Обществу был нужен постоянный секретарь, и Паррот прекрасно подходил на эту должность, рекомендовал же его туда еще один новообретенный друг из рода Сиверс, Фридрих Вильгельм (1748–1823), предводитель дворянства Лифляндской губернии. 11 декабря 1795 г. Паррот выступил с речью перед ландтагом, в которой среди прочего призвал помещиков облегчить участь крестьян-латышей через улучшения в сельском хозяйстве, и был единодушно избран секретарем общества, а 10 января 1796 г. состоялось его первое заседание¹⁴.

Должность секретаря принесла Парроту немалое годовое жалованье в 500 альбертовых талеров (что составляло около 700 рублей серебром), а также бесплатную квартиру в съемном доме общества, снабженную всем необходимым. Это позволило ему вновь начать семейную жизнь – его второй брак оказался не только счастливым, но на этот раз и материально обеспеченным. Место домашнего учителя в семье Сиверс он, естественно, оставил, что вовсе не означало прекращения их дружеских связей. В Риге у Паррота появились и новые друзья: его свояк, архитектор Иоганн Вильгельм Краузе, который позже также станет профессором университета в Дерпте; пастор и литератор Карл Готлоб Зонтаг, выдающийся педагог, автор многочисленных сборников проповедей и речей, посвященных нравственному воспитанию; молодой аптекарь Давид Гриндель, страстный экспериментатор, будущий дерптский профессор химии и член-

¹³ Бинеман. С. 56.

¹⁴ Бинеман. С. 61–64.

корреспондент Петербургской академии наук. Такое расширение круга знакомых Паррота за счет «светлых умов» отражало общий процесс развития в Риге идей Просвещения: в него включилась и элита местного дворянства, рассматривавшая проекты в пользу крестьян, и писатели-просветители – так, именно в 1796 г. была опубликована книга Г. Меркеля «Латыши», значительно повлиявшая на дальнейшее национальное движение. В этом смысле как нельзя более кстати пришли практические идеи Паррота: он составлял планы по очистке воды из Двины, очистке воздуха в сиротских приютах и больницах, конструированию новых печей, проект медицинского термометра и т. д. Не забывал он и о теоретических трудах: так, в Риге ученый впервые описал физическое явление осмоса, т. е. прохождения жидкостей через тонкие мембраны за счет диффузии, и его влияние на процессы в живом организме (на этих же результатах Паррот позже построит написанную им для Александра I заметку о вреде шерстяных фуфаяк). Тогда же вместе с Гринделем Паррот провел первые на территории Российской империи эксперименты по изучению гальванического тока¹⁵. Кроме того, ежегодно под его редакцией выходили отдельные тетради трудов Лифляндского общепольного и экономического общества, а родственные по научной тематике экономическое общество в Лейпциге и общество естествоиспытателей в Йене избрали Паррота в свои члены.

Приобретенные за несколько лет пребывания в Риге научные и общественные связи оказались настолько крепкими, что, едва была высказана мысль об основании университета в Лифляндии, кандидатура Паррота рассматривалась для него как само собой разумеющаяся. После того как проект университета, выдвинутый лифляндским, эстляндским и курляндским дворянством, был согласован с Павлом I, с середины лета 1800 г. начались поиски профессоров, которыми руководила комиссия дворянских кураторов, заседавшая в Дерпте. Парроту сперва предложили кафедру «смешанной математики» и военных наук, но тот ответил, что предпочел бы профессию по чистой и прикладной математике. Его просьба была удовлетворена, и в ноябре Паррот получил официальное приглашение занять кафедру в университете. Однако прежде ему необходимо было завершить свои дела в Риге: Паррот направил членам общества обширное рассуждение, в котором объяснял причины, склоняющие его к принятию новой должности. 10 декабря 1800 г. Лифляндское общепольное и экономическое общество рассмотрело это рассуждение (а также новую положительную рекомендацию Ф. В. фон Сиверса) и одобрило переход Паррота с должности секретаря на университетскую кафедру – именно с этого дня он потом и будет отсчитывать свою профессорскую службу.

Еще до прибытия в Дерпт Паррот позаботился о том, чтобы формально подтвердить свою научную квалификацию: для этого в апреле 1801 г. он получил от философского факультета Кёнигсбергского университета диплом доктора за свои работы по физике¹⁶. Конечно, в маленьком Дерпте Парроту будет не хватать круга друзей и общественно значимой деятельности, которые у него были в Риге, а также ее спокойной, обеспеченной жизни. Материальные условия пребывания профессоров в Дерпте были куда более стесненными, а наплыв студентов не предвещал покоя. Чтобы не терять возможности заработка, Паррот уже 25 ноября 1801 г., до публичного открытия университета, состоявшегося 21 апреля 1802 г., открыл в Дерпте свои первые частные лекции по механике. Летом этого же года в университете освободилась кафедра теоретической и экспериментальной физики, которую Паррот охотно принял и оставался на ней в течение всей дальнейшей профессорской карьеры. Ее начало, сопряженное с обустройством кабинетов и лабораторий, строительством университетских зданий, организацией самого университетского управления, обещало быть трудным. Но, конечно, даже в самых смелых мечтах Паррот и представить себе не мог, на какую высоту вознесет его этот

¹⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. Юрьев, 1902. С. 409–410.

¹⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. С. 407.

путь и какое знакомство ожидает его здесь, в Дерпте, спустя всего месяц после открытия университета.

Профессор и император в 1802–1812 гг.: десять лет личных встреч и общения

Переходя непосредственно к рассказу о дружбе Паррота и Александра I, хотелось бы прежде всего привести некоторые общие сведения, описывающие характер их отношений. С мая 1802 г., когда состоялось их знакомство, и до марта 1812 г., когда они виделись в последний раз, профессор регулярно встречался с российским императором. Специально ради этого Паррот восемь раз приезжал в Петербург – и в учебное время (официально оформляя свое отсутствие в университете, с октября по декабрь 1802 г., с июля по сентябрь 1803 г., в первой половине октября 1810 г.), но наиболее часто – во время зимних каникул, прибывая под Новый год и стараясь уехать в течение месяца, чтобы успеть к началу весеннего семестра, хотя иногда приходилось вынужденно задерживаться (это были визиты с января по май 1805 г., в январе 1806 г., с января по март 1807 г., в январе 1809 г. и с января по март 1812 г.). Его личные встречи с Александром I происходили или сразу по прибытии, или спустя долгий период ожидания, и в любом случае не так часто, как хотелось бы самому Парроту (и как просил он в своих письмах). Только за долгое пребывание в 1805 г. Александр принял его пять (или, возможно, даже шесть) раз, в 1807 и в 1812 гг. – по четыре раза, но во все остальные петербургские визиты профессор имел не более двух встреч с императором, поэтому цитированное выше высказывание М. А. Корфа, будто бы Паррот в любой момент мог идти «прямо в государев кабинет», явно преувеличено.

Что же происходило на этих встречах? Какое влияние они имели на самих участников? Каково было значение переписки, которая поддерживала связь между обоими друзьями тогда, когда они находились вдали друг от друга? Наконец, имели ли эти отношения какое-либо воздействие на решения государственного масштаба? Чтобы проанализировать это, необходимо сперва подробнее остановиться на некоторых важных особенностях характера, которыми обладал венценосный друг профессора.

Личность и царствование императора Александра I многократно привлекали внимание историков благодаря политическим реформам и проектам, ставившим целью, базируясь на общих либеральных принципах, модернизировать Российскую империю. В своих стремлениях Александр I был не одинок, у него имелась возможность опереться на определенный слой просвещенной элиты, способной помочь ему в разработке и проведении реформ. Конкретные отношения с отдельными представителями этой элиты у Александра I складывались по-разному, тем не менее традиционно выделяется круг людей, в которых видят «друзей императора» (а применительно к началу царствования даже специально используется термин «молодые друзья», под которыми обычно понимают членов так называемого Негласного комитета¹⁷).

Участие личных друзей Александра I в государственных реформах можно назвать одной из особенностей его царствования. Назовем здесь имена князя А. Чарторыйского, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева, В. П. Кочубея, Ф.-С. Лагарпа, В. Н. Каразина, а для более позднего периода – князя А. Н. Голицына. Императора несомненно объединяли с этими людьми общее мировоззрение и политические принципы. В беседах с ними в юношеские годы Александр находил поддержку своим либеральным идеям. Достаточно вспомнить его памятную встречу с Чарторыйским в мае 1796 г. в саду Таврического дворца¹⁸. Другим значимым примером служат отношения харьковского помещика В. Н. Каразина с российским императором, которые

---

¹⁷ Определение Негласного комитета как кружка друзей молодого российского императора восходит еще к классической биографии Шильдера: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1897 (далее – Шильдер). Т. 2. С. 24.

¹⁸ Мемуары князя Адама Чарторицкого и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 83–86.

начались в первые же недели царствования Александра I с того, что он обнаружил на своем столе письмо Каразина, где пылко высказывались доводы в пользу необходимости скорейшего освобождения крестьян. Каразин затем был приближен Александром I к себе и мог навещать его кабинет для бесед, получив фактически роль «доверенного лица» императора в различных вопросах. Особенно весомым оказался вклад Каразина в дело народного образования при основании нового университета в Харькове¹⁹. Наконец, огромное значение имеет многолетнее общение Александра I и швейцарца Ф.-С. Лагарпа, который не только был наставником царя с самых ранних лет его жизни, но и потом сохранил с ним тесные дружеские связи, а после восшествия того на престол посылал ему письма и мемории с советами, касавшимися различных сторон политической жизни России и Европы в целом. В совокупности эта переписка представляет собой свыше трехсот писем и ста сопровождавших их документов, являющихся весьма информативным источником, который прекрасно показывает и с какой степенью полноты и искренности можно было обсуждать с Александром I проблемы российских реформ, и каким образом царь выстраивал личные отношения со своими собеседниками²⁰.

Но важно подчеркнуть и иной аспект: Александр I и сближавшийся с ним друг представляли свои отношения не только как общность мыслей и идей, но и как совместные переживания, взаимные чувства – уникальные для двоих, которыми именно поэтому можно со всей полнотой души делиться друг с другом. Об этом, например, ясно свидетельствует Чарторыйский, вспоминая слова Александра, что «свои чувства он не может доверить никому без исключения, так как в России никто еще не был способен их разделить или даже понять их», и князь «должен был чувствовать, как ему будет теперь приятно иметь кого-нибудь, с кем он получит возможность говорить откровенно, с полным доверием»²¹. В том же ключе более поздняя переписка Александра I с Голицыным наполнена не просто изложением идей Священного союза, но живыми религиозными переживаниями, которые император стремился поверять своему другу²².

Примеры сочетания в отношениях с Александром I, с одной стороны, идейной близости, а с другой – чувствительности хорошо демонстрирует его переписка с Ф.-С. Лагарпом в 1795–1797 гг. О том, что мировоззрение молодого великого князя в этот период полностью находилось под влиянием идей, переданных швейцарским просветителем, говорит сам Александр, когда в письме, отправленном в момент расставания с наставником, признается, что обязан ему «всем, кроме рождения своего на свет» (эту формулу в отношении Лагарпа Александр будет еще неоднократно повторять в разных обстоятельствах); венцом же их идейной близости послужит знаменитое письмо Александра от 27 сентября / 8 октября 1797 г. с обсуждением замысла и просьбой о советах Лагарпа относительно будущей российской конституции²³. Лагарп с торжеством признавал эту идейную общность, говоря, что страницы таких писем Александра «достойно отлить в золоте». Одновременно во многих своих письмах он показывал и душевную близость к ученику: «Ваши речи, Ваши чувства, все, что до Вас касается, навеки в сердце моем запечатлены. <...> О дорогой мой Александр, позвольте назвать Вас так, дорогой мой Александр, сохраните дружеское Ваше расположение, кое Вы мне столько раз дока-

¹⁹ Болебрух А. Г., Куделко С. М., Хридокин А. В. В. Н. Каразин (1773–1842). Харьков, 2005; Грачева Ю. Е. «Позвольте мне быть полезным!» Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М., 2012.

²⁰ Андреев А. Ю., Тозато-Риго Д. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1 (1782–1802). М., 2014; Т. 2 (1802–1815). М., 2017; Т. 3 (1815–1832). М., 2017.

²¹ Мемуары князя Адама Чарторижского... Т. 1. С. 86.

²² См. переписку Александра I и кн. А. Н. Голицына за 1812–1822 гг.: Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 527–561.

²³ Андреев А. Ю., Тозато-Риго Д. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп... Т. 1. С. 163; 335–340.

зывали, а я Вам до последнего вздоха верен буду»²⁴. И Александр платил ему той же монетой – особенно показательно в этом смысле письмо к Лагарпу от 13 октября 1796 г., в котором великий князь в тяжелой для него ситуации последних месяцев царствования Екатерины II сдерживает себя от изложения каких-либо суждений, но дает волю излияниям своих чувств: «Учусь в тишине, наблюдаю, сравниваю, делаю выводы не всегда приятные, однако надеждой смягчаемые. Надежда, по мнению моему, есть душа жизни; вовсе несчастливы были бы мы без нее. Она-то мне и служит поддержкой и позволяет думать, что даровано мне будет счастье с Вами еще раз свидеться, любезный друг мой. Ах! сколько бы я таким свиданием был утешен. Одна мысль об этом меня чарует, и нередко ей предаюсь. Рассказал бы Вам о многом. Ах! почему Вы так далеко!.. Право, мог бы я сочинить целый трактат о терпении; ибо мне его очень много требуется. Будем надеяться, вот мой вечный припев. Спросите сердце Ваше и чувства, они Вам доскажут то, о чем я молчать должен»²⁵.

Добавим к этому, что именно Лагарп сознательно развивал у юного Александра культ дружбы, учил, что она есть «драгоценное достояние человека» и отвечает естественному побуждению человека «раскрыть душу», но в то же время предупреждал его, что друзья будут склонны злоупотреблять доверием императора, а потому сближаться с ними нужно «с великой осмотрительностью», выбирая «по преимуществу людей скромных»²⁶. Можно подчеркнуть, что наставления Лагарпа не только наполняли мировоззрение Александра идеями эпохи Просвещения, но также и воспитывали его характер в духе сентиментализма.

Все это надо учитывать, чтобы верно оценить умонастроения и эмоциональные порывы души Александра I в тот момент, когда зарождалась его дружба с Парротом. Императору тогда было 24 года (т. е. на десять с половиной лет меньше, чем профессору), и в мае 1802 г. он отправился из Петербурга в свое первое заграничное путешествие – в прусский Мемель, чтобы встретиться там с королем Фридрихом Вильгельмом III и заручиться союзом с ним. Но дружеские отношения, к которым открыто было сердце молодого императора, подстерегали его на этом пути еще раньше, внутри границ Российской империи.

22 мая 1802 г. Александр I прибыл в Дерпт. Поскольку это одновременно была и первая его поездка по стране после восшествия на престол, то неудивительно, что царь не ограничился проездом через город, а решил в нем остановиться и посетить только что возникший университет. Профессора и университетское начальство (кураторы) узнали об этом накануне и пребывали в волнении. Решено было, что кураторы встретят Александра I на площади перед ратушей, чтобы от лица дворянства остзейских провинций выразить благодарность за открытие университета, а затем проведут в аудиторию, где собраны профессора и студенты. Именно от их имени должна прозвучать кульминация праздника – торжественная речь, обращенная к Александру I. Произнести ее поручили Парроту.

Надо сказать, что выбор этот напрашивался сам собой. Паррот к тому моменту стал деканом философского факультета, т. е. получил все права говорить от лица корпорации, а также прекрасно владел требуемым для этой речи французским языком и не только: зная о симпатиях Александра I к идеям Просвещения, именно он мог подобрать достойные того выражения (правда, кураторы до последней минуты пытались проконтролировать конкретное содержание речи²⁷). И его слова действительно произвели на императора сильное впечатление. Начав с обычных похвал монарху-благодетелю, Паррот затем торжественно выразил надежду на то, что наступившее царствование облегчит участь крепостных крестьян, которых «феодалная система обрекла на жизнь весьма скудную», а также произнес клятву университета, что тот

²⁴ Там же. С. 165.

²⁵ Там же. С. 311.

²⁶ Там же. С. 133.

²⁷ Паррот вспоминал об этом в 1803 г., см. письмо 16 в наст. изд.

положит все силы ради блага «человечества во всех его классах и формах» и будет «бедного отличать от богатого, а слабого от могущественного для того лишь, чтобы бедному и слабому участие оказывать более деятельное и заботливое»²⁸.

Несомненно, что Александра I привлекли энергия и либеральный запал профессора – они не только соответствовали его собственным надеждам на реформирование России, но и доказывали, что при проведении политики реформ царь обретет себе деятельных помощников. Иными словами, он нашел в Парроте те же черты, какие видел у своих друзей по Негласному комитету или у Каразина. Речь Паррота так понравилась Александру I, что он попросил для себя ее письменный текст, не подозревая, что тот существует лишь в виде небольшого чернового листка, сложенного со всех сторон так, чтобы поместиться в шляпу (Паррот потом бережно хранил его). Но как только коляска с императором скрылась из виду под прощальные возгласы профессоров и студентов, Паррот тут же побежал к себе и снял со своего листка беловую копию (также сохранившуюся среди бумаг Паррота), а уже с нее сделали список для императора, успев вручить ему на следующей почтовой станции.

Успех Паррота означал для него и нечто большее: как он неоднократно потом подчеркивал, в самом взгляде императора чувствительное сердце профессора прочитало признание правоты собственных слов и любовь к общему благу. Это внутреннее переживание заставляло Паррота стремиться продолжить общение с царем – на письме, но втайне мечтая о личном разговоре. Многие способствовало тогда воплощению этой мечты, а в иных случаях Паррот готов был обращать в свою пользу любые поводы. Уже 28 июня университет избрал его (вот еще одно следствие успеха!) проректором, т. е. главой всей профессорской корпорации, которая в это самое время начала противостояние с кураторами по вопросам университетских прав и привилегий (о чем подробнее – в следующем параграфе). Решение этого вопроса с 8 сентября 1802 г. оказалось в руках созданного по указу Александра I Министерства народного просвещения. Так служебные устремления Паррота совпали с его личными, поскольку вели проректора в Петербург.

Но и до этого Паррот уже нашел два способа, чтобы напрямую обратиться к Александру I. Еще весной от императора в Дерпт официальным путем поступило сочинение брауншвейгского ученого Э. А. Циммермана (написанное, очевидно, по российскому заказу), в котором обсуждалась организация в Лифляндии университета. Паррот воспользовался этим и составил огромный отзыв (на 27 листах), где, далеко выходя за рамки университетских вопросов, значительную часть посвятил описанию бедственного положения прибалтийских крестьян и доказательству необходимости отмены крепостного права, которое должно происходить через постепенное предоставление латышам и эстонцам свободы и земли в собственность, дарование защищающих их законов и судов, а также развитие народного образования, поскольку только это позволит им стать настоящими гражданами своей страны. 11 августа труд Паррота (от имени всего философского факультета) был послан Александру I, благодаря чему тот впервые мог познакомиться с развернутым изложением проблем крепостного права в Прибалтике и способов их решения. Это безусловно возвысило оценку Паррота в глазах императора, а особенно значимым для автора стало то, что Александр собственноручно написал ему письмо, где выразил свое согласие с содержанием отзыва, «наполненного идеями столь же просвещенными, сколь и благотворными». Поэтому 30 августа, в день тезоименитства императора, Паррот решился обратиться к нему с новым посланием, основной сюжет которого затрагивал личное здоровье государя – это была та самая записка о вреде шерстяных фуфаяк, в которой профессор трогательно беспокоился, чтобы фуфайки эти не превратились для Александра в «медленный яд», объяснял, как правильно от них отказываться, а для того даже пересылал изготовленное его женой трико специальной вязки. При этом в заключительном абзаце письма

²⁸ Речь была впервые опубликована на французском языке в книге Бинемана (С. 115–116); см. письмо 1 в наст. изд.

затрагивалась и наиболее волновавшая всех профессоров тема – «несовершенство устройства» университета в Дерпте, исправить которое может только император, для чего необходимы его личные консультации с одним из университетских ученых.

Именно с этой целью 5 октября 1802 г. Паррот выехал в Петербург. Отметим, что в его поступке содержался немалый риск: никто не мог гарантировать, что он добьется для университета искомых решений, выступая с инициативой против воли своих начальников. Вероятно, поэтому, официально извещая корпорацию о своем отъезде, Паррот назвал его причиной «личные обстоятельства», т. е. по сути обманывал не только кураторов, но и своих товарищей. Но профессор готов был пойти на этот риск ради главного – надежды на личную встречу с императором. Козырем, который он вез с собой, был его давний друг Георг фон Сиверс, окончивший в 1799 г. Пажеский корпус и сохранивший связи при дворе. В первые же свои дни в Петербурге они нанесли визиты знакомым, постоянные контакты с которыми профессор будет поддерживать и в дальнейшем (среди них – видный чиновник Коллегии иностранных дел Христиан Бек, польский аристократ граф Людовик Платер, придворный художник Герхард фон Кюгельген). Благодаря им Паррот с каждым днем приближался к своей цели: Бек представил его В. П. Кочубею и М. Н. Муравьеву (товарищу министра народного просвещения), а Платер – Чарторыйскому и Новосильцеву. 13 октября через Кочубея Паррот передал письмо для Александра I – еще один блестящий образец красноречия с целью убедить царя в том, что Дерптскому университету необходим Акт постановления, высочайше утвержденная грамота с перечислением всех университетских привилегий, которые бы позволили уберечь ученых от «коварных заговоров» врагов Просвещения. Александр I явно счел доводы убедительными: 18 октября он передал через Новосильцева, что готов принять Паррота лично, Чарторыйский же обещал перед этой встречей обсудить предварительный текст Акта с императором и даже успел сообщить его поправки Парроту²⁹.

Но Парроту и этого оказалось мало для первой личной встречи с Александром I. По собственному почину он вмешался в обсуждение острого вопроса, касавшегося Лифляндии. Речь шла о причинах и следствиях так называемого Каугернского восстания (9–10 октября 1802 г.) – возмущения крестьян-латышей в Вольмарском уезде, вину за которое Паррот целиком возлагал на местных помещиков и судей. Он почувствовал, что должен стать «защитником страдающей нации»³⁰. Профессор умолял Чарторыйского и Новосильцева сообщить это его мнение государю, а потом, выяснив максимум подробностей через Бека, составил записку, обличавшую истинных виновников.

Таким образом, держа в руках сразу два документа, направленных на защиту прав «угнетаемых» и демонстрировавших либеральные взгляды автора, Паррот впервые пересек порог императорского кабинета. Это произошло 26 октября 1802 г. Неудивительно, что Александр I, извещенный об обсуждаемых темах, встретил Паррота словами: «Вас ненавидят, потому что Вы служите человечеству. Ваши враги без устали работают против Вас. Но рассчитывайте на меня – у нас одни и те же принципы, мы идем по одной дороге»³¹.

Действительно, Паррот получил от императора полное одобрение тем идеям, с которыми явился. Но не менее важной оказалась и эмоциональная сторона разговора, изображение которой, правда, дает только сам Паррот, в своих мемуарах описывая ключевые штрихи возникших личных отношений. Поприветствовав профессора, Александр протянул ему руку. «Я схватил ее, чтобы прижать к сердцу, – пишет Паррот. – Я уже принадлежал ему. Он однако же подумал, что я хочу ее верноподданно поцеловать, и отдернул ее. В одно мгновение укориз-

²⁹ Подробности пребывания в Петербурге изложены самим Парротом в его мемуарах, опубликованных Бинеманом, здесь цит. по: Бинеман. С. 145–146.

³⁰ Бинеман. С. 148.

³¹ Слова Александра I приведены в мемуарах Паррота, цит. по: Бинеман. С. 150.

ненный взгляд с моей стороны известил его об ошибке. Он протянул мне ее снова. Я прижал ее к сердцу с неизъяснимым чувством. Он взял меня за плечи, обнял с нежностью обеими руками и повел на несколько шагов прочь от места этой сцены. – О, Природа! Не существует препятствий, коих не могли бы преодолеть сердца, которые Тебе принадлежат. Как чудесно поняли мы друг друга!» При расставании же Паррот сказал императору, что готов ради него пожертвовать жизнью, и наблюдал ответную реакцию Александра: «Он закрылся рукой, затем схватил мою руку обеими своими и долго удерживал с неописуемым выражением лица», так что Паррот вынужден был освободиться из этого «сладкого плена». «Прощайте, – сказал император с нежностью, бросился мне на шею, прижал меня к сердцу и поспешил вон из комнаты с глазами, мокрыми от слез. Еще пару слов, сказанных им на удалении, я не смог разобрать»³².

В мемуарах Паррот предельно ярко выразил дискурс взаимных чувств между ним и императором: «Каждый человек, – рассуждал профессор, – переживает очень счастливый период в своей жизни, период первой любви, в котором есть мгновение наивысшего восторга, когда его девушка говорит ему: „Я люблю тебя“. Нечто подобное было в моем тогдашнем положении, хотя и совсем по-другому. Любящие уединяются друг с другом, погруженные в их любовь, их счастье только для них. У меня же все было наоборот: я принадлежал всему человечеству, братался с тысячами, которым я теперь мог плодотворно служить. К этому возвышенному чувству примешивалась и самая нежная и твердая привязанность к человеку, которому я теперь особенно принадлежал и который так же точно мне принадлежал, и тем самым в моей груди соединялось все, что может сделать человека счастливым»³³.

Подчеркнем, что аналогия, которую Паррот приводит для характеристики своих чувств («любовь к девушке»), четко использована им не в сопоставительном, а в противительном смысле. Речь тем самым идет не об обычной любви, а о ее высшем, целомудренном содержании, когда через любовь к конкретной личности человек постигает любовь к ближнему вообще – к тем миллионам людей, которых Паррот теперь ощущает как братьев и служению которым он намерен посвятить жизнь. Стоит ли напоминать, насколько эти слова близки программным изречениям эпохи романтизма («Seid umschlügen, Millionen! Diesen Kuss der ganzen Welt!»³⁴).

Новый дискурс отношений будет четко проявляться теперь и в личной переписке (разрешение на которую дал император). Если первые обращения Паррота к царю в августе 1802 г. и ответное письмо Александра еще содержали формальные черты и по сути являлись общением между российским императором и проректором Дерптского университета, то затем всякая формальность исчезает из переписки, а ее стиль и обороты речи становятся предельно возвышенными и трогательными. Слова «любовь», «возлюбленный»³⁵ будут дальше постоянно употребляться Парротом при обращении к Александру I, но при этом зачастую через запятую с упоминанием любви к людям как к братьям, любви царя к народу, любви к истине и справедливости, указывая именно на платонический контекст употребления этого понятия. Характерно, что профессор подписывает письма не иначе как «Ваш Паррот», опуская при этом все требовавшиеся эпистолярным этикетом формулы («Ваш покорнейший слуга» и проч.) и тем самым подчеркивая принципиальное равенство двух корреспондентов перед лицом их дружбы и взаимных чувств. И надо сказать, что и Александр I мог отвечать ему с не меньшей эмоциональностью и симпатией – особенно часто это происходило в 1805 г. (см. ниже). Правда, несколько раз Александр все же пенял Парроту за избыток нежных выражений в письмах и

³² Бинеман. С. 153.

³³ Бинеман. С. 153–154.

³⁴ (нем.) «Обнимитесь, миллионы! В поцелуе сливайтесь, свет!» (Ф. Шиллер, «Ода к радости», 1785).

³⁵ Собственно говоря, французское слово «bien-aimé» (букв. «возлюбленный»), которое очень часто встречается в переписке в качестве обращения Паррота к Александру I, требует языковой контекстуализации – в частности, именно при обращении к монарху оно закрепилось во французском этикете второй половины XVIII в., поскольку таково было обычное наименование Людовика XV (Louis XV le Bien-Aimé).

даже при новой личной встрече в Дерпте в 1804 г. попросил не быть к нему столь «пристрастным» и не любить так сильно³⁶.

Эмоциональная привязанность Паррота к Александру I создавала моральную дилемму, которую тот осознал далеко не сразу. Паррот спешил «служить человечеству», т. е. реализовывать свои либеральные идеи, опираясь на поддержку императора. Но возникающая при этом необходимость преодолевать служебные механизмы часто ставила Александра I в затруднительное положение по отношению к его подчиненным. Так, например, добиваясь подписания Акта постановления для Дерптского университета, Паррот фактически дезавуировал мнение министра народного просвещения, графа П. В. Завадовского, делавшего ряд возражений, и заставил Александра I признать, что тот «не будет снисходить к министру до такой степени, чтобы идти наперекор тому, о чем они [Александр I и Паррот] уже договорились»³⁷. Таким образом, перед Парротом постоянно стоял выбор – добиваться ли своих целей, как он их понимал, ради всеобщего блага, или отступить, но зато избежать огорчений и трудностей для императора. Анализируя это противоречие, Паррот со временем пришел к мысли о необходимости «владеть Александром», руководить его деятельностью, постоянно убеждая его и «направляя к добру» – именно такой вывод сделали ранее и «молодые друзья» императора, члены Негласного комитета³⁸.

Корреспонденция Паррота за 1803–1804 гг. прекрасно показывает, как постепенно развивалось в нем желание доминировать над личностью Александра I, причем абсолютно в параллель с повышением градуса эмоциональности писем. Так, 16 апреля 1803 г. Паррот написал императору обширное письмо³⁹, обличая местных «утеснителей» университета, и Александр I захотел подробно ему ответить, взяв с профессора обещание сжечь это письмо. Паррот исполнил его волю, но сохранил пепел в отдельном конверте⁴⁰, в память об особой искренности императора, которая чрезвычайно тронула его друга. Ясно, что в тот момент она была нужна и самому Александру I. Сожженное письмо могло положить начало доверительной переписке, в которой, однако, едва ли затрагивались бы существенные вопросы, волновавшие тогда Паррота (о защите университета от нападков дворянства и проч.), – для императора было важнее самому эмоционально выговориться, поделиться общими размышлениями о противостоянии «врагам добра», о том, что человек познается в посылаемых ему испытаниях (намекая, несомненно, на свою судьбу), и тем самым утешить друга⁴¹. Иными словами, Александр I вновь проявлял себя как герой эпохи сентиментализма, погруженный во внутренние ощущения, из которых не следовала какая-либо ясная программа действий.

Бурная же натура Паррота в своих проявлениях оказалась более под стать наступающему веку романтизма. Увидев душевное движение Александра к нему навстречу, он поспешил сам сделать несколько шагов вперед. Уже 5 июля 1803 г. происходит их следующее свидание (профессор прибыл в Петербург для подписания Устава Дерптского университета), после которого Паррот почувствовал необходимость прояснить для обоих характер их дружбы: он просил Александра (в черновом отрывке, который потом будет исключен из письма) «окинуть взором ход их отношений», говорил, что готов ответить на ряд «невысказанных вопросов» со сто-

³⁶ См. письма 28 и 90.

³⁷ Бинеман. С. 165.

³⁸ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 47.

³⁹ Это и другие письма Паррота для императора отправлялись к Фридриху Максимилиану Клингеру – еще одному новому другу Паррота в Петербурге, назначенному (по его рекомендации) попечителем Дерптского учебного округа. Клингер же дальше передавал эти письма Новосильцеву, который вручал их Александру I. В последующие годы, в связи с отъездом Новосильцева, его сперва заменил Чарторыйский, а затем Парроту удалось договориться о том, чтобы во дворец его письма доставлялись через И. Ф. Гесслера, обер-гардеробмейстера императора.

⁴⁰ См. письмо 17 и комментарии к нему.

⁴¹ Содержание сожженного письма отчасти восстанавливается по ответу Паррота на него – см. письмо 18.

роны императора, и, в частности, отвергал возможность остаться в Петербурге при его особе, не желая изменять своему профессорскому призванию за исключением одного-единственного случая, о котором императору «известно» (профессор был готов сопровождать царя на войне, где будет возможность умереть подле него)⁴².

Следующая важная веха падает на 12 декабря 1803 г., день рождения Александра I и одновременно годовщину принятия Акта постановления Дерптского университета (уступая настойчивой просьбе Паррота, император намеренно подписал Акт так, чтобы оба торжества соединились). В этот день профессор составил письмо чрезвычайного эмоционального накала, с выражением возвышенной любви к императору и резким, спонтанным переходом на «ты» в финале, где писал: «Слезы навернулись на глаза. О мой Герой! Друг человечества! Смертный, всем людям столь драгоценный. Если желанию моему не суждено сбыться, если предпочтешь ты моему сердцу чье-то другое – не думай, что сделаешь меня несчастным. <...> Останется мне любовь к добродетелям твоим, любовь, коей в высшей степени ты достоин, и обрету я в ней счастье своей жизни. Да, останется она мне, потому что ты пребудешь всегда прежним, потому что продолжишь всегда братьев моих любить с прежней нежностью»⁴³.

Правда, вслед за этим и следующим письмом (отправленным вскоре, в качестве своеобразного отголоска) последовал почти полугодовой перерыв в переписке, но его с лихвой компенсировало новое свидание с Александром I, состоявшееся 16 мая 1804 г. Император тогда нанес короткий визит в Лифляндию, переночевав в Дерпте. Он осмотрел местный полк и университетские постройки, лаборатории и библиотеку, а в десять вечера дал часовую аудиенцию Парроту (с которым, впрочем, разговаривал и днем, во время прогулок по городу). Итоги этой встречи привели профессора в восторг. Паррот писал потом о своем счастье: «Последнее Ваше в Дерпте пребывание, сей час навеки памятный никаких мне желаний не оставляет, кроме одного: сердце еще более чувствительное завести, чтобы Вас любить еще сильнее»⁴⁴. Излияния чувств к Александру появляются теперь практически в каждом письме, а сами письма отправляются в Петербург гораздо чаще, чем раньше, почти ежемесячно. Новым шагом становится то, что Паррот в июне 1804 г., ввиду разгорающегося противостояния между Россией и Францией, впервые осмеливается давать Александру I советы по вопросам внешней политики (хотя и скромно замечает, что его это не касается) – очевидно, ощущая соответствующую степень доверия и возможность влиять на императора.

Однако длительное пребывание Паррота в Петербурге в январе – мае 1805 г. стало подлинным «испытанием чувств», поскольку явило множество препятствий для развития личных отношений и реализации либеральных проектов. Главным из последних был план организации приходских училищ для народа (о нем подробнее – в следующем параграфе). Попытка реализовать этот проект поставила Паррота в острый конфликт не только с руководством Министерства народного просвещения, но даже с одним из его, казалось бы, единомышленников – Новосильцевым, который резко возражал против отягощения казны дополнительными расходами накануне грядущей войны⁴⁵. В этой ситуации Паррот всячески пытался использовать свое влияние на Александра I. Тот же, хотя и принял профессора сразу после приезда и получил из его рук текст проекта, не захотел вмешиваться в рассмотрение этих документов в министерстве и тем самым не мог избавить Паррота от всяческих внутриведомственных возражений и проволочек. В ожидании желаемого решения, растянувшимся на многие недели, Паррот со

⁴² См. письмо 20.

⁴³ Письмо 26.

⁴⁴ Письмо 29.

⁴⁵ Грачева Ю. Е. Профессор Г. Ф. Паррот в борьбе за развитие начального образования в остзейских губерниях // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 69.

всем пылом своего темперамента изливал досаду в письмах к императору, непрерывно увеличивая давление на него, особенно в споре с Новосильцевым.

Александр же в своих коротких ответных записках несколько раз проявлял сочувствие к Парроту, утешая его заверениями в неизменности их отношений: «...огорчен, что Вы на мой счет можете сомнения питать; остаюсь и буду всегда тот же» (29 марта), и в еще более эмоциональной форме: «Отчего Вы всегда так страстны, отчего отчаиваетесь так скоро? Решимость должна рука об руку идти со спокойствием, неужели Вы без него обойтись хотите? Есть случаи, когда сомневаться значит обижать; чем же дал я повод сомневаться в моих чувствах к Вам? Разве уважение Ваше ко мне доверия не предполагает?» (8 мая). Но одновременно император явно дистанцировался от проектов Паррота, а встреча, на которой тот хотел получить окончательное согласие Александра I на учреждение приходских училищ, все время откладывалась.

Наконец, 11 мая Паррот добился своего, получив, как ему тогда представлялось, полное одобрение императора (и в последующем несколько раз он подчеркнуто приписывал этот проект не себе, а самому Александру I). Но для романтической дружбы этого оказалось недостаточно – в письме по итогам встречи профессор явственно упрекал императора, что тот, одобряя реформу, «не был счастлив», т. е. требовал не только внешнего, но и внутреннего признания своей правоты. В такого рода замечаниях можно увидеть ключевые особенности характера Паррота и его отношения к дружбе: ему мало было, что его друг делал то, что хотел Паррот, соглашался с мыслями Паррота, – ему требовалось еще, чтобы друг *чувствовал* так же, как и он сам. Именно в этом и заключался смысл «владения Александром» (к которому, как отмечалось, в той или иной степени стремились все его друзья), и это отношение существует и трактуется именно внутри эмоциональной культуры романтизма.

Неудивительно поэтому, что вместо того, чтобы щадить друга и ослабить свой нажим на него, Паррот лишь его усиливал. В цитированном выше письме он советовал царю открыто подвергнуться всем неудовольствиям, сопряженным с этим решением, – и вообще быть деспотом, чтобы спасти свою нацию⁴⁶. Следующее же письмо, зачитанное Парротом Александру I при их расставании 27 мая 1805 г., вообще выглядит как весьма дерзновенное по своему масштабу вмешательство частного человека в компетенции императора, с критикой и советами, как тому лучше управлять страной. Раз вступив на этот путь, Паррот не будет упускать данную линию из виду в дальнейшей переписке, продолжая давать царю как общие, так и частные советы в различных государственных областях.

Как представляется, весна 1805 г. знаменовала первый серьезный кризис в отношениях Александра I и Паррота. Заметно было, что Александр I дорожил связью со своим другом на эмоциональном уровне, ценил его и свои переживания, но вовсе не спешил реализовывать идеи Паррота – последний же, напротив, убедился в необходимости доминировать над императором для воплощения в жизнь проектов, нацеленных на «всеобщее благо», и теперь готов был вмешиваться в любые стороны управления государством. Это противоречие уже не исчезнет из их отношений и будет дальше только усугубляться.

Впрочем, неизвестно, как бы эти отношения развивались в ближайшей перспективе, если бы не начавшаяся в том же 1805 г. война с Наполеоном. Поэтому новые встречи Паррота и Александра I в январе 1806 г. состоялись на совершенно ином фоне: царь только что потерпел жестокое поражение, но на поле Аустерлица «думал» о Парроте⁴⁷. Едва он вернулся в Петербург, как профессор уже спешил туда. После Аустерлица его дружба, теплые слова действительно нужны Александру, поэтому тот встречает Паррота запиской: «Я также с нетерпением нашей встречи жду и очень ей рад», говоря затем, что сам пригласил бы профессора в Петер-

⁴⁶ Письмо 65.

⁴⁷ Паррот упомянул об этом несколько раз позднее, наиболее развернуто – в 1825 г., письмо 214.

бург, если бы тот уже не приехал⁴⁸. Далее происходит немыслимое в отношениях императора с обычным подданным: Александр I больше часа ждет Паррота, который по какой-то неизвестной причине опоздал и затем написал записку с извинениями, – и император легко его прощает, назначая новую встречу. После нее Паррот напишет, что нашел Александра именно таковым, каким желал видеть⁴⁹. Само собой, что ощущение этой близости сохраняется в последующих письмах Паррота за 1806 г.: например, в мае, узнав о беременности императрицы, он дает Александру советы о воспитании ребенка⁵⁰.

Зато следующий визит Паррота в Петербург в январе – марте 1807 г., по сути, был неудачным. Деловым поводом для визита стало желание профессора завершить учреждение приходских училищ, которое находилось в подвешенном состоянии, встретив сопротивление со стороны не только Министерства народного просвещения, но и местного дворянства. Но Паррот, как всегда, был полон и других идей – так, к полному удивлению Александра I, он хотел обсудить с ним состояние собранного для войны с Наполеоном народного ополчения в остзейских губерниях. И хотя император немедленно среагировал на тему, касавшуюся его армии, но попросил изложить ее письменно, а личную встречу отложил почти на месяц. За это время жаловавшийся на свое нездоровье Паррот буквально изнывал от нетерпения, что непосредственно отражалось в его письмах – Александр же в течение трех недель не отвечал ему ни слова, усугубляя болезненность ситуации.

Когда же император наконец принял своего друга, то выяснилось, что вопрос о приходских училищах требует повторного рассмотрения в министерстве. Откладывавшееся из-за этого подписание соответствующего указа доводит Паррота до отчаяния, причем не только от неудачи в делах – ему кажется, что он теряет «своего Александра», что тот от него отдаляется. В письме от 10 марта 1807 г. эмоции Паррота особенно заметны, не только по содержанию, но и по тому, как изменяется почерк в черновике (от твердого в начале до почти не читаемого в конце): «Александр! Возлюбленный мой! <...> Излейте же Ваши печали единственному другу. Не бойтесь меня огорчить, страдать вместе с моим Александром, ради него есть наслаждение для моего сердца. Но знать, что Вы тревожитесь, быть может, страдаете, и не разделять с Вами эти чувства – для меня самое жгучее мучение. Доверьтесь же Вашему прежнему Парроту. Обязаны Вы это сделать ради самого себя, ради священной дружбы, нас связующей, даже в том случае, если причина Вашего огорчения не кто иной, как я сам. – Взволнован я сверх меры. Отчего не могу Вам это чувство сообщить, руки Вам в этот миг протянуть, к сердцу Вас прижать, своей нежностью Вас принудить душу облегчить!»⁵¹

В середине марта 1807 г. Александр I собирается уезжать из Петербурга в Восточную Пруссию, а указ об учреждении приходских училищ так и не подписан. Паррот всеми силами пытается этого добиться, но тщетно – после внесения поправок устное согласие императора получено, однако его подпись должна появиться только тогда, когда документ пройдет еще один круг оформления в министерстве, император же к тому моменту уже покинет столицу. Действительно ли Александр I подвел «своего Паррота»? Или он просто пытался следовать бюрократической процедуре, а с отъездом на театр военных действий новые заботы полностью заслонили этот вопрос? Как бы то ни было, результат не был достигнут, и на профессора это произвело очень тяжелое впечатление.

Вскоре последовали и новые удары. В июле 1807 г. Паррот направился в командировку от университета для осмотра школ в городах Лифляндии; подлинный же его мотив заключался в том, чтобы не упустить возможность вновь увидеть Александра I, когда тот будет проезжать

⁴⁸ Письмо 79.

⁴⁹ Письмо 84.

⁵⁰ Письмо 92.

⁵¹ Письмо 120.

из Тильзита в Петербург. Профессору это удалось 3 июля в Вольмаре; император повторил обещание относительно скорого появления указа и разрешил, не дожидаясь его, готовиться к открытию приходских училищ уже в наступающем учебном году (как выяснится, свое слово император не сдержал). Но самое главное случилось две недели спустя: в письме от 15 июля 1807 г. из Риги Паррот решился на чрезвычайное предложение, которое долгое время гнал от себя. Считая, что наступил критический момент царствования своего друга, которому предстоит огромная работа по урегулированию политических дел как внутри империи, так и за ее пределами, Паррот просил назначить себя личным секретарем императора.

Стоит подчеркнуть, что профессор не только точно обозначил масштабы нового этапа государственных преобразований, перед которым находился Александр I в 1807 г., но и сам хотел занять центральное место в реформаторской деятельности – ровно то место, которое в результате получил М. М. Сперанский (именно он с октября 1807 г. стал личным секретарем императора). Ради этой деятельности Паррот готов пожертвовать своей ученой карьерой, налаженным семейным бытом в Дерпте и т. д. Конечно, такой шаг для него был обусловлен не только рациональными побуждениями (неизменным, многократно отмеченным выше стремлением «помочь Александру» управлять страной), но и эмоциональным порывом: «Заканчиваю письмо с волнением; ощущаю огромность ноши, какую на себя взвалить готов. Приблизиться к Вам есть для меня вещь самая священная. Боже всемогущий! Боже милостивый! Сделай так, чтобы я в своей решимости не раскаялся!»⁵²

Письмо из Риги, особенный вес которого подчеркнут еще и тем, что профессор (возможно, намеренно ошибаясь на пару недель) датировал его днем своего 40-летия, выглядит одной из наивысших точек во всем ходе отношений. Оно подчеркивает жертвенную любовь Паррота к императору – и одновременно масштаб его притязаний. Но Александр I никак не отреагировал на этот порыв, что не могло не причинить профессору глубокое огорчение. После нескольких писем, в которых Паррот снова и снова пытался достучаться до императора, с ноября 1807 г. переписка замирает. А в двух новых письмах, которые были отправлены в апреле и июне 1808 г., выражена неприкрытая обида: оба они написаны в подчеркнуто официальном стиле, профессор представлял государю счет расходов за так и не открытые приходские училища, выверенный до копейки, и впервые в их переписке подписался в строгом соответствии со служебным этикетом: «Вашего Императорского Величества смиреннейший и покорнейший слуга и подданный Паррот».

И вдруг неожиданно 3 сентября 1808 г. он получил от Александра I письмо, причем довольно необычным образом: император должен был проезжать через Дерпт, направляясь на конгресс в Эрфурт, а городские чиновники ждали его на почтовой станции, чтобы приветствовать, как того требовал этикет – и тут, в присутствии, как пишет Паррот, «всего университета» царский камергер передал ему это письмо (тогда как сам император даже не выходил из экипажа). Содержание письма удивляет, ведь Александр I извинялся (!) перед профессором: «Когда неправ, предпочитаю это признавать. Перед Вами кругом виноват и все доказательства тому имею, а потому спешу несправедливость исправить и в том Вам честно признаюсь». Император передавал профессору требуемую денежную компенсацию и заключал, что его уважение к Парроту после случившегося лишь возросло⁵³.

Итак, у Александра I хватило мужества извиниться за свои ложные обещания и последующее молчание. Для профессора же это письмо было не только поводом к огромной радости, едва-едва сдерживаемой (судя по почерку ответного черновика), но и сигналом к продолжению переписки. Тем не менее оставалось сомнение, сохранят ли их отношения свой прежний теплый характер. Действительно, следующий визит Паррота к Александру I в Петербург

⁵² Письмо 127.

⁵³ Письмо 137.

в январе 1809 г. протекал не совсем так, как в начале их дружбы. Император отреагировал на его прибытие лишь спустя 20 дней. Внешне встреча прошла хорошо, во многом еще и потому, что профессор не затрагивал столь тяжелую в прошлом тему приходских училищ, стараясь, напротив, заинтересовать Александра новыми проектами, в частности своими изобретениями, полезными на войне. Решение же конкретных деловых вопросов, с которыми приехал Паррот, было передано Сперанскому.

После этой встречи Паррот продолжал посылать Александру I письма из Дерпта, но с куда меньшей интенсивностью, так что перерывы между ними достигали трех-четырех месяцев, а то и полугода. Как показывает письмо от 18 августа 1809 г., Паррот считал, что император по какой-то причине сердится на него, и целый год потом писал ему, только имея формальные поводы (покупка физического кабинета, вручение первого тома своего учебника) или желая прокомментировать важнейшие государственные реформы (введение экзаменов на чин и меры в области финансов). Каких-либо личных излияний при этом он избегал, но черновики сохранили жалобы Паррота (убранные потом из текста) на то, что он чувствует себя оставленным.

На его счастье, этот второй «период обиды» прекратился в начале сентября 1810 г. с приходом нового письма от Александра I, свидетельствовавшего, что тот ценит их дружбу. Император всячески опровергал, что испытывал какое-либо неудовольствие в отношении Паррота, приглашал того к продолжению переписки по актуальным вопросам («...не спрашивайте у меня больше позволения присылать мне полезные сочинения, ибо я им всегда рад») и даже просил копировать свои записки неизвестным почерком, чтобы Александр мог их свободно показывать в Петербурге, где руку Паррота «слишком многие знают»⁵⁴. Все это были очередные знаки особой доверительности и приязни, которые император выказывал своему другу.

В ответ в октябре 1810 г. Паррот бросает лекции в Дерпте ради того, чтобы поехать в Петербург и донести до императора свои идеи по спасению российских финансов и стратегию борьбы с Наполеоном. Среди прочего совершенно неожиданным явилось предложение Паррота на время будущей войны и отсутствия Александра I в столице передать регентские полномочия императрице Елизавете Алексеевне, за которой профессор признавал «ум глубокий» и «суждения справедливые», чтобы быстро ориентироваться в политике и принимать правильные решения. При этом немалая похвала императрице сопровождалась упреками в адрес самого Александра, который пренебрегает обязанностями главы семьи. Паррот с горечью констатировал, что Александр уже не находится на той «нравственной высоте», на которой профессор знал его раньше, и его враги пользуются этим, чтобы лишить императора уважения его подданных⁵⁵. Некоторые историки видят в этих словах, которые Паррот доверил бумаге (в своей «весьма секретной записке» от 15 октября 1810 г.), вопиющую бестактность по отношению к Александру I, которая не могла не повлиять на характер их отношений в дальнейшем⁵⁶. Думается, однако, что с точки зрения Паррота это вовсе не была бестактность и он отнюдь не занимался морализаторством в отношении Александра: просто он не отделял личные качества императора от судьбы страны в целом, а первые должны были соответствовать идеалу, сформировавшемуся в душе Паррота. Иными словами, по мысли Паррота, чтобы победить Наполеона, император должен был вновь стать тем Александром, который некогда смог всецело завоевать сердце профессора.

Возможно, Александр I понял благородство логики Паррота – по крайней мере никаких указаний на немедленное охлаждение отношений не видно: напротив, весь следующий год профессор довольно активно писал императору, затрагивая не только обычные дела, касавшиеся

⁵⁴ Письмо 152.

⁵⁵ См. письмо 157. Речь идет, естественно, о длительном романе Александра I с М. А. Нарышкиной.

⁵⁶ Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909. С. 231–232; Hempel P. Deutschsprachige Physiker im alten Sankt-Petersburg: Georg Parrot, Emil Lenz und Moritz Jacobi im Kontext von Wissenschaft und Politik. München, 1999. S. 126.

Дерптского университета, но и вопросы подготовки к войне. Столь же часто в своих письмах Паррот подчеркивал важность для императора ощущать себя прежним, «его Александром» – т. е. верным своим принципам начала царствования. «Ощутите Вы глубокую истину этого чувства, когда на прошлое оглянетесь, на девять лет тех душевных отношений, в какие Вы меня к себе поставили. В течение долгих этих лет все переменялось вокруг нас. Только мы друг другу верны остались, несмотря на множество бурь, которые между нами вспыхивали. Постоянство это есть Ваша добродетель, добродетель столь редкостная в монархе, если так называемый его друг не льстец! Чувство это должно Вам удовольствие доставлять, а для меня великое наслаждение Вам о том напомнить»⁵⁷.

Беспокойство за судьбу своих новых идей (главной из которых был оптический телеграф, т. е. средство быстрой связи на дальние расстояния, необходимое на войне) вновь привело Паррота в Петербург в канун 1812 года. На этот раз, правда, его там никто не ждал, и Паррот сам себя поставил в неловкое положение, упорно добиваясь встречи и не получая ответа от императора в течение почти месяца. Это опять заставило профессора думать, что он впал в немилость, а 28 января его пылкий характер не выдержал – он впервые по собственной инициативе объявил Александру I, что считает их частные отношения разорванными⁵⁸. В этом письме он вновь менял свой стиль (отказываясь от обращения «Возлюбленный» и заменяя его на «Государь»), выяснял с Александром I финансовые отношения (причем не только требовал оплатить стоимость изготовления телеграфов, но и указывал, что хорошо бы покрыть ему все расходы на поездки в Петербург) – словом, давал понять, что с его стороны речь идет о полном и окончательном разрыве. Финальный же абзац письма поднимал до предела градус эмоций, открываясь восклицанием: «О! если когда-нибудь захочется Вам опять приблизить к себе душу чувствительную и порядочную, – вспомните о Парроте и оставьте эту злосчастную мысль».

Такая атака на чувства императора достигла цели: тот просто не смог промолчать. В своем ответе, довольно пространным по сравнению с другими его письмами, Александр I даже пытался имитировать стиль Паррота («Вот письмо в духе Ваших посланий»). Император оправдывал свое молчание тем, что из-за государственных дел никак не мог найти свободный вечер, чтобы встретиться с профессором, жаловался ему на огромную загруженность работой и днем, и значительную часть ночи, сетовал на «экзальтацию» своего друга и решительно отказывался принять их разрыв, ибо назначал ему долгожданное свидание; впрочем, желая, видимо, отчасти извиниться, высылал также и требуемые деньги и соглашался покрыть расходы на его поездки⁵⁹. Отдадим должное Александру: уже в третий раз он доказывал, что хочет продолжать дружбу. И хотя его письмо не выглядело особо теплым, по сути оно все же было таковым, поскольку позволяло преодолеть конфликт, к которому профессор сам подвел их отношения из-за своего нетерпения и горячности. Об этом свидетельствуют и последующие события: в феврале 1812 г., повидавшись, наконец, с Парротом и одобрив некоторые его начинания, в частности работы над оптическим телеграфом, Александр потом неизменно проявлял внимание к другу в течение его дальнейшего пребывания в Петербурге и старался хотя бы кратко отвечать на его письма.

А 16 марта наступил финал, доказывавший, что их дружеские отношения сохранили тот же высокий эмоциональный накал, что демонстрировали раньше. Александр I находился в особом настроении. Во-первых, он должен был проститься с другом перед отъездом в армию, на новую войну с Наполеоном, которая по своему масштабу страшила его гораздо больше, чем предыдущие: он был готов погибнуть «в этой страшной борьбе», но в таком случае просил

⁵⁷ Письмо 165.

⁵⁸ Письмо 178.

⁵⁹ Письмо 179.

Паррота рассказать о нем потомкам⁶⁰. Во-вторых, в этот день фактически решалась судьба М. М. Сперанского, обвиненного противниками в государственной измене. Паррот застал царя удрученным и разгневанным на своего бывшего помощника настолько, что Александр в лицо высказал своему другу, что хотел бы «расстрелять» изменника. И в личном разговоре, и в пространном письме, которое профессор написал сутки спустя, он постарался смягчить ожесточение императора против Сперанского, а также советовал отложить разбирательство этого дела на ту пору, когда война будет окончена, покамест удалив того из столицы. Нет никаких причин думать, что Александр I перед Парротом был неискренним (хотя детальный анализ и показывает, что решение о ссылке Сперанского было принято им независимо от советов Паррота)⁶¹. Напротив, получив упомянутое письмо, император ответил профессору, что прочел его «с чувствительностью и сопереживанием», тем более что заключительная часть письма Паррота была посвящена действительно эмоциональным напутствиям на войну и молитве за Александра перед Богом. Стоит отметить, что Александр I также передал Парроту искомую компенсацию путевых расходов и пообещал особую награду в знак признательности за работы над телеграфом⁶² – профессор же, который прежде из принципа отвергал все вещественные знаки монаршего благоволения, на сей раз согласился принять награду (естественно, после завершения войны) и даже описал желаемое (речь шла об оплате годового заграничного путешествия с научными целями).

В последних строках прощального письма от 21 марта 1812 г. Александр I писал Парроту: «Верьте мне, что остаюсь всегда весь Ваш». Действительно, все указывало на то, что их расставание произошло с прежней теплотой, и, конечно, вряд ли кто-то из них тогда думал, что видятся они в последний раз в жизни. Но прежде чем перейти к описанию драматической финальной фазы их отношений, обратимся к анализу собственно основного содержания переписки в тот период, когда она показывала, какие политические идеи, концепции, проекты служили предметом постоянных дискуссий профессора и императора.

---

⁶⁰ Этот разговор с императором Паррот вспоминал в 1825 г.: см. письмо 215.

⁶¹ Подробный разбор см.: Андреев А. Ю. Александр Первый и отставка М. М. Сперанского // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 3. С. 831–847.

⁶² Письмо 191.

Обсуждение государственных дел

Оценивая в целом сферу политических вопросов, затрагивавшихся в переписке, можно лишь поразиться широте ее охвата. Многие письма Паррота, по сути, представляли собой развернутые мемории, которые Александр I иногда передавал для дальнейшего обсуждения своим высшим чиновникам. Особое место в них отводилось реформам народного просвещения, в которых Паррот принимал непосредственное участие, вступая в спор с Министерством народного просвещения и сообщая императору о возникающих проблемах университетской жизни,

а) На страже интересов университета

Главной заслугой Паррота – не только перед Дерптским университетом, но и перед системой высшего образования в Российской империи в целом – явился его вклад в утверждение университетской автономии. Источником этого понятия были традиции и права ученой корпорации, восходившие к Средневековью, но и в Новое время служившие привычной, неотъемлемой основой университетской жизни, в особенности для профессоров, приглашаемых в Россию из-за границы. Именно из них в абсолютном большинстве состоял Дерптский университет, однако его кураторы, избранные местным дворянством, смотрели на проблему автономии по-другому, исходя из концепций эпохи Просвещения, согласно которым желание повысить качество преподавания вело к установлению плотной опеки над университетом и лишало профессоров определенных корпоративных прав⁶³. Так, в Дерпте разгорелся сперва скрытый, а затем и явный конфликт между кураторами и учеными: перед открытием университета профессора поставили под сомнение формулу присяги, где они клялись «выказывать послушание кураторам как законному начальству», а также соблюдать составленные последними, но еще не утвержденные высочайше «статуты» университета⁶⁴. В августе 1802 г. под председательством Паррота (как проректора) Совет Дерптского университета обсудил эти «статуты» с целью внести в них ряд изменений, но 30 сентября Коллегия кураторов, изучив предложения профессоров и похвалив в принципе их старания на благо университета, отказалась одобрить эти поправки. Тогда Паррот решил, что сможет добиться их принятия путем личной встречи с Александром I в Петербурге. Именно для этого он предложил издать Акт постановления Дерптского университета (который, как тип документа, восходил к средневековым императорским грамотам) с перечислением всех его привилегий, а полный Устав утвердить позже.

Процесс редактирования Акта в ноябре 1802 г. был длительным и довольно сложным: судя по архивным документам, самому Александру I четыре раза приходилось лично заниматься внесением правки в отдельные параграфы Акта, каждый раз идя навстречу настойчивым просьбам своего друга, сближение с которым только начиналось⁶⁵. Этот вопрос занял заметное место уже на первой личной аудиенции 26 октября 1802 г. Паррот вспоминал: «Я вынул из папки мой проект Акта постановления и хотел пройтись по его основным позициям вместе с императором. „Нет, нет, – сказал он, – я согласен с Вами почти по всем пунктам. Лишь по пункту о юрисдикции полагаю, что не могу с Вами согласиться“. – „Это мне досадно, – ответил я, – между тем он мне нужен“. Он улыбнулся и произнес: „Что ж, я знаю, что у Вас есть свои основания; у меня же есть свои. Скажите мне Ваши, я Вам скажу мои. Тот, кто будет не прав, уступит“». После объяснений Паррота, почему любой университет, и в особенности

---

⁶³ Андреев А. Ю., Посохов С. И. (общ. ред.) Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. С. 60–80.

⁶⁴ Бинеман. С. 111.

⁶⁵ Правка императора в черновых вариантах Акта постановления сохранилась: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 227.

Дерптский, нуждается в собственной юрисдикции, Александр заметил: «Всеми моими силами я работаю над тем, чтобы установить равенство в правах среди моей нации, уничтожить различные разряды, поскольку это ни к чему хорошему не служит. Ради этого я употребляю всю меру власти, которую провидение мне доверило. А вы, вы хотите этому помешать! Образовав новую касту, не буду ли я вынужден впоследствии с нею сражаться?» Паррот записал в воспоминаниях, что был поражен, слыша такие слова от «величайшего деспота Европы». Профессору удалось убедить Александра, что Дерптский университет станет «помощником в его трудах», если будет «избавлен от неудобств», и в ответ император пообещал сделать все, что от него зависит, чтобы «удовлетворить» профессоров, хотя «общее предубеждение этому совершенно противоположно»⁶⁶.

Однако до достижения цели оказалось еще далеко, и главная причина состояла в том, что новое преобразование Дерптского университета не отделялось в глазах Александра I и его окружения от реформы университетов в России в целом. На следующий после аудиенции день Чарторыйский несколько остудил восторг Паррота, дав понять, что тому следует соотноситься с подготовкой преобразований в Московском и Виленском университетах, как старейших по возрасту, а это как минимум замедляло решение дела⁶⁷. В ответ на новое письмо Паррота с изложением возникших затруднений Александр I 5 ноября распорядился создать специальный комитет для выработки окончательного текста Акта постановления Дерптского университета. Членами комитета стали Чарторыйский, Новосильцев и Паррот, которые внесли в Акт несколько изменений и дополнений, перевели его на русский язык и в середине ноября представили императору, собственноручно отредактировавшему русский текст. Поразительно, но с частью императорских поправок Паррот не согласился и заставил Новосильцева вновь нести текст к Александру I, после чего проект вернулся к профессору уже в удовлетворившем его виде⁶⁸.

Теперь профессору предстояло выиграть схватку с министром народного просвещения графом П. В. Завадовским, который справедливо полагал, что все университетские привилегии, на которые Паррот сейчас получал согласие монарха, войдут затем и в общее устройство российских университетов. Сам Паррот не без гордости писал, что «старался не только для Дерпта», хотя, по его же словам, это лишь умножало трудности⁶⁹. Идя на уступку министру, Александр I назначил новый согласительный комитет в составе членов министерства: Чарторыйского, Потоцкого, Новосильцева, Строганова, а также Паррота. Именно этот комитет и должен был окончательно определить судьбу Акта. Его единственное заседание состоялось в конце ноября 1802 г. в доме у Новосильцева и длилось до трех часов ночи (лакей и кучер не дождались Паррота, думая, что тот остался ночевать, и ему пришлось идти домой пешком). На обсуждении Потоцкий, «хотя и не был другом министра», решительно возражал против предоставления университету судебной автономии, и лишь «споря до изнеможения» Паррот смог одержать верх⁷⁰.

В начале декабря 1802 г. текст Акта передали для ознакомления графу Завадовскому, который, вопреки ожиданиям, попытался внести в него собственные изменения, в частности опять-таки настаивая на отмене университетской юрисдикции. После неудачной попытки договориться с министром при посредничестве Муравьева Паррот явился утром 4 декабря к Новосильцеву, требуя, чтобы тот немедленно вел его к императору. Поскольку Александр был тогда занят, профессор написал ему тут же записку, где жаловался, что «всякий день и едва ли не вся-

⁶⁶ Цит. по: Бинеман. С. 151–152.

⁶⁷ См. письмо 7.

⁶⁸ См. письмо 9 и комментарии к нему.

⁶⁹ Бинеман. С. 158.

⁷⁰ Бинеман. С. 158–160.

кий час новые приносит возражения графа Завадовского» против Акта постановления, который уже был согласован в Комитете и одобрен императором⁷¹. Очень характерно, что в этой записке Паррот сознательно смешивал рвение к общему делу (отстоять права университета) и личные отношения с императором: он просил или выслушать его, или удалить в немилость, подписав записку: «счастливейший или несчастнейший из ваших подданных». Все это, как и во многих других случаях во время их дружбы, действовало на Александра I, и содержание Акта сохранилось во всей своей полноте.

Тем самым корпоративная университетская автономия впервые появилась в российском законодательстве и затем вошла и в последующие документы Министерства народного просвещения⁷². Наиболее важными высочайше утвержденными привилегиями, которые смог «завоевать» Паррот, были права университета управлять своими доходами, иметь собственную юрисдикцию и независимый суд для всех своих членов и их семей, самостоятельно избирать путем голосования в Совете университета профессоров на вакантные кафедры, а также на административные должности (ректора, деканов и т. д.), печатать ученые труды без цензуры и осуществлять цензуру на территории университетского учебного округа, выплачивать пенсии вдовам и сиротам профессоров; что же касалось самих профессоров, то через 25 лет их полный оклад обращался в пожизненную пенсию, которой каждый «может пользоваться, где сам за благо изберет».

Парроту удалось отстоять эти права не только благодаря личному влиянию на Александра I, но и потому, что российская власть была заинтересована в том, чтобы интегрировать основанный остзейским дворянством «местный университет» (*Landesuniversität*) в структуру управления Российской империи, т. е. передать в ведение Министерства народного просвещения и под прямую власть монарха, превратив его тем самым в Императорский, иначе говоря, в российский университет (*Reichsuniversität*)⁷³.

Это, впрочем, обещало дальнейшие трудности с местным дворянством, которые не замедлили проявиться уже весной 1803 г. Дело в том, что «Предварительные правила народного просвещения», принятые министерством в конце января 1803 г.⁷⁴, не только повторили основные принципы автономии, но и не предусматривали для Дерпта дальнейшее существование дворянских кураторов, а функции высшего контроля над университетом передавали одному из членов министерства со званием попечителя. В частности, кураторы должны были передать университетскую кассу в полное ведение Совета. Попечителем же Дерптского университета был назначен Ф. М. Клиндер, друг Паррота, не имевший никакой связи с остзейским дворянством. А вот стремившийся к этой должности лифляндский граф Г. А. фон Мантейфель, напротив, получил назначение в Казанский учебный округ.

Реакцией ландтагов Лифляндии и Эстляндии стало то, что они отказались от дальнейших пожертвований в пользу университета и местных училищ (поскольку их интересы не будут больше представлены в их управлении). Кроме того, они пытались оспаривать назначение попечителя в Дерпт как противоречащее Акту постановления и особым привилегиям дворянства, выданным еще Петром I⁷⁵. Обрушивались они с критикой и на дерптскую профессорскую корпорацию, якобы не способную самостоятельно пригласить достойных ученых в университет. Все это заставило Паррота – который с декабря являлся первым избранным ректором университета – встать на защиту себя и своих коллег перед лицом государя, чему и послужило

⁷¹ Письмо 11.

⁷² Акт постановления для Императорского университета в Дерпте от 12 декабря 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20551.

⁷³ Tamul V. Die Dörptsche Universität – Landes- oder Reichsuniversität? Zum Verhältnis von Deutschbalten, Stadt und Universität im 19. Jahrhundert // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat (hg. von H. Piirimäe und C. Sommerhage). Tartu, 1998. S. 94.

⁷⁴ Предварительные правила народного просвещения от 24 января 1803 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20597.

⁷⁵ Бинеман. С. 185.

его письмо от 16 апреля 1803 г., вызвавшее уже упомянутый сочувственный отклик на него Александра I («сожженное письмо»).

Последней попыткой дворянских кураторов сохранить свои должности стали их обращения в апреле и мае 1803 г. к министру внутренних дел В. П. Кочубею с просьбой, «чтобы мы участвовали в сочинении статуты, которые окончательно постановят управление университета, основанного на иждивении нашем»⁷⁶. Благодаря усилиям Новосильцева, Чарторыйского и Клингера император полностью отклонил это требование (несомненно, сыграло свою роль и письмо Паррота). Кочубей написал об этом кураторам 8 июня 1803 г., после чего, передав в университет кассу и архив, они сложили полномочия⁷⁷.

Что же касается работы над Уставом, то она началась в профессорской корпорации Дерпта еще в феврале, а к концу марта был готов его детальный проект из 290 параграфов. Чтобы представить его на утверждение, университет по окончании семестра направил в Петербург делегата, которым, естественно, вызвался быть Паррот (причем он настоял на том, что должен ехать один – т. е. в очередной раз рассчитывал на свое личное влияние на императора!⁷⁸). Действительно, судя по сохранившимся письмам Паррота в Дерпт, Александр I сам обсудил с ним отдельные пункты Устава и студенческих правил и внес правку (в частности, об участии представителей от студентов в заседаниях университетского суда)⁷⁹. Не обошлось и без нового столкновения Паррота с графом Завадовским. По мнению профессора, министр намеренно затягивал дело, внося бесконечные поправки в уже одобренные на заседаниях министерства параграфы и ожидая, когда Паррот уедет из Петербурга к началу нового семестра, что позволило бы действовать бесконтрольно⁸⁰. Среди изменений были весьма существенные: так, в параграф, где говорилось, что «университет принимает в студенты людей всякого состояния», министр дописал: «всякого свободного состояния». Эта поправка вызвала неприятие не только у Паррота, ратовавшего за доступ всех сословий к образованию, но и у многих членов министерства, которые сочли, что предложенное ограничение «может в чужих краях подать повод к неприятным заключениям и толкам»⁸¹. В итоге Паррот оставался в Петербурге до самого дня подписания Устава – 12 сентября 1803 г., а затем лично привез его экземпляр в Дерпт, где новые постановления были оглашены 21 сентября вместе с очередной похвальной речью Паррота в адрес Александра I⁸².

Надо сказать, что торжественное оглашение Устава и введение в действие университетского суда вызывали недовольство у некоторых жителей Дерпта – там, например, с удивлением узнали, что под университетскую юрисдикцию подпадают даже арендаторы университетской земли. В этом смысле большой вес приобрела скандальная история, случившаяся с богатым горожанином Шпалькгабером, который считал, что его оскорбили студенты, но при этом не выказал уважения университетскому суду, за что тот выписал ему штраф, истец же в свою очередь в жалобах дошел до генерал-губернатора. По сути, это была первая «проверка на прочность» университетской юрисдикции, и поэтому Паррот большое внимание уделил ей, обращаясь к Александру I со словами: «Государь, от решения этого дела зависит, будет у Вас в Дерпте университет или нет»⁸³.

⁷⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 14. Л. 33–35.

⁷⁷ Бинеман. С. 191.

⁷⁸ Об этом в июне 1803 г. Паррот прямо писал своему другу профессору К. Моргенштерну, который первоначально должен был ехать вместе с ним: Georg Friedrich Parroti ja Karl Morgensterni kirjavahetus: 1802–1803 (koostanud Ingrid Loosme ja Mare Rand). Tartu, 1992. S. 72–74.

⁷⁹ Georg Friedrich Parroti ja Karl Morgensterni kirjavahetus... S. 77–85; Бинеман. С. 209–210.

⁸⁰ См. письма 22 и 23.

⁸¹ Журнал Главного правления училищ от 8 августа 1803 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 112 об.

⁸² Бинеман. С. 211.

⁸³ Письмо 25.

Но вскоре другие важные вопросы стали доминировать в переписке. К ним относились проблемы, связанные с наделением университета земель и строительством его новых зданий. Для них предназначался участок так называемой Домской горы, возвышавшейся над городом и переданной во владение университета. 8 июня 1803 г. была образована Строительная комиссия во главе с профессором Краузе, архитектурные и ландшафтные проекты которого и легли в основу застройки новой территории. Паррот, с давних пор породнившийся и друживший с Краузе, горячо поддерживал все эти проекты, которые через попечителя Клингера отправлялись в Петербург к императору⁸⁴. В итоге Министерство народного просвещения выделило на строительство сумму в 120 тысяч рублей на три года. Однако уже очень скоро выяснилось, что реальные расходы значительно превышают эту сумму, причиной чего были и нехватка поблизости строительных материалов, и необходимость поиска рабочих, которых в Дерпте было мало, и общее повышение цен и падение стоимости ассигнационного рубля. Покрыть недостаток можно было бы, обратившись к помощи дворянства, но с тех пор, как ушла дворянская опека над университетом, прекратились и пожертвования на него. Поэтому Парроту ничего не оставалось, как добиться прямой помощи Александра I. В этом, собственно, состояла одна из главных целей его долгого пребывания в Петербурге зимой – весной 1805 г.

Как показывают его письма, к этому моменту смета дополнительных расходов на строительство зданий сверх исходной достигла уже очень значительной величины – 364 541 рубля⁸⁵. Император санкционировал рассмотрение этого запроса в министерстве, которое постановило сократить запрашиваемую сумму до 270 тысяч рублей, но при этом оттуда до Паррота дошли сведения, что в Дерпт будет назначена комиссия для проверки столь большого перерасхода средств. Эта новость сильно огорчила профессора, который тут же написал Александру I протест, ибо, по его мнению, это означало университету «неслыханное оскорбление нанести, которое нас во мнении публики погубит», да и к тому же заденет доброе имя Краузе и «обескуражит» его самого⁸⁶. В ответ император поспешил успокоить друга: Александр опровергал слух, что в Дерпт будет послана ревизионная комиссия, и сообщал о своем решении выделить на нужды университета в текущем году 100 тысяч рублей⁸⁷. Той же осенью, 15 сентября 1805 г., в Дерпте состоялся праздник – торжественная закладка нового главного здания университета (которое будет окончено в 1809 г.), и в его фундамент по решению Совета заложили листок с сочиненным Парротом текстом, кратко описывавшим историю университета до этого дня⁸⁸.

Другим важным вопросом, затрагивавшимся в корреспонденции, было участие дерптских профессоров в управлении учебным округом, т. е. в организации губернских гимназий и уездных училищ. Для этого в университете 1 апреля 1803 г. под председательством Паррота открылась Училищная комиссия; в дальнейшем же, даже не будучи ректором, он оставался членом этой комиссии на протяжении восемнадцати лет (лишь немногие профессора университета проявляли столько же внимания и рвения к средним школам – среди последних был еще один университетский друг Паррота, профессор К. Моргенштерн). Наверное, самым ярким и запоминающимся для Паррота стало открытие гимназии и уездных училищ в Выборгской губернии, куда он прибыл в январе 1805 г. и получил там восторженный прием со стороны местного общества, о чем подробно сообщал в письме к Александру I⁸⁹. В конце же мая 1806 г.

⁸⁴ Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902 (далее – Петухов). С. 212–216; Бинеман. С. 198.

⁸⁵ Письмо 39.

⁸⁶ См. письмо 52. Относительно главного архитектора дерптских университетских зданий Паррот еще в 1804 г. писал: «Честность профессора Краузе во всей Лифляндии известна; это аксиома, которую покамест никто сомнению не подвергал» (письмо 30).

⁸⁷ Письмо 53.

⁸⁸ Бинеман. С. 233, 335–336 (текст Паррота).

⁸⁹ Письмо 38.

профессор уже подводил итоги этой деятельности: «Наши гимназии и наши уездные училища полностью обустроены. Это дело завершено, и, надеюсь, таким образом, который Университету и даже Вашему царствованию сделает честь»⁹⁰.

Неудивительно, что, когда в конце декабря 1806 г. Паррот был официально командирован университетом в Петербург для участия в заседаниях Главного правления училищ, Александр I счел необходимым наградить его за успехи в развитии школьного дела Дерптского учебного округа. Профессору вручили орден св. Владимира 4-й степени (о чем он, впрочем, не просил и неоднократно потом напоминал об этом). В ходе этой же поездки Парроту разрешили в министерстве участвовать в обсуждении спорного вопроса, относившегося к его учебному округу, – о статусе Митавской гимназии. Это училище для дворянской элиты, основанное еще в бытность Митавы столицей Курляндского герцогства, претендовало на особое положение в системе народного просвещения, которое бы приближалось в правах к университету, с тем чтобы выходящие оттуда курляндские юноши могли сразу поступать на государственную службу. Подразумевалось, что Митавская гимназия не должна подчиняться контролю Училищной комиссии Дерптского университета, а находилась бы под плотной опекой местного дворянства⁹¹. Университет, естественно, возражал против этого, что вызывало конфликты, но в начале 1807 г. курляндцам удалось добиться в министерстве компромиссного решения в свою пользу – особый статус и привилегии Митавской гимназии восстанавливались по образцам XVIII в., но она при этом ставилась в зависимость от Дерптского университета как центра учебного округа⁹².

Однако Паррот, узнавший об этом решении, категорически его опроверг в письме к императору: он указывал, что оно разрушает саму систему народного просвещения, возводимую с начала александровского царствования, что в случае восстановления привилегий гимназии университет не сможет контролировать ни ее учебную, ни хозяйственную часть и, наконец, что само ее возвышение угрожает университетскому образованию, ведь «дворяне курляндские желают восстановления гимназии в ее прежнем виде из ненависти к университету, из нежелания свое юношество в Дерпт отправлять»⁹³. О том, что Александр I внял этим доводам, свидетельствует его распоряжение, переданное министру на другой день после получения письма Паррота: «приостановить, если еще можно, исполнение Высочайшего указа»⁹⁴. На следующем же заседании Главного правления училищ Паррот, поддержанный также попечителем Клингером, с удовлетворением увидел, что прежнее решение было пересмотрено. Несмотря на это, попытки преобразовать Митавскую гимназию в «Академию со всеми прерогативами университетскими» продолжились, и в октябре 1807 г. Парроту пришлось повторять императору все свои аргументы с удвоенным возмущением: «Так-то, убеждая Вас на подобные уступки пойти, желают Вас заставить собственными руками уничтожить Дерптский университет, который Вы основали с всевозможным тщанием и который на препоны наталкивается только потому, что Ваши истинные замыслы воплощает»⁹⁵. В итоге подписание нового Устава Митавской гимназии было отложено Александром I на неопределенное время.

Наконец, немаловажное место в переписке по университетским делам занимали проблемы, связанные со студентами. По мнению Паррота, «враги на каждую шалость одного из наших студентов внимание обращают и всем без исключения ее приписывают; ссылаются на происшествия выдуманные или представленные куда более предосудительными, чем требу-

⁹⁰ Письмо 92.

⁹¹ Подробнее см.: Грачева Ю. Е. Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и Г. Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 39–43.

⁹² Журнал Главного правления училищ от 24 января 1807 г. // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

⁹³ Письмо 111.

⁹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 7. Л. 193.

⁹⁵ Письмо 132.

ется»⁹⁶. Впрочем, если у Александра I были основания высказывать в этом вопросе Парроту свое неудовольствие, то делал он это с большим тактом и деликатностью. Когда в марте 1805 г. Александра I серьезно обеспокоили студенческие беспорядки в Дерпте, в своем письме к Парроту император выразил это так, словно извинялся за свои упреки и оправдывался словами о том, что поведение студентов превосходит любую разрешенную меру и ему в таком случае просто невозможно терпеть подобные вещи⁹⁷. Профессор, впрочем, почувствовал серьезность упреков императора в адрес университета и пообещал ему на ближайших выборах «биться за должность ректора с пылом честолюбца», чтобы не допустить повторения таких историй. Действительно, сразу по возвращении из Петербурга Паррот был вновь избран ректором на 1805/1806 учебный год (что доказывало его высокий авторитет в корпорации) – хотя и в этом году ему пришлось сообщать Александру I о студенческой дуэли со смертельным исходом. Во второй половине 1806 г. ему удалось добиться поправок к указу императора относительно того, чтобы студенты не только из дворян, но и из мещан могли ускоренно получать на военной службе офицерский чин. Правда, в 1808 г. он уже тщетно пытался отменить очередное распоряжение Александра I, вызванное студенческими историями, – а именно о том, чтобы арестованных студентов держали в кордегардии (а не доставляли сразу к ректору, как полагалось по Уставу в соответствии с принципами университетской автономии). В этот раз уже восклицания Паррота, что «речь идет о существовании Дерптского университета» и что это происки «заклятых врагов» образования, не помогли смягчить решение императора⁹⁸.

Отметим все же, что по большинству обсуждавшихся с Парротом дел по Министерству народного просвещения Александр I принимал сторону Паррота (или уступал его давлению) – но зачастую при этом не только не прибегал к своей неограниченной власти, а, напротив, всячески пытался скрыть свое влияние в спорном вопросе, возлагая отстаивание собственного мнения на других чиновников. Поэтому, прежде чем утверждалось то решение, о котором император заранее условился с Парротом, оно должно было пройти все этапы обсуждения в министерстве, и на данной стадии важную роль в качестве «инструмента влияния» внутри министерства играл попечитель Дерптского учебного округа Ф. М. Клингер (которого Паррот считал не столько своим прямым начальником, сколько личным другом)⁹⁹. Так, например, в 1805 г. Александр I писал Парроту: «Срочно предупредите Клингера и сообщите ему проект, который Вы мне представили, чтобы он совершенно в нашем духе высказался, когда обратится к нему министр»¹⁰⁰. Благодаря Клингеру профессор в деталях знал о ходе обсуждения вопросов на заседаниях Главного правления училищ, где попечитель выступал «защитником университета», и пытался смягчить противоречия между ним и министерством. Неудивительно, что Паррот неоднократно предлагал Александру I теснее приблизить к себе Клингера и даже назначить его министром народного просвещения.

б) Свобода и просвещение для крестьян

Успешная деятельность Дерптского университета всегда рассматривалась Парротом не как самоцель, а как средство для преобразования остзейского края на основе идей Просвещения ради улучшения жизни его обитателей. А поскольку большинство из них представляли собой крестьяне, то проекты Паррота, обсуждавшиеся с Александром I, нередко касались

⁹⁶ Письмо 33.

⁹⁷ Письмо 53.

⁹⁸ См. письма 136 и 138.

⁹⁹ Подробнее об отношениях Паррота и Клингера см.: *Гаврилина И. А.* Ректор Г. Ф. Паррот и попечитель Ф. М. Клингер: два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // *Клио*. 2017. № 10 (130). С. 47–56.

¹⁰⁰ Письмо 43.

судьбы последних, в частности затрагивая проблему отмены крепостного права. Надо сказать, что Александр I безусловно разделял здесь взгляды своего друга, о чем свидетельствуют его собственные размышления о возможности освобождения крестьян, обсуждение этого вопроса в Негласном комитете в 1801–1802 гг., появление закона о вольных хлебопашцах (1803), наконец, переписка с Лагарпом, где учитель императора советовал тому постепенно принимать меры, направленные на дарование подданным свободы, «слова этого не произнося»¹⁰¹. В череде таких мер важное место занимало урегулирование взаимоотношений помещиков и крестьян в прибалтийских губерниях, поскольку те со времен Петра I находились на особом положении в Российской империи (и, следовательно, меры по отношению к ним можно было отделить от общеимперских, чтобы на первых порах не затрагивать помещиков внутренней России).

Паррот видел себя и весь университет ближайшими помощниками царя в данном вопросе и противопоставлял в глазах Александра I интересы своей корпорации и местного дворянства (тем самым оправдывая наделение университета автономией). С одной стороны, у него действительно были основания говорить о противостоянии с дворянством, которое уже в 1803 г. обвинило профессоров во вмешательстве в отношения между ним и крестьянами, ссылаясь на выступления того же Паррота в защиту прав народа¹⁰². С другой стороны, нельзя не заметить, что Паррот слишком легко изображал Александру I своих врагов в обобщенном виде – а ведь и сам ученый появился и нашел должность в Лифляндии благодаря просвещенным дворянам, а за годы проживания в Риге был свидетелем того, как они обсуждали на ландтаге проекты улучшений быта крестьян. Да, собственно, и университет в Дерпте возник благодаря покровителям наук и образования из числа остзейского дворянства. Причем Паррот как в первые свои годы в Лифляндии, так и потом поддерживал теплые отношения со многими представителями местных фамилий, в частности с одним из активных деятелей дворянского самоуправления, ландратом Ф. В. фон Сиверсом. Думается, что столь ярая «антидворянская» позиция Паррота в крестьянском вопросе возникла после того, как он обрел в Александре I друга – именно тогда профессор счел, что не следует ждать и готовить улучшения для крестьян на местном уровне, если их можно добиться напрямую от верховной власти, т. е. от императора.

В силу таких соображений важно, что уже к первой личной встрече с Александром I 26 октября 1802 г. Паррот подготовил письменное обличение жестокости и алчности местных помещиков, толкающих крестьян к бунту. Император разделял его озабоченность – в ответ он сам сказал, что готовит улучшения для лифляндских крестьян, но хочет действовать с осторожностью, предвидя многочисленные трудности, а в ходе дальнейшего разговора попросил Паррота подготовить проект соответствующего Положения¹⁰³. Паррот признал, что у него может не хватить опыта для создания такого рода документа, и попросил разрешения заручиться помощью «людей с широкими взглядами» (среди них он назвал Сиверса, а также деятелей лифляндской лютеранской консистории), на что царь согласился.

Так в распоряжении Паррота оказался целый неофициальный Комитет, деятельность которого должна была протекать в Дерпте в начале 1803 г. Еще в Петербурге, в разгар работы над Актом постановления для университета, профессор получил тексты обращений к царю от лифляндского ландтага (1798) и от ревельского дворянства (1802), затрагивавших крестьянский вопрос, и тут же написал на них отзывы, причем своей рукой и за собственной подписью, поскольку желал придать обсуждению этого вопроса надлежащую публичность. Действительно, о деятельности Комитета стало известно депутатам ландтага в Риге¹⁰⁴. На прощальной

¹⁰¹ Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 62–63; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России начала XIX века. М., 1989. С. 69–73; Андреев А. Ю., Тозато-Руго Д. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп... Т. 1. С. 405, 502; Т. 2. С. 336.

¹⁰² См. письмо 16.

¹⁰³ Сведения из мемуаров Паррота, цит. по: Бинеман. С. 151.

¹⁰⁴ См.: Tobien A. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Bd. 1. Berlin, 1899 и рецензию на эту книгу, опубли-

аудиенции у царя профессор пообещал ускорить свою работу, и уже в январе ландрат Сиверс отправился в Петербург с развернутой запиской от имени Комитета, составленной Парротом¹⁰⁵, которая (в форме «замечаний» к существующему положению крестьян) содержала программу будущей реформы: запрет на продажу или дарение крестьян, передача рекрутских наборов от помещиков в руки крестьянских старост, точное определение размера повинностей, запрет помещикам самовольно сгонять крестьян с их дворов, учреждение судов для разбора споров крестьян с помещиками и т. д. Через министра внутренних дел В. П. Кочубея «замечания» были вручены Александру I, который в своем рескрипте от 30 января 1803 г. на имя Сиверса признал их «во всех отношениях соответственными великодушным намерениям рыцарства» (лифляндского дворянства) и поручил обсудить эти пункты на ландтаге¹⁰⁶.

Однако думается, что император уже очень скоро пожалел о своем решении – как только об этих предложениях стало известно дворянству, оно тут же начало выражать протесты, причем настолько быстро, что за день до открытия ландтага, когда Сиверс по дороге из Петербурга в Ригу заехал в Дерпт, он передал Парроту личное неудовольствие императора за то, что профессор попытался «живостью своей побудить взять меры мало приличные». На ландтаге Сиверс выдерживал ожесточенные нападки на него со стороны лифляндских депутатов и едва ли не со слезами на глазах отстаивал собственное желание вызвать у дворян «просвещенное и человеколюбивое намерение возратить крестьянам права, единственно злоупотреблением власти у них отнятые», – но в итоге все основные предложенные им пункты были отклонены или пересмотрены ландтагом¹⁰⁷. Парроту же впервые в жизни пришлось извиняться перед Александром I, и профессор это сделал с присущей ему эмоциональностью. Он не увидел способа разрешить ситуацию, кроме как ценой своей жертвы, и в письме к Кочубею отказался от дальнейшего участия в обсуждении крестьянских дел¹⁰⁸.

Данная история весьма красноречиво демонстрирует, каким образом надежды Паррота добиться освобождения крестьян сразу от центральной власти, без согласования с местными интересами, терпели неудачу. Характерно, что поражение Паррота вовсе не означало отказ от подготовки крестьянской реформы в Лифляндии – напротив, разногласия и споры на ландтаге способствовали тому, что правительство в Петербурге, выступая в роли «третьей стороны», образовало официальный Комитет по лифляндским делам во главе с министром внутренних дел (по указу Александра I от 11 мая 1803 г.), который подготовил «Положение для поселян Лифляндской губернии», высочайше утвержденное 20 февраля 1804 г.¹⁰⁹ Тем самым можно сделать вывод, что деятельность Паррота в конце 1802 – начале 1803 г. положила начало процессу, который завершился через год принятием мер, серьезно улучшивших правовое положение прибалтийских крестьян. Но сам Паррот оценивал эти достижения скептически: точнее, напрямую в переписке с императором он больше никогда не затрагивал вопрос о крепостном праве в Прибалтике, но в 1805–1806 гг., когда этот вопрос вновь обострился, несколько раз напомнил, что император сделал «слишком много уступок» дворянству, тогда как ему надо было идти тем путем, какой предлагал Паррот¹¹⁰. Казалось бы, приведенная история должна была научить профессора, что в отношениях между центральной и местными властями достичь результата можно только через поиск компромисса – но в реальности он сделал про-

кованную Ф. Бинеманом: *Baltische Monatsschrift*. Bd. 48. Riga, 1899. S. 230.

¹⁰⁵ Авторство именно Паррота устанавливается по письму 14; подготовку этой записки подробно обсуждает Ф. Бинеман в своей рецензии: *Baltische Monatsschrift*. Bd. 48. S. 232.

¹⁰⁶ Самарин Ю. Ф. Окраины России. Вып. 6. Крестьянский вопрос в Лифляндии // Сочинения. М., 1896. Т. 10. С. 73–76.

¹⁰⁷ Фридрих Сиверс (из истории крестьянской реформы в Лифляндии) // Исторический вестник. 1899. Т. 77. С. 134.

¹⁰⁸ Письмо 15.

¹⁰⁹ Долгих А. Н. Лифляндское положение 1804 г. в имперском аспекте: к истории крестьянского вопроса в России в начале XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 19–25.

¹¹⁰ См. письма 74, 92.

тивоположные выводы, а именно что любой компромисс здесь пагубен и ради благой цели необходимо употреблять всю силу самодержавной власти.

Радикализм Паррота в деле «борьбы за права угнетаемых народов» можно объяснить влиянием на него идей раннего национального движения, которое в то время развивалось в Прибалтике. Профессор был лично знаком со многими его деятелями и оказывал им поддержку. Так, он породнился с пастором К. Г. Зонтагом (на его дочери женился старший сын Паррота, также ставший пастором) – а именно многолетняя деятельность Зонтага как генерал-суперинтендента Лифляндии (т. е. главы ее лютеранской консистории) способствовала распространению церковных служб на латышском языке и формированию единства самого этого языка. Паррот многократно в своих письмах к Александру I просил оказать Зонтагу поддержку. Также заступался профессор перед императором за пастора И. Ф. фон Рота, который издавал в Дерпте в 1806 г. первую газету для крестьян на эстонском языке, подвергнувшись преследованиям со стороны местных властей. Тогда же в 1806 г. генерал-губернатор наложил арест на написанное Густавом Эверсом (в будущем – известным историком и правоведом) сочинение «О состоянии крестьян в Эстляндии и Лифляндии» с обширными рассуждениями об их политической и религиозной судьбе – Паррот справедливо усмотрел в этих гонениях прямое нарушение цензурного Устава и активно выражал свой протест императору. Сочувственное отношение профессора к латышскому и эстонскому населению Прибалтики ясно выражено, например, в его письме к Александру I от 11 декабря 1804 г., где Паррот рассказывал, как «университетский дух» внушает студентам необходимость помогать выходцам из народа: «Один из них, например, был еще год назад простым латышом, крепостным дворянина лифляндского. Хотя сей простой латыш не усвоил еще манер утонченных, с ним обходятся дружески и предупредительно все студенты, дворяне и мещане; многие от развлечений отказались, чтобы ему деньгами помочь, в коих очень он нуждался по приезде сюда»¹¹¹.

Но более всего деятельность Паррота как «защитника народа» выразилась в его борьбе за открытие приходских училищ на территории Дерптского учебного округа (т. е. в Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерниях). Эти училища были предназначены для обучения крестьян грамотности и по плану Паррота помещались под прямой контроль университета и на казенное иждивение, что шло вразрез с утвержденными в 1803 г. в министерстве принципами системы народного просвещения, где открытие и содержание начальных школ зависели от инициативы и доброй воли помещиков. Паррот настаивал, что распространение задуманного им проекта в Прибалтике необходимо для реализации дальнейших планов по освобождению крестьян, поскольку именно тут у них со времен шведского владычества сохранились некоторые правовые отношения, такие как договоры с помещиком на пользование землей и право выступать в суде (в этом смысле они резко отличались от русских крепостных), а для того, чтобы пользоваться этим, крестьянам необходима грамотность. Так, например, применительно к Финляндской губернии Паррот писал Александру I: «Крестьянин здесь уже свободен, но беден и унижения терпит потому исключительно, что образования не имеет, которое человеку достоинство сообщает. То, что я Вам рассказывал о крепостных крестьянах в судах лифляндских, в точности подходит и к здешним краям. Невежество этих добрых людей каждого из них подчиняет тому, кто познаниями их превосходит»¹¹².

Первый раз свою идею открыть начальные школы для народа под эгидой центральной власти, а не помещиков Паррот сообщил Александру I летом 1803 г. (вскоре после неудачи своего проекта крестьянской реформы), а затем постоянно возвращался к ней вплоть до 1809 г.¹¹³

¹¹¹ Письмо 33.

¹¹² Письмо 38.

¹¹³ Более подробный анализ см.: *Грачева Ю. Е.* Профессор Г. Ф. Паррот в борьбе за развитие начального образования в остзейских губерниях // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 64–78.

Александр I ни разу напрямую не отказывал другу в его благородном желании просветить огромную массу крестьян – напротив, сочувственные слова и обещания императора на эту тему не раз заставляли профессора ликовать. Например, после разговора с Александром I 5 июля 1803 г. профессор писал: «Вчера Вы для своей славы сделали больше, чем во все прежние годы. Учреждение училищ приходских есть пробный камень, по которому современники и потомки об истинности Ваших чувств судить будут»; в письме от 8 января 1805 г.: «От невыразимой Вашей доброты, явленной приходским училищам, я голову потерял»; в письме от 24 февраля 1805 г. (после того, как план Паррота прошел первое обсуждение в Главном правлении училищ): «Проект приходских училищ одобрен! <...> Как я счастлив! Будьте счастливы и Вы, мой герой! Оцените все добро, какое Вы при сем случае сотворили. Перенеситесь мыслью в селения, обойдите их одно за другим. Смотрите: многочисленное юношество трех угнетенных наций учится быть основой процветания общественного и утешать нынешнее поколение, столько бедствий претерпевшее».

Между тем окончательное утверждение этого проекта наталкивалось на препятствия, каждое из которых по отдельности казалось Парроту легко преодолимым, но все они в совокупности вполне ясно демонстрировали, что власти Российской империи не хотят тратить деньги на образовательные проекты, направленные на развитие ее периферии, в период обострения внешнеполитического и финансового кризиса, – и это нежелание восходит к самому Александру I. В 1805 г. Паррот за пять месяцев пребывания в Петербурге смог добиться лишь того, что Министерство народного просвещения, одобрив в принципе инициативу профессора, составило свой собственный проект, во многом отличавшийся от первоначального плана Паррота, а затем отправило его на согласование с дворянскими собраниями прибалтийских губерний. Наибольшие возражения в министерстве вызывало назначение штатной суммы на содержание приходских училищ (которая в плане Паррота изначально для 279 сельских и 56 городских школ, а также пяти семинарий для подготовки учителей достигала 103 800 руб. в год, т. е. почти сравнивалась с финансированием еще одного университета). Против этого резко выступил Н. Н. Новосильцев, отстаивая исходные принципы школьной системы, утвержденные в 1803 г.: «Правительству нужно поощрять владельцев к заведению приходских училищ в селениях, <...> но в сем случае никак не должно выделять постоянного дохода или штатной суммы для содержания оных»¹¹⁴. В конце концов в мае 1805 г. Александр I поддержал Паррота (как указывалось выше, уступая его давлению), но лишь по видимости, а на самом деле отложил проект до того времени, пока придут отзывы из губерний. По истечении почти двух лет, в начале 1807 г. Паррот вновь возобновил борьбу за утверждение приходских училищ, на этот раз отказавшись от идеи назначения для них постоянного штата и рассчитывая, в особенности для городских школ, на частные пожертвования и на деньги, вносимые губерниями в приказ общественного призрения¹¹⁵. Что касается сельских школ, то достаточно было бы, чтобы помещики отпускали крестьян, способных к исполнению учительской должности, в счет рекрутской повинности, а также построили вместе с крестьянами в своем имении здание, подходящее для школы. Казенное содержание сохранялось, таким образом, только за семинариями для учителей, да и то Паррот сообщал, что нашел способ их обучения «более надежный и менее накладный»¹¹⁶.

Развязка этой истории анализировалась в предыдущем параграфе: увы, она привела к серьезному кризису дружеских отношений Александра I и Паррота. Император, уезжая в 1807 г. к армии, пообещал подписать проект (хотя профессор до конца сомневался, какой именно из планов организации училищ имелся в виду – тот ли, что подготовил он, или про-

¹¹⁴ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 275. Л. 73 об. – 74.

¹¹⁵ См. письмо 91.

¹¹⁶ См. письма 113, 116.

ект министра), а потом еще раз повторил свое обещание. В 1808 г., рассчитывая на скорый выход указа, Дерптский университет и лично Паррот понесли ряд расходов по аренде земли и помещений для этих училищ, но указа так и не поступило. Тогда Паррот попросил Александра I покрыть эти расходы, чтобы вывести его из ситуации, которая профессора «вдвойне компрометировала» (т. е. и перед университетом, и перед собственниками земли). После этого новых попыток он уже не предпринимал и лишь при расставании с Александром I в 1809 г. в последний раз попросил известить его о решении: «Отрицательное мне боль причинит, но еще большую причиняет неопределенность»¹¹⁷.

в) Критика внутривполитических реформ

Непосредственное участие Паррота в политических проектах, касавшихся крестьянского вопроса и организации образовательных учреждений, наделяло профессора опытом, редким для человека в его ученой должности. Он общался с министрами и видными сановниками, с людьми, составлявшими ежедневное окружение императора, наблюдал детали процесса выработки и принятия государственных решений. Спустя некоторое время это позволило ему окинуть взглядом и оценить ход александровских реформ в целом. Такой взгляд тем более важен и ценен, что он носил, так сказать, «промежуточный» характер – его нельзя в полной мере считать «оценкой реформ изнутри», поскольку Паррот, строго говоря, владел далеко не всей механикой их реализации, но в то же время это и не была позиция стороннего наблюдателя, ведь профессор в конечном счете трактовал все успехи и неудачи реформ как личные успехи или неудачи Александра I, к которому испытывал искренние дружеские чувства. Поэтому то, что кажется резкой критикой характера реформ со стороны Паррота или даже его бесперемонным вмешательством в прерогативы императора, «поучениями, как управлять страной», на деле следует воспринимать как борьбу Паррота за сохранение в Александре того идеального образа либерального самодержца, «друга народа», каким профессор его увидел при первой встрече. Борьбу эту, как известно, Паррот в итоге проиграл, но стоит отметить, что он смог оставаться подле императора и общаться с ним гораздо дольше, чем большинство из тех «молодых друзей», вместе с которыми Александр I начал свои реформы.

Уже в 1805 г. стало понятно, что за этим началом не следует результативное продолжение, зримым знаком чего стал фактический роспуск Негласного комитета, т. е. разлад в ближайшем окружении царя. Паррот провел в Петербурге почти всю первую половину этого года, собрал за это время значительное количество информации и перед отъездом подготовил большой текст, который решил лично зачитать Александру I, впервые обращаясь к нему с широкой, разносторонней критикой его правления. Прежде всего профессор указывал на изменившиеся настроения в обществе, из которых ушла «любовь к общественному благу», желание помогать императору в его либеральных проектах, в том числе касательно освобождения крестьян – тон везде задают вельможи и крепостники, а партия Александра, «партия разума и человеколюбия» отстывает. Лишенный помощников, царь остается один на один с консервативно настроенной верхушкой дворянства. В армии господствует система муштры, с целью создать «вышколенных автоматов». Происходит же это из-за нежелания Александра применять собственную власть и собственную силу там, где речь идет о «любви к добру», из-за отсутствия воли сокрушить «людей злонамеренных», когда царю приходится постоянно защищаться вместо того, чтобы нападать¹¹⁸.

В помощь Александру Паррот предлагал организовать комиссию по принятию прошения на высочайшее имя (этот проект он выдвинул еще в начале своего визита), сделав ее дей-

---

¹¹⁷ Письмо 145.

¹¹⁸ Письмо 70.

ственным инструментом для оживления реформ, а также советовал больше полагаться на лиц, всецело ему преданных, имея в виду Клингера и прежних друзей – Чарторыйского, Новосильцева, Кочубея (т. е. фактически призывая восстановить распавшийся Негласный комитет). При этом императору не следовало увлекаться чересчур общими проектами («Напрасно приказываете Вы спешно сочинить кодекс законов. Предположим, что будет он написан, так недостатнет у Вас подданных для его исполнения на всем пространстве Вашей Империи»), но уделять время посещению конкретных служебных мест, где появляется возможность поощрить людей достойных, побуждая их к усердию.

Вероятно защищаясь от критики и желая продемонстрировать верность либеральным принципам, Александр I на той же встрече поделился с Парротом своими идеями о скором принятии конституции для Российской империи и об отказе от самодержавной формы правления. Профессору не понадобилось много времени, чтобы переварить это поразительное известие: уже на следующий день, 28 мая, он написал императору новое письмо, в котором развернуто опровергал желание Александра сложить с себя власть самодержца. Паррот доказывал, что Россия пока не готова к представительному правлению, в ней еще отсутствует «третье сословие», а «народ покамест от цивилизации крайне далек» и в нем недостаточно развито «уважение к законам». Поэтому «деспотическая конституция» в настоящий момент необходима подданным царя, чтобы привить им истинное Просвещение¹¹⁹ (похожие мысли не раз высказывали и Ф.-С. Лагарп, и члены Негласного комитета).

Читать Александру I вслух свои наставления по управлению государством Паррот продолжил и во время следующего визита в январе 1806 г. Он чувствовал, что в этот момент может действительно повлиять на императора, нуждавшегося в друге после военного поражения. Паррот восклицал: «Да сумеет каждое из этих слов Вам душу пронзить, как оно мою пронзило!», он видел в этом свой «самый возвышенный долг». Большая часть его слов повторяла сказанные ранее в 1805 г.: профессор предупреждал о том, что «обскуранты» караулят у порога и надобно хотя бы «пошатнуть» врагов добра, советовал вновь собирать вместе для решения государственных дел молодых друзей императора и Клингера, требовал устранить муштру в армии и в целом опять писал о необходимости идти вперед в деле реформ – нападать, а не обороняться. Отчасти новым упреком прозвучало то, что Александр I, по мнению Паррота, недостаточно времени уделяет внутренним делам («Если Вы внутри страны делами не займетесь, не устоите»), а для этого следует изменить рабочий распорядок дня, использовать утреннее время – «те часы, которые Боги человеку даровали, чтобы наслаждался он самой возвышенной частью своего существования, чтобы судил справедливо, чувствовал величественно, действовал мощно» (меж тем как император ложится поздно, а оттого утром встает с трудом)¹²⁰.

Тяжелые переживания, а затем разлад в отношениях с Александром I в 1807–1808 гг. не дали Парроту возможности сохранить дальше принятую им роль «ментора императора». После восстановления их регулярной переписки профессор продолжил критику хода реформ, обращаясь теперь к отдельным, наиболее существенным правительственным мерам. Такой важной темой, взволновавшей Паррота уже в 1809 г., но к которой он с особым рвением обратился год спустя, стала финансовая реформа, проводимая с целью остановить катастрофическое падение курса рубля (который за четыре-пять лет опустился более чем в три раза). В письмах к Александру I профессор критиковал распределение новых налогов в манифесте от 2 февраля 1810 г. и особенно резко – манифест о государственном займе от 27 мая 1810 г.¹²¹, подготовленные М. М. Сперанским и его сотрудниками. «Жаль мне, – писал Паррот об итогах работы собранного Сперанским Финансового комитета, – что финансисты Ваши ни лучше действовать

¹¹⁹ Письмо 71.

¹²⁰ См. письма 88 и 89.

¹²¹ ПСЗ. Т. 31. № 24 116, 24 244.

не умеют, ни лучше свои действия объяснять». Заем, решавший задачу изъятия из оборота необеспеченных ассигнаций, вызвал у профессора категорическое осуждение: «Этот чудовищный заем <...> Вас на 100 миллионов беднее сделает (не считая процентов), если он удастся, а у иностранцев создает ужасное представление о состоянии Ваших финансов»¹²².

Осенью 1810 г. Паррот предпринял огромные личные усилия, чтобы донести до Александра I собственные идеи в области финансов (которую он изучал во время учебы в Штутгарте). Сперва он составил обширную записку о мерах по оздоровлению денежной системы, затем специально ради обсуждения этих вопросов приехал в октябре 1810 г. на две недели в Петербург, и, наконец, видя, что его предложения не находят отклика в Министерстве финансов, куда их передал император, профессор по собственной инициативе написал тексты девяти «неотложных» указов, вводивших новые налоги на роскошь, регулировавших обращение медной монеты, вопросы кредита, распродажи казенных имений и т. д.¹²³ Однако эти усилия, можно сказать, пропали втуне: из девяти подготовленных им указов был принят только один.

Еще одним предприятием, которое Паррот выполнил той же осенью после возвращения из Петербурга (причем с большим трудом, преодолевая болезнь!), явилось составление регламента для экзаменов на чин. Профессор хотел тем самым дополнить известный указ от 6 августа 1809 г., ибо вводимый им экзамен имел единую для всех чиновников обширнейшую программу из общеобразовательных предметов (история, география, математика, физика, химия и др.) с добавлением частей юриспруденции и политической экономии, что делало экзамен практически непроходимым, с одной стороны, вызывая насмешки над указом, а с другой стороны, давая повод к коррупции¹²⁴. Эти черты указа от 6 августа критиковали тогда многие, в том числе подробно об этом писал Н. М. Карамзин¹²⁵. Паррот же взял на себя труд составить отдельные программы экзаменов в зависимости от рода государственной службы, а также послал Александру I готовый проект правил их проведения, где были уточнены различные важные особенности (например, возможность сдавать экзамен не на русском языке для чиновников в западных провинциях империи, включение в число экзаменаторов всех профессоров по наукам, обозначенным в программе, а не только избранного в небольшом составе экзаменационного Комитета и др.)¹²⁶. Однако и этот труд Паррота остался без внимания, хотя любопытно, что уже в 1820-х гг. А. И. Тургенев, член Комиссии составления законов, перед которым была поставлена точно такая же задача по написанию регламента экзаменов, просил у Паррота его проект для ознакомления.

Итак, в письмах к Александру I Паррот активно пользовался возможностью обсуждать самые разные стороны внутренней политики Российской империи. В 1805 г. он тонко почувствовал, что «дней Александровых прекрасное начало» закончилось, и попытался своими наставлениями вновь обратить императора к продолжению либеральных реформ, в частности призывая возродить вокруг него кружок «молодых друзей». Но логика александровского царствования вела ровно в противоположную сторону, так что к 1807 г. никого из них при дворе уже не осталось, а дело реформ целиком легло в руки Сперанского. Паррот не питал к последнему теплых чувств (возможно, у профессора сохранялась скрытая обида, что Александр I выбрал того своим личным секретарем именно тогда, когда на это место предложил себя сам Паррот, – что, впрочем, не помешало в 1812 г. профессору выступать за смягчение участи Сперанского). Но независимо от того, примешивались ли сюда личные отношения или нет, в 1809–1810 гг. Паррот жестко критиковал важнейшие государственные указы, подготов-

¹²² См. письма 149 и 150.

¹²³ Приложение к письму 158.

¹²⁴ См. письмо 147.

¹²⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 68–69.

¹²⁶ Приложение к письму 160.

ленные Сперанским: о введении экзаменов на чин и о реформе финансов. Причем критика Паррота простиралась до такой степени, что он пытался склонить императора заменить эти указы другими, которые составил сам профессор. Конечно, это неявное противостояние Паррота со Сперанским было обречено на поражение, ведь Александр I не собирался тогда ставить под сомнение проекты, разрабатываемые для него его статс-секретарем. Поэтому Паррот, убедившись в отсутствии реакции со стороны императора на свои усилия, с 1811 г. среди всех иных государственных тем, затрагивавшихся в переписке, сосредоточился на подготовке к войне.

г) Внешняя политика и военные вопросы

Обсуждать с Александром I вопросы войны и мира Паррот начал еще в 1804 г., на том этапе их дружбы, когда профессор стремился максимально расширить свое влияние на императора. Поводом тогда явилось обострение отношений между Александром и Наполеоном, провозгласившим себя французским императором, – оно было очевидно всем наблюдателям и заставляло говорить о скорой войне. Профессор же счел необходимым возвысить перед царем свой голос в пользу сохранения мира.

Он доказывал, что «две страны, которые таким огромным расстоянием разделены, по природе своей не предназначены к тому, чтобы друг с другом воевать, и если политика против природы идет, всегда тот наказан бывает, кто первым мир нарушил». В этом смысле Александр не должен отвечать на провокации Наполеона, который «зачинщиком быть не захочет», но «нуждается в войне, чтобы вместо ненависти сочувствие вызывать». Российскому же императору нужен мир, ибо Паррот подчеркивал его главную цель: «осуществить все благодетельные свершения, которые Вы для блага Вашего народа замыслили»¹²⁷.

Продолжить эти рассуждения Парроту выпала возможность уже в 1805 г., когда Александр I на одной из встреч сам заговорил с ним о внешней политике (скорее всего, это произошло 11 мая, в период подготовки миссии Новосильцева, которого направляли в Париж на переговоры с Наполеоном). Паррот так вспоминал об этом разговоре в позднейшем письме к Николаю I, написанном в октябре 1832 г.: «Император сказал, что он *против* этой войны, что он испытывает к ней величайшее отвращение, но что все его министры и его окружение в целом решительно выступают *за* нее. Он привел мне несколько причин, по которым противился войне, и спросил моего мнения. Оно полностью совпало с его собственным, и я лишь привел ему дополнительные резоны; я предсказал ему его будущие несчастья»¹²⁸. Тогда Александр I попросил профессора поговорить с Чарторыйским, «главой партии, которой двигала национальная гордость», но их встреча привела только к тому, что князь, «соединявший внешнюю и внутреннюю утонченность с превеликой кротостью и хладнокровием, в конце концов, возможно впервые за время своей службы, вышел из себя и закипел от гнева».

Подтверждение того, что такие разговоры действительно имели место, присутствует в письмах Паррота к Александру I¹²⁹; также косвенным свидетельством былых разногласий является весьма ограниченное упоминание о Парроте, которое Чарторыйский оставил в своих мемуарах (несмотря на то, что их прежде объединяли годы сотрудничества по университетским вопросам)¹³⁰. На этом основании можно с доверием отнести и к рассказанному про-

¹²⁷ Письмо 29.

¹²⁸ Цит. по: Бинеман, С. 261.

¹²⁹ Так, когда Паррот посылал 10 августа 1805 г. Александру I записку «о нынешнем состоянии Европы», он отмечал: «Дали Вы мне раньше позволение с Вами об этом важном предмете говорить», подтверждая тем самым, что такие разговоры имели место весной 1805 г. См. также фразу Паррота, относящуюся к 1807 г.: «...падение Данцига есть довершение подлой политики лондонского кабинета, о которой не раз говорил я и Вам, и князю Чарторыйскому» (письмо 125).

¹³⁰ Чарторыйский пишет лишь о том, что Паррот «необычайно заботился о здоровье императора и часто проявлял эти

фессором итогу общения с императором, который на их последней встрече в 1805 г. заявил: «Европа призывает меня на помощь, мои русские желают войны любой ценой. Я молод – как могу я противостоять упреку, который потомство мне сделает, что не попытался я освободить человечество от тирана? Возможно, и Вы, и я все-таки не правы»¹³¹.

Поэтому в большом письме к императору от 10 августа 1805 г. Паррот уже исходил из того, что война неизбежна, хотя следствия ее, «даже самые блестящие, никогда не восполнят понесенного ущерба»: «Бонапарт, еще ни одного полка вперед не двинув, уже полностью политическое положение России переменяет, ибо прежде она в распрях на юго-западе Европы только как союзница или третейский судья участие принимала, а теперь главную роль играет и вынуждена сама себе союзников искать». Тем не менее эти коалиции для России вредны, и «вообще все трактаты, касающиеся возможной войны, суть заблуждение нравственное и политическое», ибо каждое государство будет в первую очередь думать о собственных интересах, а не помогать другим. Что касается грядущих боевых действий, то Паррот указывает, что, как бы ни был Александр I уверен в расположении к нему Пруссии, она должна будет выступить на стороне Наполеона, а потому против нее необходимо постоянно держать значительную армию. Однако план «как можно раньше Пруссию атаковать всеми силами российскими, дабы к миру принудить» (сторонником которого был Чарторыйский) является ошибочным, ибо он позволил бы Бонапарту прийти на помощь Пруссии и совместно с ней разгромить русскую армию. Главные же боевые действия, по мнению Паррота, должны произойти на юге, где Франция вступит в европейские владения Турции, чтобы оттуда непосредственно угрожать России, которая, дабы предотвратить такую возможность, должна направить одну из своих армий на границы с Турцией и заручиться поддержкой английского флота¹³².

Расчеты Паррота оказались верными, но не во всем: так, Пруссия не вступила в кампанию 1805 г. на стороне Франции, хотя была близка к тому, чтобы начать враждебные действия против стран антинаполеоновской коалиции – Швеции (желая занять Шведскую Померанию) и даже России (противодействуя свободному проходу русской армии через свою территорию)¹³³. Не развернулись в 1805 г. и боевые действия на юге Европы, хотя спустя ровно год, когда французские войска вступили в Далмацию, Россия двинула в их сторону 40-тысячный корпус, занявший Молдавию и Валахию, что привело к началу длительной русско-турецкой войны.

Поэтому, несмотря на некоторые неточности в оценках Паррота, можно с уверенностью сказать, что Александр I внимательно изучал внешнеполитические советы своего друга. Более того, после поражения при Аустерлице император сам признался профессору, что вспоминал их на поле боя, видя неверность своего главного союзника – Австрии¹³⁴. Многие часы общения между профессором и императором в январе 1806 г. были посвящены международным делам¹³⁵, и их итогом стала записка Паррота от 22 января, написанная, судя по всему, по прямому поручению Александра I. В ней профессор анализировал два варианта: продолжение войны России и Франции или заключение между ними союза. По мнению Паррота, продолжение войны возможно в европейской части Турции, которая для стран «сделается точкой соприкосновения», и можно даже достичь здесь успеха с помощью Англии, но усиление последней на

заботы», упоминая эпизод с посылкой шерстяного трико, а дальше утверждает, что именно таким способом его «восторженная любовь» принесла ему дружбу Александра I. – Мемуары князя Чарторижского... Т. 1. С. 290.

¹³¹ Цит. по: Бинеман. С. 262.

¹³² См. приложение к письму 75.

¹³³ Искюль С. Н. Русско-пруссский дипломатический казус за несколько месяцев до Аустерлица // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 81–97.

¹³⁴ «Меня подло предали» – так передавал Паррот тогдашние слова Александра I (письмо 214), а в послании к Николаю I в 1832 г. даже привел заявление императора в более усиленной форме: «Все, что вы мне предсказали, сбылось» (цит. по: Бинеман. С. 261).

¹³⁵ «Я с Вами в последнее время о делах иностранных говорил», – замечал Паррот, напоминая императору о необходимости обсудить с ним также и внутриполитические проблемы (письмо 88).

греческих островах и в проливах, соединяющих Средиземное и Черное моря, угрожает интересам российской экономики. Гораздо выгоднее для России союз с Францией, который позволит мирным путем разделить турецкие земли и нарушит монополию английской торговли с Востоком; «выиграет от раздела и род человеческий. Страны, где науки и искусства родились и откуда распространились, когда Европа еще варварской была: Греция, Египет, северный берег африканский – очнутся от долгой дремоты, в которую их тирания фанатиков погрузила»¹³⁶.

Таким образом, в начале 1806 г. Паррот вторично попытался склонить Александра I к миру с Францией и к отказу от поддержки «ненадежных» союзников. Возмущение ими лишь возросло во время кампании 1807 г., когда Паррот писал императору: «Вы сражаетесь ради спасения Европы, в которой Англия пожар разожгла; Вы сражаетесь, чтобы защитить Вашу империю от врага, которого континентальные войны, затеянные Англией, сделали угрозой для всей Европы; Вы сражаетесь в первую голову за Англию. И вот в решающий момент, когда добрая воля этой нации торгашей могла бы Вам помочь общего врага разгромить, Англия общее дело предаёт»¹³⁷. Поэтому профессор в принципе приветствовал Тильзитский мир, ибо тот был необходим и заключен «на условиях настолько почетных, насколько обстоятельства позволяли». Но угроза сохранялась, и ученый спешил побудить императора «все возможные силы бросить на переустройство армии, которая <...> скоро понадобится для войны с Францией, а быть может, и с Англией»¹³⁸.

Действительно, на рубеже 1806–1807 гг. Паррот впервые обратил внимание на состояние русской армии, чем вызывал немалое удивление у Александра I. «Не ожидал я вовсе, что Вы мне объявить собираетесь нечто, касающееся моей армии. Можете вообразить, с каким удивлением узнал, что Вам, сколько судить можно, о событиях, там происходящих, известно», – писал император профессору в конце декабря 1806 г. Речь шла о созданных в прибалтийских провинциях в соответствии с манифестом от 30 ноября 1806 г. ополчениях, которые Паррот мог непосредственно наблюдать. Он поделился с Александром I опасениями по поводу их боеспособности из-за отсутствия в местных крестьянах «патриотизма» (которого в этих губерниях, завоеванных силой и страдающих от крепостного рабства, «нет и быть не может»), так что они скорее обратят оружие против своих же помещиков, чем поддержат армию¹³⁹. К тому же Паррот указывал на возможность хищений при организации снабжения и получил тому подтверждение, когда летом 1807 г. находился в Риге и наблюдал русские войска, отступавшие из Восточной Пруссии. Солдаты страдали от голода («Несчастные храбрецы травами питаются, которые собственными руками в лесах и полях собирают, чтобы избежать смерти после того, как избегли картечи Бонапартовой»), а заготовленная для армии мука на проверку оказалась гнилой¹⁴⁰.

Последовавшие затем перерывы в регулярной переписке Паррота и Александра I привели к тому, что проблемы, связанные с армией и внешней политикой России, не звучали в ней более трех лет. Но как только в сентябре 1810 г. профессор получил от императора подтверждение, что тот готов принимать от него любые «полезные сочинения», эта тема вернулась в письма, тем более что она объективно являлась одной из важнейших для оценки тогдашнего положения России. Парроту было что сказать на этот счет, и он передал Александру I сперва короткие замечания (в письме от 7 сентября), а потом пространную записку от 15 октября 1810 г. под заголовком «*Секретная, весьма секретная*», которую поднес царю перед отъездом из Петер-

¹³⁶ В рассказе для Николая I Паррот упомянул, что составил для Александра I по его просьбе записку о внешней политике, которую император обсуждал с министрами, – на эту роль может подойти только данный текст (приложение к письму 88).

¹³⁷ Письмо 125.

¹³⁸ Письмо 127.

¹³⁹ См. письмо 100 и приложение к нему.

¹⁴⁰ Письмо 127.

бурга, подводя итог состоявшихся там бесед¹⁴¹. Основное содержание «секретной записки» было посвящено подготовке новой большой войны с Францией. Неизбежность такой войны и необходимость тщательно к ней готовиться прекрасно понимал тогда и сам Александр I¹⁴². Предложения Паррота состояли в том, что ради этого России стоит пойти на урегулирование спорных вопросов на Балканах и в Закавказье, то есть как можно скорее, пусть и ценой уступок, подписать мир с Турцией и Персией (чему Франция будет препятствовать). Он также указывал на возможность привлечь на свою сторону поляков (которым нужно пообещать восстановить их государственность) и даже заключить союз с Швецией – к этой мысли профессор еще раз вернется через полгода, когда с похвалой отзовется перед Александром I о новом шведском регенте, бывшем маршале Ж.-Б. Бернадоте, который «среди французских генералов всегда выделялся честностью и прямоотой; короною обязан более этим добродетелям, нежели желанию Бонапарта его удалить», а потому он «сдержит все, что Вам пообещает»¹⁴³.

Заметим, что все эти рекомендации Паррота были воплощены Александром I в жизнь, а его союз с Бернадотом действительно был подписан в Петербурге 24 марта 1812 г. Но самые интересные замечания Паррота из «секретной записки» касались тактики ведения войны с Наполеоном. Профессор раскритиковал предложенный тогда Военным министерством оборонительный план, основанный на возведении пограничных крепостей: «Исполнить его сможете лишь наполовину, а армии Ваши в крепостях воевать не умеют». Профессор советовал: «Согласите войну, какую Вы вести собираетесь, с духом Вашей нации и духом противника». Это означало, что главную армию, вооруженную грозной артиллерией, следует пускать в бой «только в тех случаях, когда успех будет обеспечен», а до тех пор отступать, используя преимущества территории, чтобы начать «войну складов» на истощение противника. Для того же, чтобы его «гонять во все стороны и голодом морить», необходимы малые отряды – «десять полудивизий, составленных преимущественно из легкой кавалерии». Иными словами, Паррот предлагал Александру I тактику партизанских действий, которая действительно возымела успех в 1812 г.

Помимо общих советов, профессор стремился внести и собственный посильный вклад в победу. Еще в 1805 г. он рвался в бой, упоминая о своей давней мечте – умереть на поле битвы «подле возлюбленного Александра»; это же повторилось в 1807 г.¹⁴⁴ А в 1811 г. он уже всерьез собрался на войну, прося императора заранее предупредить его о времени ее начала, но теперь это было связано с его военными изобретениями. Как ученый-физик, Паррот решил создать оружие, которое бы дало русской армии решительное преимущество, и сам содрогался от своего намерения («Ужасное ремесло – рассуждать хладнокровно о самом гибельном способе умертвлять себе подобных!») – но считал его спасительным, ибо наиболее смертоносное оружие скорее и вернее принесет мир и поможет правому делу¹⁴⁵. Речь шла о новом пушечном ядре, начиненном какой-то особой картечью большой разрушительной силы. К счастью или нет, опыты по практическому применению таких ядер потерпели неудачу в апреле 1812 г.

Зато полностью удались опыты Паррота с оптическим телеграфом, который также должен был применяться на войне как средство быстрой связи и для обустройства которого профессор был готов выехать в действующую армию. О собственной разработке такого телеграфа профессор рассказал Александру I еще в начале 1809 г., но тогда реакции не последовало; в октябре же следующего года император выделил Парроту тысячу рублей для изготовления образцов и проведения с ними опытов. Они прошли в конце 1811 г., и обо всех их результа-

¹⁴¹ Письмо 157.

¹⁴² Подробнее: *Сироткин В. Г.* Александр Первый и Наполеон. Дуэль накануне войны. М., 2012.

¹⁴³ Письмо 163.

¹⁴⁴ См. письма 72, 89, 124.

¹⁴⁵ Письмо 164.

тах профессор тщательно докладывал в письмах к Александру I. По его словам, телеграф поддерживал устойчивую связь на расстоянии от 10 до 15 верст, причем в любую погоду, кроме тумана, а для передачи депеш можно было использовать шифр на основе как латинского, так и кириллического алфавита¹⁴⁶.

С этим проектом в начале 1812 г. Паррот приехал в Петербург, а в начале марта Александр I лично экспериментировал со связью по телеграфу на расстоянии в 10 верст и «изъявил изобретателю высокое свое удовольствие». В этих опытах вместе с императором также приняли участие военный министр М. Б. Барклай-де-Толли, начальник Главного штаба князь П. М. Волконский и полковник П. А. Экспарре, которому было поручено организовать «телеграфные части» в армии¹⁴⁷. Последний был давним знакомым Паррота по Лифляндии, и с его помощью профессор надеялся на быстрое внедрение своего изобретения – но спустя некоторое время узнал, что денег на это так и не выделили. Тем не менее Александр I в своем последнем письме Парроту в 1812 г. особо подчеркнул вопрос о награде за его труды по устройству телеграфов: император писал, что с этим вопросом к нему сперва обратился Барклай-де-Толли, но Александр желал бы сам узнать от Паррота, какое вознаграждение тот хочет получить.

Отметим здесь в заключение, что Паррот каждый раз испытывал живое беспокойство, прощаясь с императором перед тем, как тот уезжал на войну, о чем свидетельствуют и относящиеся к этим моментам письма, и позднейшие упоминания. И эти тревоги были созвучны настроениям Александра I. Еще при отъезде в армию в 1807 г. он сказал Парроту: «Если мы еще раз увидимся», и профессор боялся за императора, что его отвага заставит «о долге забыть»¹⁴⁸. У Александра же страх на войне являлся постоянным переживанием, для преодоления которого ему и нужны были из раза в раз проявления «отваги». Это отчетливо демонстрирует сцена его прощания с Парротом в 1812 г., когда император «прижал его к сердцу» и всерьез заговорил о возможной гибели: «Если паду я в этой страшной борьбе, изобразите меня потомкам таким, каким я был»¹⁴⁹. В ответных словах Паррот молился за царя и поднимал его дух: «Да хранит Вас Господь <...>. Да укрепит он прежде всего Вашу надежду на победу в этой войне, а следственно, поможет Вам ее вести уверенно. Я этой мужественной уверенности полон. Да перейдет она в Вашу душу, да животворит все Ваши действия, да оживит все Ваши предприятия, да электризует всю Вашу армию!»¹⁵⁰

Таким образом, десятилетнее общение Паррота и Александра I затрагивало множество государственных дел, на решение которых хотел повлиять профессор и зачастую действительно влиял. Больше всего он добился в университетском вопросе: ему удалось убедить Александра I даровать дерптским профессорам автономию, поскольку именно так, защищенные от происков местных «врагов Просвещения», они могли лучше всего выполнять научные и образовательные задачи в своем крае. Деятельность Паррота по крестьянскому вопросу в Лифляндии также важна, поскольку она дала толчок к учреждению центральной властью Лифляндского комитета и разработке первых шагов по отмене здесь крепостного права. Но не все либеральные идеи профессора были реализованы – так, проект открытия в Дерптском учебном округе приходских училищ для начального образования крестьян хотя и встретил в целом одобрение и у императора, и в министерстве, но реализован не был, поскольку внимание царя, а также ресурсы бюджета в 1805–1807 гг. целиком были сосредоточены на войне с Наполеоном. В этот период Паррот высказывал много общей критики в адрес реформ Александра I, полагая, что те не достигли результатов, на которые рассчитывали в начале царствования, и почти

¹⁴⁶ См. письма 170 и 172.

¹⁴⁷ Паррот впервые упомянул об этом в 1819 г., подавая просьбу о вознаграждении за свои труды (РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 248. Л. 13), а затем повторял эти сведения в других официальных прошениях.

¹⁴⁸ Письмо 123.

¹⁴⁹ Письмо 215.

¹⁵⁰ Письмо 190.

полностью остановились. В 1809–1810 гг. достаточно остро профессор нападал на финансовую политику Сперанского и подготовленный им указ об экзаменах на чин. Критиковал он и внешнюю политику царя, опровергая необходимость участия в коалиционных войнах и выступая за заключение мира с Наполеоном. Накануне же Отечественной войны 1812 года Паррот, напротив, проявил свой «военный талант» – и в области изобретений, и давая Александру I точные советы по использованию на войне преимуществ, связанных с большой территорией России и возможностью организации партизанских действий. В конечном счете он пытался внушить своему другу-императору уверенность в победе.

Разрыв прямых связей и попытки Паррота восстановить дружбу

Ни один из друзей, расставшихся в 1812 г. на высокой ноте и демонстрировавших, казалось бы, неизменную привязанность друг к другу, не догадывался тогда, что это была их последняя встреча. Александр I ни разу больше не адресовал Парроту ни единой строки, а также не обсуждал их отношения с каким-либо третьим лицом, поэтому о причинах последовавшего разрыва можно только строить предположения.

Некоторые историки вслед за великим князем Николаем Михайловичем, биографом Александра I и его супруги Елизаветы Алексеевны, возлагают вину за этот разрыв целиком на характер Паррота. Тот якобы, «не имея никакого права», вмешивался в личные отношения императора и императрицы, причем всячески превозносил качества последней, напоминая Александру о его семейном долге (в качестве доказательства обычно цитируется отрывок из «секретной записки» 1810 г.), но в глазах императора такое вмешательство достигало «совсем обратной цели». Как следствие, «вскоре назойливость и излишняя откровенность Паррота надоели императору и привели к окончательному разрыву между ними», поскольку Паррот в 1812 г. проявил новую бестактность, «вздумав заступиться за опального Сперанского»¹⁵¹.

Другой биограф Александра I, Н. К. Шильдер, выдвинул иную гипотезу, объясняющую расставание императора с Парротом, – изменения в характере самого Александра. Он обратил внимание на то, что после завершения войны с Наполеоном Александр I отдалился от многих друзей, с которыми его связывали прежние либеральные устремления, и даже от своего воспитателя Лагарпа, к которому царь питал глубокую признательность. «Если в отношениях императора Александра к Лагарпу можно проследить с 1818 года явное охлаждение, то, конечно, не лучшая участь постигла и Паррота», – писал Шильдер. По его мнению, несчастный профессор никак не мог поверить в те перемены, которые совершились в Александре I после 1812 г., в то, «что воззрения их уже разделяет пропасть, что воскресить прошлое представляется невозможным и что оно должно быть предано забвению»¹⁵². Начало же этих расхождений Шильдер также относит к истории со Сперанским: после нее Паррот каждым своим появлением возвращал Александра I к болезненным воспоминаниям – ведь тот, по мнению биографа, разыграл перед профессором «преднамеренную комедию», обвинив Сперанского в измене, чтобы скрыть собственное отвращение к государственному секретарю, «сведение личных счетов оскорбленного мстительного сердца»¹⁵³. С последним предположением целиком был согласен и биограф Паррота Ф. Бинеман, который также видел основные причины разрыва в событиях, свидетелем и участником которых профессор стал в марте 1812 г.¹⁵⁴

Не отвергая совсем возможную справедливость этих предположений, нельзя не заметить, что они плохо согласуются с тем развитием дружеских отношений между Александром I и Парротом, которое было исследовано выше. Так, якобы накапливающая у Александра I после 1810 г. обида на профессора за его высказывания об отношениях царя с Елизаветой Алексеевной ничем не подтверждается, а к моменту окончательного разрыва (1816) она должна была бы волей-неволей охладеть после такого количества событий, пережитых царем в 1812–1815 гг. Также летом 1816 г. Александр I признал невиновность Сперанского, т. е. фактически согласился с высказанным в 1812 г. мнением Паррота, что того нельзя было осуждать без тщательного разбирательства. Вообще, представление о том, что в истории со Сперанским Александр I

---

¹⁵¹ Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна... С. 231–232.

¹⁵² Шильдер. Т. 4. С. 289–290.

¹⁵³ Шильдер. Т. 3. С. 50, 368.

¹⁵⁴ Бинеман. С. 301–303, 312.

сознательно обманывал профессора, ломал перед ним «комедию» или даже изображал «шекспировскую драму» (как вслед за Шильдером любят писать историки), коренится в некритическом использовании источников и совершенно не совпадает с картиной отношений императора и профессора по их переписке того времени – а потому должно быть отвергнуто¹⁵⁵.

Конечно, в этих отношениях возникали уже анализированные выше недопонимания и расхождения во мнениях, но до поры до времени оба друга умели их преодолевать. И о том, почему так не случилось в начале 1816 г., скорее должны поведать более близкие к этому времени события, нежели обращение к старым «обидам». Поэтому прежде всего следует обратить внимание на обстоятельства жизни и службы Паррота в 1812–1815 гг.

С 1 августа 1812 г. Паррот вновь, в третий раз вступил в должность ректора Дерптского университета. Если вспомнить, что предыдущее его пребывание в этой должности в 1805/1806 г. было связано с данным императору твердым обещанием удерживать студентов в Дерпте от каких-либо беспорядков, то можно предположить, что и в этот раз Паррот согласился стать ректором из желания как-то помочь Александру I в самую трудную пору его жизни: профессор добровольно принимал на себя обязанности главы университета в разгар Отечественной войны, проявляя тем самым и любовь к родине, и любовь к ее императору (что для Паррота, бесспорно, означало одно и то же).

Однако он не учел, что, по-видимому, впервые в жизни столкнется с противодействием внутри университетской корпорации, которое исходило от профессоров, столь же любивших науку и ненавидевших Наполеона, но более молодых, чем Паррот. Во главе этой «партии» стоял блестяще образованный русский филолог, поэт, друг В. А. Жуковского, 29-летний Андрей Сергеевич Кайсаров¹⁵⁶. Возможно, ему и близким к нему по возрасту профессорами казалось, что давно уже разменявший пятый десяток лет и к тому же страдающий от периодического обострения болезней Паррот не способен к активному управлению университетом, которое требуется во время войны, или – что более вероятно – особая доверительная связь Паррота с императором, о которой знали все в Дерпте, приведет к тому, что его управление не будет учитывать мнение коллег и окажется слишком своевольным, а это могло бы негативно сказаться в критические минуты. Так или иначе, но Паррот был избран ректором с перевесом против Кайсарова всего в три голоса (из почти тридцати принявших участие в голосовании). Александр I утвердил результаты этих выборов, находясь в Дрисском лагере¹⁵⁷.

С течением времени война приближалась к Дерпту. 12 июля 1812 г., ровно через месяц после перехода французов через Неман, были сожжены предместья Риги, в результате чего тысячи людей остались без крова и средств к существованию. Беженцы оттуда достигли Дерпта, а вместе с ними пришли и слухи, что возвышенная позиция, на которой находились университетские сооружения, и каменный мост через реку могут стать новым рубежом обороны русской армии. Профессора всерьез вели между собой разговоры о возможном отъезде в глубь России. В этих условиях Паррот выказал необходимое мужество – в своей речи на университетском празднике 13 августа он говорил об обязанностях гражданина на войне, призвал профессоров, студентов и всех присутствующих горожан оказать помощь жителям сгоревшей Риги и тут же объявил для этого сбор денег по подписке¹⁵⁸.

Совместные проявления патриотизма, увы, не смогли погасить внутренние конфликты в профессорской среде. Хотя Кайсаров еще в июне уехал в армию, но его друг и единомышленник по университету, приглашенный в Дерпт в 1811 г. на кафедру анатомии, профессор Карл

¹⁵⁵ Андреев А. Ю. Источники об отставке М. М. Сперанского в 1812 году: опыт систематического анализа // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 185–200.

¹⁵⁶ Лотман Ю. М. Кайсаров Андрей Сергеевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 440–441; Баженова А. И. А. С. Кайсаров – забытый герой раннепушкинской эпохи. Саратов, 2004.

¹⁵⁷ Бинеман. С. 251.

¹⁵⁸ Burdach K. F. Rückblick auf mein Leben: Selbstbiographie. Leipzig, 1848. S. 266–267.

Фридрих Бурдах развернул активное противостояние с ректором. Талантливый 35-летний ученый, приверженец новейших идей натурфилософии Ф. Шеллинга, прибывший из Лейпцигского университета, Бурдах считал, что еще во время своего переезда столкнулся с несправедливостью, когда университетский Совет по настоянию «сторонников Паррота» пытался сэкономить, недоплатив ему путевые издержки в дукатах (что, скорее всего, объяснялось плачевным состоянием казны университета из-за падения курса рубля). Не оценил Бурдах и инициированный Парротом общий сбор пожертвований: по его мнению, «достойная цель предполагает и достойные средства», он же не хотел, чтобы его благотворительность «пришпоривали, чтобы сойти за патриота».

Но действительно острым конфликт Бурдаха с ректором стал в конце 1812 г., когда последний выступил на необычном для него медицинском поприще. Паррот сначала пытался опробовать на одном из товарищей, а затем опубликовал 22 октября в городской газете Риги метод лечения нервных болезней уксусом (исходя из предположения, что любое расстройство нервов вызывается переизбытком в организме желчи). Во второй половине ноября Паррот отправился в Рижский военный госпиталь, где начал лечить больных уксусом и, судя по опубликованному им отчету, за неделю поставил на ноги шестерых из тринадцати, а еще у троих добился значительного улучшения (впрочем, по словам Бурдаха, некоторые из них позже скончались). За такие успехи попечитель Клиндер и рижский генерал-губернатор Ф. О. Пауллуччи сделали представление министру о награждении Паррота от имени императора.

Бурдах же еще во время попытки опробовать этот метод в Дерпте возражал Парроту, а затем вступил с ним в письменную полемику, которая постепенно разрасталась. В январе 1813 г. он опубликовал сочинение «Разрешение загадки уксуса», где обличал уже не только несостоятельность теории, но и самого автора, не сведущего в медицине и вводящего в заблуждение своих студентов. Паррот ответил на это листком «Решение Бурдаховой загадки», где заявил, что Бурдах превращает научный спор в упражнение в остроумии, но что сам Паррот не собирается дальше с ним равняться в шутовстве. Дополнительное напряжение этому спору придавало то обстоятельство, что другие профессора медицинского факультета безмолвствовали и только Бурдах осмелился бросить вызов «любимцу императора». Аналогичным образом Бурдах вел себя и в Совете университета, где он в конце 1812 г. в одиночку, при молчании своего факультета помешал Парроту организовать производство находившегося под покровительством ректора приват-доцента И. Л. Йохмана в ординарные профессора хирургии – Бурдах указал на его недостатки в преподавании и на отсутствие необходимой диссертации¹⁵⁹.

Но в Петербурге известия о противостоянии Бурдаха и Паррота были с большой охотой подхвачены теми, кто давно завидовал дружбе профессора и императора. От их лица выступил министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, который по собственной инициативе возбудил в министерстве дело относительно якобы имевшего место пренебрежения цензурным уставом. 31 января 1813 г. он сообщал Клиндеру, что «сочинения, в которых идет речь об изобретенном профессором Парротом способе лечения нервной горячки, содержат в себе не рассуждения о сем способе, которые были бы позволительны и даже похвальны, но одни почти насмешки и даже грубые личности и брани и посему совершенно противны Уставу о цензуре и приличной ученым скромности». Министр предписывал попечителю сделать обоим профессорам «строжайший выговор» за то, что они «употребляют во зло данное им право на печатание своих сочинений без рассмотрения цензуры», и пообещал, «что если они впредь не будут пользоваться помянутым правом с надлежащей скромностью и осторожностью, то начальство принуждено будет принять меры для лишения их оно»¹⁶⁰. После этого Паррот был вынужден письменно оправдываться в письме к министру от 9 февраля 1813 г., возлагая

¹⁵⁹ *Burdach K. F. Rückblick auf mein Leben: Selbstbiographie.* S. 259–263.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 155. Л. 1–1 об.

вину за конфликт на Бурдаха. В ответ Разумовский просил Клингера объявить Парроту, что, даже если тот не был виновником ссоры, это не давало ему права называть публично Бурдаха шутом¹⁶¹. Тем самым министр не только не желал гасить, а лишь раздувал прямой конфликт Паррота с Министерством народного просвещения.

К осуждению действий Паррота вскоре присоединилось и другое ведомство: Медицинский департамент дал отрицательный отзыв на способ лечения уксусом, который применял Паррот, и, соответственно, о его награждении императором можно было забыть. Нет сомнения, что все это дело было доведено до сведения Александра I с подробностями, рисуемыми Парротом в самых черных красках – причем вряд ли в 1813 г., т. е. в разгар военной кампании, а скорее всего, на следующий год, когда царь вернулся в Россию.

Александр I прибыл в Петербург в середине июля 1814 г. в роли триумфатора, который принес Европе долгожданный мир. Паррот горячо приветствовал его приезд своим новым письмом¹⁶². Однако профессор допустил в нем две весьма чувствительные ошибки. Об одной он вряд ли догадывался, когда послал императору вместе с письмом текст своей речи «Взгляд на настоящее и ближайшее будущее», которую произнес в университете 2 февраля 1814 г., а затем напечатал. Речь прославляла Александра-победителя (хотя, по мнению Паррота, и недостаточно сильными словами: «Когда о Вас говорю, я в выражениях стеснен, потому что сдерживаться должен»). При этом в своей картине будущего профессор призывал отказаться от постоянных армий, которые лишь истощают страну и служат «мощнейшим орудием в руках захватчика», и увериться, что каждую нацию можно «в шесть недель вооружить», чтобы она дальше сама героически отстаивала свою свободу, «что нам ясно доказала Французская революция»¹⁶³. Но эти идеи были категорически противоположны сформировавшимся к тому времени представлениям Александра I о роли народа (которая должна быть сугубо подчиненной по отношению к монарху) на войне и особенно негативному взгляду императора на военное наследие Французской революции, порождением которой был Наполеон (что позже выразилось в знаменитом манифесте Александра I от 1 января 1816 г.)¹⁶⁴.

Второй же ошибкой Паррота было заявление в этом письме: «Когда в Петербурге окажусь, вынужден буду с Вами о делах говорить. Многое произошло за время Вашего отсутствия. Покамест умоляю Вас никаких решений по департаменту народного просвещения не принимать, пока я Вас не извещу о том, что видел». Исходя из того, что Александру I уже представили кое-какие дела, которые имел в виду Паррот и о которых рассказывалось выше, можно вообразить себе степень раздражения императора. Только что победив Наполеона и собираясь на Венский конгресс, который должен был определить новые границы в Европе и будущие судьбы многих государств, Александр I вынужден был бы вникать в лечебные свойства уксуса – причем с обычным припевом Паррота, что от этого зависит судьба Дерптского университета и просвещения страны в целом!

Неудивительно, что, когда в середине августа 1814 г. Паррот приехал в столицу в надежде на новую встречу с Александром I, тот его не принял. До отъезда царя в Вену оставалось две недели, в которые он напряженно занимался делами, и свободного времени для друга у него не нашлось (что профессор воспринял с немалой обидой, хотя в прошлые годы ему приходилось ждать встречи в Петербурге и по целому месяцу).

Зато в декабре 1815 г., когда Александр I вновь вернулся в столицу после полугодового отсутствия, никакого нового его отъезда не планировалось и его свидание с профессором, приехавшим спустя две недели после императора, вполне могло бы состояться. Однако

¹⁶¹ Там же. Л. 5–6 об., 7.

¹⁶² Письмо 196.

¹⁶³ Цит. по: *Hempel P. Deutschsprachige Physiker im alten Sankt-Petersburg...* S. 102. О вооруженных санкиюлотах, способных разбить целые армии, Паррот с восхищением высказывался еще в 1805 г. (письмо 70).

¹⁶⁴ Шильдер. Т. 4. С. 1–4.

за истекшее время к названным выше обстоятельствам, которые могли вызвать у Александра раздражение в отношении Паррота, добавился еще один немаловажный повод: крупнейшая драка студентов с горожанами в Дерпте, приведшая на этот раз – впервые – к смертельному для местного жителя исходу (скончался русский купец Семен Шапошников). В столкновении, состоявшемся 21 апреля 1815 г., вечером после студенческого праздника, приняло участие со стороны университета около 60 человек. После этого несколько дней город был словно охвачен войной, поскольку вооруженные ремесленники ходили по улицам в надежде отомстить любым случайно встреченным студентам. Десять студентов были преданы «смешанному суду», состоявшему из членов Дерптского магистрата и дворянского выборного суда (ландгерихта) – таким образом, дело было вынесено за пределы университетской юрисдикции, а его разбирательство длилось до ноября следующего года¹⁶⁵.

Итак, говоря об изменениях в отношении Александра I к Парроту, которые могли проявиться в конце 1815 – начале 1816 г., не следует ограничиваться лишь общими, хотя и безусловно верными рассуждениями о том, что император, основавший за три месяца до этого Священный союз, удалялся от друзей, с которыми было связано либеральное начало его царствования. Нужно также говорить и о конкретных поводах, настраивавших императора против профессора в 1813, 1814 и 1815 гг., вплоть до известий о новых студенческих беспорядках в Дерпте – а ведь Паррот не раз прежде ручался перед Александром за своих студентов (кстати, тот факт, что разбирательство по делу о смерти Шапошникова еще продолжалось, также затруднял возможность встречи Александра и Паррота: профессор обязательно бы затронул эту историю при разговоре, император же, как и всегда, не хотел напрямую вовлекаться в ее разрешение).

И все-таки разрыв, хотя и предугадываемый, произошел для Паррота очень драматично. Профессор отправил Александру I одно за другим семь (!) безответных писем в течение более чем полутора месяцев пребывания в Петербурге, пока его денежные средства на жизнь в столице не подошли к концу. Император же заставлял его ждать, поскольку не отвечал ни положительно, ни отрицательно на просьбу о встрече, но лишь устно передавал через камердинера, что ответ последует. Наконец, 5 февраля 1816 г. Паррот решился навсегда попрощаться с Александром. В этом письме он опять использовал обращение «Ваше Императорское Величество», на протяжении большей части письма употребляя его в третьем лице (и лишь местами переходя на «вы», т. е. несколько уменьшая расстояние, разделяющее его с адресатом): «Жребий брошен. Вашему Величеству угодно, чтобы я в Нем видел отныне только Государя Российского. У Вашего Величества наверняка на это есть свои причины, справедливыми кажущиеся. Не взываю к будущему, которое меня оправдает; не взываю к прошлому, которое меня уже теперь оправдывает. Но взываю к великодушию Вашего Величества по поводу способа, каким угодно было Ему произвести разрыв, сочтенный Им необходимым. Я Ваше Величество просил его произвести с той честностью, какая нас съединила. Ваше Величество мне в этом отказали и тем самым объявили меня сего недостойным. Это мою горесть удваивает, и если имеет поданный право сказать Государю, что он неправ, скажу я, что Ваше Величество в сем отношении неправы. В чем мое преступление? Последние тринадцать лет, Государь, жил я только для Вас; дела мои, обязанности, даже ученые труды – все Вам посвящал. Хотел быть и казаться достойным доверия, каким Ваше Величество меня почтили вопреки обыкновенному ходу вещей. Я Вас любил, Вы это знаете, с силой, какая порой Вас удивляла»¹⁶⁶.

В этом и предыдущих горьких письмах Паррот оплакивал не только себя, но и всех желающих добра людей, снискавших «репутацию доверенного лица» императора, с которых враги всегда «глаз не спускают» и радуются их падению. Паррот рвался сам объявить во всеуслыша-

¹⁶⁵ Петухов. С. 253–256.

¹⁶⁶ Письмо 202.

ние своим врагам, что этой репутации более не существует, и просил, чтобы подобный случай не повторялся: «Если когда-нибудь случай вторично сведет Ваше Величество с существом чувствительным, которое, привлеченное благородством Вашей души, пожелает полностью предаться Вам, заклинаю Вас именем Божества, которое Вы почитаете, как и я, оттолкните его немедленно. Да будет Вам довольно одной жертвы чувства!» Подобные строки, написанные в январе – феврале 1816 г., дорого стоили Парроту. Он тяжело заболел, начал кашлять кровью. Увы, его давнее желание умереть за императора оказалось не вполне метафорой!

Поразительно, но это было не единственным ударом, постигшим Паррота в наступившем году, – ему пришлось еще и своими глазами увидеть разрушение начал университетской автономии, одобрения которых он с таким трудом добился у Александра I в период основания Дерптского университета. Уже 17 февраля 1816 г. в связи с делом Шапошникова император утвердил постановление о том, чтобы студенты «за последнее ими учиненное насилие не подлежали более, как прежде, университетскому суду, но собственно местной полиции»¹⁶⁷, – тем самым нарушалась университетская юрисдикция, за которую Паррот так боролся в 1802 г. Столь же жестоко он пострадал вместе со всем университетом из-за так называемой «дерптской аферы», которая произошла летом 1816 г., была раскрыта и вызвала расследование в министерстве, результаты которого быстро стали публичными. Речь шла о том, что тогдашний ректор университета вместе с деканом юридического факультета выдали портному Вальтеру и фабриканту Веберу докторские дипломы по юриспруденции во время каникул, с явным нарушением предписанной процедуры экзаменов на ученую степень и притом без защиты диссертаций (по циркулировавшим в обществе слухам сумма переданной за это профессорам взятки достигала 30 тысяч рублей¹⁶⁸).

Подобная афера отражала объективно существовавшие на тот момент недостатки, присущие российским университетам в целом, а не только Дерпту, но которые здесь ощущались весьма остро. Во-первых, университет мог возводить в степени докторов наук, которым соответствовал 8-й класс по Табели о рангах, дававший право на потомственное дворянство, но на такие степени возникал спрос у верхушки бюргерского населения, стремившейся их «купить» («торговля степенями» была распространенной в предшествующие века в Европе, что постепенно привело там к падению престижа университетских ученых степеней и введению экзаменов на должности под контролем государственных органов). Во-вторых, дерптские профессора в большой степени ощущали на себе последствия инфляции и разорения соседних регионов, вызванные Наполеоновскими войнами. Их уровень жизни резко упал, что заставляло искать возможность дополнительного заработка за счет прав, дарованных университету.

Эти соображения отчасти смягчали ситуацию в глазах общества, но отнюдь не в глазах государственной власти. Об общественной реакции хорошо свидетельствуют письма из Дерпта, которые осенью 1816 г. В. А. Жуковский посылал А. И. Тургеневу: «Осуждая виноватых, надо щадить университет. Он и без этого упадет и упадет, потому что правительство отняло от него свою руку. Неужели всему должно у нас, не созрев, разрушаться?» О широком резонансе, который получила эта история, писал один из тогдашних выпускников Дерпта: «Трудно себе представить, какой вред принес этот скандал нашему университету за границей; до сих пор я не встречал здесь ни одного человека, который бы не знал этой истории и не спрашивал бы о ней»¹⁶⁹.

Реакция же государства не заставила себя ждать. 21 ноября 1816 г. состоялось высочайше утвержденное постановление Комитета министров: оно подтверждало аннулирование дипло-

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 96. Л. 38.

¹⁶⁸ Впервые подробности этого дела были проанализированы в кн.: Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805–1819. СПб., 1891. Т. 2. С. 734–736; см. также: Петухов. С. 271–272.

¹⁶⁹ Петухов. С. 273–275.

мов Вальтера и Вебера, вводило запрет на университетские испытания во время каникул, требовало от Совета университета произвести основательное расследование «поступка факультета» и наказать виновных профессоров¹⁷⁰. За последней фразой скрывалось подозрение, что это были не единственные незаконные производства в ученые степени в Дерпте – причем не только на юридическом, но и на других факультетах. В министерстве речь могла даже идти о временном закрытии университета. В итоге указом Александра I от 25 июня 1817 г. ректор и декан юридического факультета, признанные главными виновниками, были уволены из университета с запрещением впредь принимать их на русскую службу¹⁷¹. Это было первое в университетах Российской империи увольнение ректора и декана, избранных корпорацией, и, конечно, оно нанесло очередной удар по принципам автономии.

Для Паррота же эта ситуация ощущалась многократно тяжелее: он страдал не только как профессор, проступки коллег которого бросили тень на всю корпорацию, но еще и оттого, что не имел права воззвать напрямую к императору от имени всего Дерптского университета – права, которым пользовался он так часто прежде и которое для защиты университета в целом так необходимо оказалось теперь, т. е. ровно в тот момент, когда Паррот его лишился. Добавим еще, что этот кризис роковым образом сказался и на другом защитнике Дерптского университета, попечителе Ф. М. Клингере, вынужденном подать в отставку 17 января 1817 г., – так что Паррот мог считать себя косвенно виновным еще и в том, что не избавил от тяжелых переживаний человека, в котором видел своего единомышленника и друга.

Наконец, материальное оскудение, настигавшее Паррота в той же мере, что и других дерптских профессоров, из-за последних событий лишь усугубилось. Как следует из цитируемого ниже архивного дела, долги Паррота простирались в это время до 30 тысяч рублей, а отзывы знавших его тогда людей упоминают, что он вынужден был продать половину принадлежавшего ему дома и искал место учителя, чтобы получить хоть какой-то дополнительный заработок¹⁷².

Видимо, именно отчаянное финансовое положение заставило профессора спустя два года по окончании расследования «дерптской аферы», когда оставленный ею шлейф уже несколько рассеялся, вновь обратиться в Петербург и поднять там вопрос о выплате ему денежного вознаграждения. Паррот направил соответствующее официальное прошение от 24 августа 1819 г. на имя нового попечителя Дерптского учебного округа графа К. А. Ливена. Профессор напомнил о своих заслугах по изобретению телеграфа и о том, что еще в 1814 г. в Петербурге Барклай-де-Толли повторно говорил с ним об обещанной императором за это награде, но Паррот не стал тогда хлопотать, думая, что все произойдет само собой. (Его сдержанность в тот момент понятна в свете еще не проясненных тогда его личных отношений с Александром I. И даже сейчас, несмотря на острую нужду, Паррот сохранял щепетильность в денежных вопросах: он отказался официально просить конкретную сумму, а в личном обращении к Ливену написал, что определить ее может только сам Александр, «пусть судит по делу или по чувству: тем и другим буду доволен»¹⁷³.) Также Паррот указал и на еще одну свою заслугу перед государством: изобретение им в 1806 г. особого рода жестяных карнизов для главного здания университета в Дерпте, которые «соединяют с великим сбережением издержек красоту и прочность»¹⁷⁴.

Вопрос о награде за карнизы затем решался чисто бюрократически: министерство направило запрос в Академию художеств, где ее президент А. Н. Оленин дал свой отзыв на этот проект с некоторыми замечаниями, на которые Паррот ответил собственными возражениями

¹⁷⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. С. 907–908.

¹⁷¹ ПСЗ. Т. 34. № 26940.

¹⁷² Бинеман. С. 313.

¹⁷³ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 248. Л. 30.

¹⁷⁴ Там же. Л. 14.

в защиту своего проекта карнизов, и в результате дело ушло в долгий ящик. Но необходимость наградить Паррота за работу над оптическим телеграфом Александр I подтвердил: 17 января 1820 г. был издан указ о выплате профессору за это 15 тысяч рублей¹⁷⁵.

Такая удача подхлестнула желание Паррота, которое с каждым годом становилось у него все сильнее, – вернуться к личной переписке с Александром I и, может быть, даже еще раз увидеться с ним. Парроту вновь было что сказать императору. Он категорически не принимал новую политику Министерства духовных дел и народного просвещения, идеологом которой выступал такой одиозный чиновник, как М. Л. Магницкий, и которая сводилась к бюрократизации всех сторон жизни университетов, а также к подавлению в них научной деятельности в угоду своеобразно понимаемому и формулируемому Магницким религиозному воспитанию¹⁷⁶.

Первую попытку восстановить связь с Александром I Паррот предпринял в начале 1821 г. Его новое послание императору по форме представляло собой служебную записку по вопросам народного просвещения, без малейшего намека на прежние близкие отношения, в которой, однако, профессор позволял себе широкую критику политики министерства. Паррот переслал записку в Петербург Ливену, но тот, как явствует из его личного письма профессору от 14 апреля 1821 г., отказался отправить ее дальше на высочайшее имя: «Поистине вы требуете от меня слишком многого, больше, чем я могу. <...> Как можно, минуя министра, передать монарху записку, касающуюся служебных предметов и возражающую установленным предписаниям?»¹⁷⁷

Однако Паррот все же обнаружил какой-то канал, позволявший его письмам попадать в руки государя. Он воспользовался им в марте 1822 г., когда поспешил поблагодарить Александра I за давно ожидаемый рескрипт на имя свояченицы Паррота и вдовы его друга, коллежского советника Рота, – император тем самым наконец урегулировал финансовые дела ее семьи, связанные с назначением пенсии и погашением долгов мужа¹⁷⁸. В этом письме Паррот «к своему прежнему слогу вернулся», т. е. писал императору абсолютно свободно и по-дружески, чтобы дальше обратиться вновь к обсуждению проблем народного просвещения. Уже спустя четыре дня после первого письма он направил Александру I следующее послание, мотивируя это срочностью, поскольку в руки профессора попал новый проект Магницкого относительно закрытия в Российской империи всех уездных училищ с одновременным преобразованием всех гимназий в пансионы, и Паррот спешил полностью опровергнуть его доводы¹⁷⁹. Надо сказать, что, хотя император и не дал никакого ответа Парроту, его записка была прочтена (поскольку позже ее обнаружили среди служебных бумаг Александра I), а проект Магницкого, действительно предлагавший весьма радикальные преобразования, не получил одобрения.

В январе 1823 г. профессор попытался сделать еще один шаг к повторному сближению с императором – он вновь попросил Александра I о личной встрече. Они не виделись уже одиннадцать лет, и Паррот, по собственным словам, захотел вновь вспомнить, как это было: «Наслаждаюсь заранее этим счастьем; мысленно переносусь уже в тот кабинет, где пережил я счастливейшие моменты, какие суждены человеку, те моменты раздумий, когда, проникнутые оба сознанием святости наших обязанностей, взвешивали мы интересы Вашего народа»¹⁸⁰. Как заметил биограф Паррота, профессор не мог смириться с тем, что император пусть и готов был

¹⁷⁵ Там же. Л. 43.

¹⁷⁶ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в. М., 2002. С. 471–506.

¹⁷⁷ Цит. по: Бинеман. С. 314. Действительно, оригинал записки неотосланным вернулся в руки Паррота – см. письмо 203 и комментарий к нему.

¹⁷⁸ Письмо 204.

¹⁷⁹ См. письмо 205 и приложение к нему.

¹⁸⁰ Письмо 206.

принимать от него письма, но больше не хотел его видеть – иначе говоря, не допускал, чтобы прежние дружеские отношения хоть в какой бы то ни было форме были продолжены¹⁸¹.

Но при этом Александр I не забывал о Парроте, а профессор со своей стороны прекрасно это понимал. «Неоднократно император выказывал и выражал на деле, что все еще хранил ко мне свое прежнее уважение», – писал профессор Николаю I в 1832 г.¹⁸², и это его утверждение можно подкрепить источниками. Так, 16 февраля 1824 г. Александр I отдал распоряжение министру, князю А. Н. Голицыну, купить у Паррота 300 экземпляров пятого тома его курса физики (поднесенного через Ливена императору) в качестве учебного пособия для гимназий, заплатив профессору 15 тысяч рублей в счет расходов личного Е. И. В. кабинета¹⁸³. Вслед за пятым благосклонно был принят и шестой, заключительный том этого сочинения, который Александр I в июне того же года передал в Эрмитажную библиотеку.

В мае 1824 г. к профессору через университет обратился рижский генерал-губернатор маркиз Ф. О. Пауллуччи, которому Александр I во время пребывания в Риге рассказал об идеях Паррота относительно поддержания чистоты воздуха в казармах. Профессор живо откликнулся, направив самому императору подробную записку по этому вопросу и выказав готовность принять участие в практических работах по реконструкции казарм¹⁸⁴.

Такие знаки уважения стимулировали Паррота на продолжение переписки с императором во второй половине 1824 г. Он тогда отправил два письма, каждое из которых затрагивало важные темы: к первому прилагалась записка о внешней политике России и ее целях в связи с борьбой греков за независимость от Турции, а второе касалось состояния народного просвещения. Отношение Паррота к результатам царствования Александра I в текущий момент очень хорошо характеризуется общим настроением и даже структурой обоих писем. Начав с признаний, что вся его жизнь отдана любви, почитанию и служению интересам Александра I (особенно отчетливо это видно во втором письме, где Паррот отталкивается от сентиментальных переживаний об Александре, которые охватили его во время встречи с великой княгиней Марией Павловной и ее дочерьми), профессор затем решительно критикует политику императора и ставит под вопрос ее важнейшие достижения – объединение Россией европейских держав под эгидой Священного союза (приводящее лишь к тому, что против России действуют ее же союзники, «которые Вас удаляют от истинных Ваших интересов и отнимают у Вас ту популярность, которая в 1813 году Вас кумиром всей Европы сделала»¹⁸⁵) и развитие народного образования в России. Относительно последнего Паррот с горечью признает, что недавние распоряжения Александра I способны полностью перечеркнуть достигнутые результаты: «...обязан я Вам правду сказать, Вы на шаг от того, чтобы все разрушить и потерять ту славу, какую Ваша система народного просвещения Вам за последние двадцать лет принесла»¹⁸⁶.

Александр I, возможно, был расстроен этими письмами, и это недовольство сказалось на его реакции на очередную попытку Паррота увидеться с ним. Дело в том, что в письме от 26 октября 1824 г. Паррот очень сильно настаивал, чтобы император разрешил ему приехать в Петербург, и вдруг трагические события представили профессору искомый повод. 7 ноября произошло наводнение – самое разрушительное за все время существования города. Узнав об этом, Паррот сразу, в считанные дни составляет собственный проект защиты столицы от наводнений. Он полагает, что не может не заинтересовать им императора и, возможно, тем самым добьется их новой встречи¹⁸⁷.

¹⁸¹ Бинеман. С. 316.

¹⁸² Цит. по: Бинеман. С. 263.

¹⁸³ РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 224. Л. 5.

¹⁸⁴ Письмо 208.

¹⁸⁵ Приложение к письму 209.

¹⁸⁶ Письмо 210.

¹⁸⁷ Письмо 211.

Представленная в письмах история этого проекта – последнего из направленных профессором в Петербург при жизни Александра I – обладает всеми чертами, которые характеризуют отношение Паррота и к прежним своим проектам на высочайшее имя. Паррот, как всегда, верит в то, что нашел панацею. Он торопит императора с принятием «неотложных мер» по реализации проекта и ради этого выезжает в Петербург. При этом Александр I уже 4 января 1825 г., после получения первого же письма по этому поводу от Паррота, дает понять, что видеть его не хочет, отправляя к нему через министра народного просвещения распоряжение представить проект для оценки в Главное управление путей сообщения¹⁸⁸. Но малейшее требование проверить его расчеты наносит профессору обиду, которую он тут же высказывает императору: «Принимаете Вы архитекторов, которые представляют Вам планы обычных зданий, а меня отсылаете в Управление, которое охотно обойдется как со школяром <...> с человеком моего возраста, ученым, чье имя во всех европейских странах известно»¹⁸⁹. Тем не менее он не теряет надежды достичь своей цели в Петербурге, продолжая бомбардировать императора письмами о срочности мер и подчеркивая свое бескорыстие, поскольку за все труды по защите города от наводнений просит только одну награду – увидиться и поговорить с императором. Ради этого Паррот даже предлагает специальный порядок рассмотрения проектов, а именно чтобы их авторы, соревнуясь друг с другом, лично представляли свои идеи Александру I¹⁹⁰. Однако император принципиально не хочет ему отвечать. Разумно предположить, что предыдущие письма за 1824 г., а также непробиваемое упорство Паррота в отстаивании нынешнего своего проекта вновь всколыхнули в Александре его прежнее раздражение против профессора.

Наконец, и сам Паррот это понимает и 22 февраля, уже во второй раз, навсегда прощается с бывшим другом. Еще накануне этого дня он проводил аналогию между бесплодным ожиданием их встречи в январе 1816 г. и сейчас, в январе – феврале 1825 г.: «Когда десять лет назад был я вынужден покинуть Петербург, Вас не повидав, чудовищное кровотечение едва меня в гроб не свело. Если вновь мне в свидании откажете, не бойтесь подобного результата; более мой темперамент на такую встряску не способен. Но увезу я воспоминание мучительное, которое отравит остаток моих дней». Он вновь считал для себя необходимым подвести итоги их общения за все прошедшие годы: «Разве пытался я, по примеру многих других, хоть когда-нибудь Вас себе подчинить? Разве не ограничивался всегда тем, что Вам представлял факты и правила, но Вас к решению не подталкивал? Великий Боже! Хотел я, чтобы царствовали Вы, Вы один; всегда хотел только этого одного, это составило бы мое счастье, мою славу, какая самому Божеству пришлось бы по вкусу. Разве система народного просвещения, которую я Вам предложил и которая, к несчастью, только в Дерпте приведена была в исполнение, не удостоилась и не удостоивается по сей день одобрения Европы? а если и вызывает она неудовольствия, то лишь потому, что не осуществлена во всей своей чистоте»¹⁹¹.

Покидая Петербург, Паррот решает высказать Александру I все, что еще лежало у него на сердце, а потому прикладывает к своему прощальному письму огромную записку с критикой состояния дел в области народного просвещения, составленную еще на основании прежней записки, которую профессору не удалось передать императору в 1821 г. Казалось бы, все итоги их общения подведены. Но получается, что для Паррота прощание с императором не означало прекращения переписки – в марте и в сентябре 1825 г. он отправил Александру I еще два письма, где выступил пламенным патриотом «греческой нации» и побуждал царя протянуть ей руку помощи и противодействовать попыткам англичан нажиться на борьбе греков за свободу: «Ведь если греки сражались в течение четырех лет с героизмом, равным самым

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

¹⁸⁹ Письмо 212.

¹⁹⁰ Письма 213—216.

¹⁹¹ Письмо 214.

великим образцам историческим, несомненно, что делали они это для того, чтобы образовать независимую нацию, а не для того, чтобы покориться власти Англии»¹⁹². Любопытно, что тексты писем и записок Паррота по греческому вопросу в итоге оказались в распоряжении чиновников российского Министерства иностранных дел¹⁹³.

Поэтому подлинное завершение «романа в письмах» происходит в 1825 г. не в момент петербургского прощания, но падает на другое значительное событие этого года в жизни Паррота – прекращение его службы в качестве профессора Дерптского университета после 25 лет пребывания в должности. Прощение об отставке Паррот огласил в университетском Совете 24 августа 1825 г., после чего оно было передано в министерство, которое должно было назначить ему пенсию. «Я прожил уже 58 лет, чувствую уменьшение сил моих, может быть, более, нежели кто-либо из моих сотрудников равных со мною лет, и притом убежден, что публичный преподаватель должен прекратить свои наставления прежде, нежели достигнет решительной старости и соединенной с оною слабости. Остальные же силы мои, доколе я буду иметь их, стану посвящать науке, которой донныне с охотой занимался», – писал Паррот в своем прощании¹⁹⁴. А 14 октября он отправил последнее из своих писем к Александру I, где просил о дополнительной прибавке к пенсии (1000 рублей серебром, по примеру ректора Дерптского университета Г. Эверса). В качестве обоснования просьбы Паррот перечислял не только свои научные заслуги, но и «другие из работ, не связанные со званием профессора», которые принял исключительно для императора (телеграф, проект по защите от наводнений и проч.). Помимо этого, «не забыли Вы и мои поездки в Петербург, которые я почти всегда за свой счет совершал, и ворох писем и других бумаг, посвященных лишь Вам одному. Они лежат сейчас у меня перед глазами, равно как и Ваши письма, которые столь дороги моему сердцу и которые почитаю я прекраснейшим памятником моей жизни, а потомство мнение мое разделит»¹⁹⁵.

Так-то вот, окидывая взором лежащие перед ним черновики десятков написанных к Александру I писем, Паррот по-настоящему простился со своим другом. Император вряд ли успел прочитать эти строки – в тот момент он уже находился на юге империи, где спустя месяц скончался. Профессор узнал об этом вместе со всей страной в конце ноября 1825 г., и, по словам его ближайшего приятеля Краузе, весть о смерти Александра едва не свела Паррота в могилу¹⁹⁶.

В конце обзорного очерка, посвященного переписке Александра I и Паррота, позволим себе еще несколько общих замечаний. Прежде всего проанализированная переписка обладает поразительной цельностью, ее действительно можно сравнивать со столь популярным в литературе конца XVIII – начала XIX в. «романом в письмах», имеющим законченный сюжет, который описывает отношения героев от их зарождения до финальной развязки. Увлекательность этого произведения в первую очередь обеспечивает высокохудожественный романтический стиль Паррота. «Виртуозное владение эпистолярными канонами, изящный литературный язык, стилистика письма, информированность и убедительность логики автора не могут не удивлять, – пишет современная исследовательница. – Перо Паррота обладало особой способностью аргументационно точно и одновременно „дидактически образно“ доносить важнейшие акцентуации мыслей автора. <...> Но более всего впечатляет его прозорливость в отношении самой сути александровской политики»¹⁹⁷.

¹⁹² Письмо 219.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1163. Л. 3–11 об.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 387. Л. 8 об.

¹⁹⁵ Письмо 220. Вопрос о пенсии Паррота был окончательно решен уже Николаем I, который 26 января 1826 г. утвердил ее в размере 5000 руб. в год ассигнациями (РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 387. Л. 33).

¹⁹⁶ Бинеман. С. 322.

¹⁹⁷ Сапожникова Н. В. Эпистолярно-панорамная проекция «Русского XIX века» в письмах «человека второго плана». Академик-романтик Г. Ф. Паррот // Человек второго плана в истории: сборник научных статей. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2008.

Действительно, переписка вскрывает характерные черты царствования и личности Александра I, причем не только в идейном, но и в эмоциональном аспекте. Политическое содержание писем, конечно, значимо само по себе, но в контексте переживаний героев еще важнее то, что некоторые наиболее яркие проявления эмоций (в особенности у Паррота) возникали именно в силу успехов или неудач политических замыслов.

У российского императора на самом деле был верный друг, с которым он долго поддерживал близкие отношения. Александр I ценил эту дружбу, правда, скорее ради чувствительных излияний, нежели ради опоры в проведении в жизнь либеральных реформ, но особенно востребованной она была в кризисные моменты царствования (такие, как на рубеже 1805–1806 гг. или в 1812 г.). В этом смысле Александр I проявлял себя как герой эпохи сентиментализма, которому требуется спутник для совместных переживаний, но не для свершения конкретных дел.

Паррот же представлял собой другую, более энергичную натуру: он не только хотел постоянно общаться с императором, но и активно пытался участвовать в различных реформах, от народного образования до медных денег, от телеграфа до внешней политики. Благодаря своим ученым компетенциям он составил немало важных проектов, которые, однако, не были востребованы императором. Их личным отношениям мешала чрезмерная напористость Паррота относительно воплощения своих идей, из-за чего между профессором и императором возникали обиды и недопонимания. Анализ показал, что разрыв их отношений в 1816 г. стал следствием накапливавшегося раздражения Александра I в адрес своего друга по разным конкретным поводам. В то же время нельзя не признать, что в эпоху Священного союза и реакционных мер в области народного просвещения (против которых резко высказывался Паррот в своих письмах) профессор остался для российского императора лишь беспокойным свидетелем тех изначальных принципов и замыслов, к которым Александр I уже не мог вернуться.

Пережив друга, Паррот в новое царствование попробовал сохранить свою роль «советника российского монарха» и для императора Николая I, которому профессор также направлял личные письма более двадцати лет¹⁹⁸. Однако их отношения резко отличались от тех, что некогда установились между Парротом и Александром I: Паррот и Николай I никогда не виделись (несмотря на частые просьбы, профессору так и не удалось добиться ни одной аудиенции); переписка поддерживалась только одной стороной, т. е. Парротом, а в качестве ответной реакции он изредка получал письма от генерала А. Х. Бенкендорфа, который передавал ему мнение императора по тому или иному вопросу, затронутому профессором. В этой переписке, естественно, отсутствовали какие бы то ни было формы изъяснения личной дружбы, хотя Паррот, как человек, значительно превосходивший Николая I по возрасту, позволял в его отношении советы «от лица старика, умудренного жизненным опытом». Парадоксально, но, возможно, именно благодаря отсутствию личностного аспекта в их письменном общении связь между Парротом и Николаем I оказалась даже более плодотворной в практическом плане: самым известным ее результатом стало открытие в Дерпте по непосредственному предложению Паррота, поддержанному императором, так называемого Профессорского института, который был призван готовить молодые ученые кадры для всех университетов Российской империи¹⁹⁹.

Таким образом, переписка Г. Ф. Паррота с императором Александром I имеет ключевое значение как для понимания общих процессов политической истории Российской империи первой четверти XIX в., так и для выявления того влияния, которое личные отношения, характер и особенности мировоззрения российского императора и его собеседников имели на сам ход реформ. Личность Паррота важна здесь именно потому, что ему удалось длительное

С. 108–109.

¹⁹⁸ В противоположность оригиналам писем Паррота к Александру I, оригиналы его писем к Николаю I сохранились в значительном количестве (вместе с некоторыми копиями) и сейчас находятся в ГА РФ (ф. 109 и ф. 728).

¹⁹⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. С. 96.

время сохранять особую связь с Александром I – взаимное доверие при обсуждении политических вопросов и высокую степень эмоциональной близости, выраженную в письмах обоих корреспондентов. Как писал профессор своему царственному другу: «когда не будет на свете ни Вас, ни меня, человек, общественному благу страстно преданный, человек чувствительный, знающий цену нежной дружбе, моей участи позавидует»²⁰⁰.

---

²⁰⁰ Письмо **63** от 9 мая 1805 г.

Судьба переписки, история ее изучения, особенности публикации

Если содержание переписки императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота разворачивается перед читателем богатый сюжет, насыщенный неожиданными поворотами и драматическими событиями, то не менее интересной, причудливой и даже загадочной представляется последующая история писем. Ее изучение важно не только само по себе, в качестве исследования определенного архивного комплекса, но и для понимания того, как именно эти письма ранее использовались в историографии. В конечном счете это позволит ответить на вопрос, какие трудности привели к тому, что полноценное введение столь важного исторического источника в научный оборот происходит только сейчас, спустя почти двести лет после его возникновения.

Начнем с парадоксального для настоящего издания утверждения о том, что, строго говоря, данной переписки не существует. Ибо не сохранилось ни одного оригинального письма или записки Александра I к Парроту, а также почти ни одного из писем Г. Ф. Паррота к Александру I (об исключениях будет сказано ниже). Это обстоятельство представляет собой разительный контраст с состоянием переписки Александра I и Лагарпа – первого по объему архивного комплекса среди личной корреспонденции российского императора. В нем до нас дошли почти все оригиналы, причем с обеих сторон, и это свидетельствует о том, что Александр бережно хранил в своем кабинете абсолютно все письма (даже написанные ему, когда будущий император был еще ребенком!) от человека, которого он считал своим наставником и другом. После смерти Александра I Лагарп, переживший своего ученика, получил собственные письма назад, их перевезли из России в Швейцарию, где Лагарп продолжал их тщательно хранить, а затем, за несколько лет до кончины, послал обратно в руки императора Николая I²⁰¹.

Почему же к Парроту, в отличие от Лагарпа, не вернулись его собственноручные письма тогда, когда государственные сановники занимались разбором бумаг из кабинета покойного Александра I? Означает ли это, что в момент кончины императора писем Паррота в его кабинете не было? По-видимому, этот вопрос допускает только два возможных ответа. Первый вариант: Александр по какой-то личной причине не сохранил письма Паррота. Памятуя об особом эмоциональном накале их отношений и о том, как сам император однажды попросил профессора сжечь полученное от него письмо, можно представить, что и Александр I мог бы уничтожить письма своего друга. Возможно, он после прочтения сжигал каждое присланное Парротом письмо или бросал в огонь пачки его писем после тех разрывов, которые следовали в их отношениях. Конечно, такая картина плохо сочетается с известной методичностью и любовью Александра I к порядку в мелочах, поэтому возможен и второй вариант: письма Паррота лежали-таки в кабинете императора, но в специальном пакете с надписью, предписывавшей уничтожить их после его смерти, что и было сделано.

Поэтому все дошедшие до наших дней оригинальные письма Паррота к Александру I сохранились случайно. Во-первых, некоторые из них остались в личном архиве Паррота: это оригинал его речи, обращенной к Александру I при их знакомстве в Дерпте; письмо от 14 июля 1803 г., которое (как явствует из пометы Паррота) не было отослано императору; письмо и записка от 27 марта 1821 г., вернувшиеся к автору из-за того, что граф К. А. Ливен не смог передать их на высочайшее имя²⁰². Среди общей массы черновиков в архиве Паррота письма-оригиналы заметно отличаются своим внешним оформлением и четким почерком. Интересна также история письма, отправленного Александру I около 20 ноября 1802 г., где Паррот пред-

---

²⁰¹ Андреев А. Ю., Тозато-Пуго Д. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп... Т. 1. С. 6–15.

²⁰² Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). Ф. 7350 (Georgs Frīdrihs Parrots). Оп. 1. Д. 6. Л. 57, 71–72а; Д. 9. Л. 8–14а.

ставил очередные поправки к Акту постановления Дерптского университета: оно содержит широкие поля, на которых рукой Н. Н. Новосильцева были вписаны решения Александра I по каждому из пунктов. В таком виде оригинальное письмо было возвращено профессору, чтобы тот внес правку в итоговый текст Акта, и тем самым осталось в его коллекции²⁰³.

Во-вторых, после смерти Паррота некоторое количество его бумаг оказалось в рукописном отделении библиотеки Академии наук в Петербурге (откуда позже они были переданы в РГИА, ф. 1101). Речь идет о первоначальных редакциях Акта постановления Дерптского университета и связанных с ним документах²⁰⁴. Среди них находится и подлинное письмо Паррота к императору от 16 апреля 1803 г., посвященное нападкам лифляндского дворянства на права университета²⁰⁵, однако когда именно и почему оно вернулось к автору и как вообще эта отдельная коллекция попала в библиотеку Академии наук – не ясно.

Наконец, в-третьих, тщательные поиски в фондах Госархива (в составе РГАДА), а также в фондах различных ведомств (в составе РГИА) позволили выявить еще несколько оригиналов. Так, канцлер К. В. Нессельроде после отставки с должности министра иностранных дел в 1857 г. передал в Госархив два подлинных письма Паррота к Александру I от 10 августа 1824 г. и от 1 марта 1825 г., посвященных греческому вопросу, вместе с прилагавшейся к первому из них подробной запиской²⁰⁶ (возможно, что к Нессельроде для ознакомления их направил сам император). В фонде канцелярии Министерства народного просвещения обнаружилось письмо Паррота к императору от 14 декабря 1824 г. (первое из тех, что были посвящены проекту защиты Петербурга от наводнений), и связано это было с тем, что Александр I поручил тогда министру дать официальный ответ профессору²⁰⁷. И еще два подлинника поступили в правительственные органы после смерти Александра I из бумаг его кабинета – письмо и записка Паррота от 19 марта 1822 г. против проекта М. Л. Магницкого о преобразовании гимназий в пансионы²⁰⁸ и записка «Моральный взгляд на современные правила народного просвещения в России», приложенная к письму Паррота от 22 февраля 1825 г., которую Николай I в августе 1826 г. передал через министра народного просвещения в Комитет устройства учебных заведений²⁰⁹.

Итак, ввиду отсутствия оригиналов на первый план для исследования всего комплекса переписки выступают черновики писем Паррота к Александру I. Профессор старался оставлять у себя черновик каждого письма императору и тщательно хранил их дома, а впоследствии разложил по годам, желая восстановить полную хронологию переписки. Собственной рукой Паррот составил первую опись всех своих писем с краткой характеристикой их содержания²¹⁰. В соответствии с описью все черновики были им разложены по отдельным пронумерованным пакетам, каждый из которых соответствовал одному году (при этом если в течение года профессор навещал Петербург, то написанные там письма и записки выделялись им в отдельный пакет).

После смерти Паррота в 1852 г. разбор его личного архива занялась его приемная дочь от третьего брака, София Шторх (с 1836 г. она была замужем за петербургским литератором и чиновником Платоном Андреевичем Шторхом). Ею была составлена новая опись писем, куда она внесла некоторые незначительные уточнения и коррективы (в частности, изменила нуме-

²⁰³ LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 6. Л. 43–47.

²⁰⁴ Об этом см.: Петухов. С. 48, 120.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–4 об.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1163. Л. 3–11 об.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2 об.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3891. Л. 2–10 об.

²⁰⁹ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 17. Л. 71–85.

²¹⁰ LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 6. Л. 59–61 об.

рацию пакетов: так, письма, написанные в Петербурге в декабре 1806 г., были отделены от последующих в январе – марте 1807 г. и собраны в отдельный пакет)²¹¹.

София Шторх также ознакомилась с хранившимися у ее отца автографами писем Александра I. Паррот первоначально поместил их в конверт с надписью по-немецки «44 Briefe und Billete des Aller-Edelsten» («44 письма и записки Вседражайшего»), но София пересчитала их, составила опись, а также полностью скопировала 38 писем и коротких записок Александра I к Парроту, объяснив недостачу тем, что «некоторые сожжены, или отец сосчитал неправильно»²¹².

Эта подготовительная работа с архивом отца нужна была Софии Шторх, чтобы осуществить главный замысел, несомненно восходящий к посмертной воле Паррота, – представить всю его переписку с Александром I на суд публики. Одновременно ее муж П. А. Шторх начал с 1853 г. работать над биографией Паррота, которая должна была в качестве предисловия открывать издание этих писем²¹³. В 1855 г. София Шторх обратилась к Александру II (через посредничество министра двора, графа В. Ф. Адлерберга) за разрешением на публикацию. Новому императору была представлена вся переписка – т. е. как черновики писем Паррота, так и ответы Александра I. Александр II поручил изучить эти документы директору Императорской Публичной библиотеки барону М. А. Корфу, чтобы тот вынес подробное заключение о целесообразности и допустимости их обнародования.

Прекрасный знаток эпохи, уже много лет работавший над собранием материалов к биографии Николая I, Корф был в восторге от полученных писем: «Если уже и для нас, современников, более или менее знакомых с происшествиями и деятелями сей эпохи, бумаги эти открывают много доселе неизвестного, или по крайней мере весьма замечательного, то для потомства и для будущего историка славного полустолетия нашего отечества они составят драгоценный клад материалов совершенно новых и часто поражающих своею неожиданностью». По мнению придворного историографа, вся переписка Паррота с императором проливает для людей, знавших Александра, «еще более яркий свет на возвышенные Его качества и прекрасную душу». Корф особенно отмечает душевный, искренний тон переписки – все то, что представляет читателю высшую государственную власть в России и ее носителей более человечными, сердечными, чувствительными. Однако именно по этой причине барон решительно отрицает возможность публикации писем: «Истекавшая именно от сей душевности искренность и полная свобода таких сообщений, которые предназначались *исключительно* для Монархов, позволявших Парроту изъяснять перед ними без всякого стеснения все, что он считал правдою; дух и тон писем, писанных не как к Русским Самодержцам, но как к равным или даже как к лицам, поставленным под начало к их автору, можно сказать почти как к духовным его детям; наконец, самое содержание этих писем и близость обнимаемой ими эпохи не позволяют, кажется, помышлять об обнародовании их в настоящее время. Если многие из них безусловно должно признать недоступными *никакой* гласности, то и в остальных, почти в каждом, встречаются выражения, часто целые места, которые едва ли можно было бы допустить в печать без явного предосуждения или для частных лиц, или для существующего государственного порядка»²¹⁴.

В итоге Корф посоветовал дать разрешение лишь на публикацию биографии Паррота, в текст которой можно было бы включить отдельные отрывки из его писем к Александру I, под контролем общей цензуры. Это решение и было доведено в октябре 1855 г. как до петербургского цензурного комитета, так и лично до Софии Шторх²¹⁵, которая, очевидно, была весьма

²¹¹ LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 5. Л. 171–174.

²¹² LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.

²¹³ Сохранился черновой текст, написанный Шторхом, который относится к биографии Паррота до поступления в Дерптский университет, – LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 15.

²¹⁴ Записка барона М. А. Корфа графу В. Ф. Адлербергу от 22 июня 1855 г.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2480. Л. 1–50.

²¹⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3715. Л. 1–4.

огорчена таким исходом, поскольку вся дальнейшая работа по подготовке к изданию биографии ее отца и его переписки прекратилась.

Собственно, эта неудача обусловила последующий длительный провал в наших знаниях о судьбе всего собрания документов. Очень мало известно о последних годах жизни приемной дочери Паррота. Внутри архивного комплекса находится еще одна копия писем Александра I, снятая, как явствует из записи, 22 ноября 1876 г. в Либаве (город-порт на западе Курляндской губернии). Означает ли это, что в тот момент вся коллекция еще была в руках Софии Шторх или, может быть, ее родственников? Можно, однако, с большой долей уверенности заключить, что эта повторная копия была снята с автографов императора, а не с предшествующей копии (на это указывают незначительные расхождения между копиями, возникновение которых возможно, только если в обоих случаях переписывали с оригиналов)²¹⁶. Таким образом, это последнее зафиксированное в документах указание на местонахождение автографов Александра I. В настоящее время в коллекции Паррота они отсутствуют. Когда именно после 1876 г., т. е. в какой момент долгого бытования этого архивного комплекса вплоть до наших дней (см. ниже), и почему оригиналы писем Александра I были оттуда изъяты – об этом можно только строить гипотезы, и это – одна из самых волнующих загадок, которую несет в себе исследование переписки.

О пребывании документов в последующие двадцать лет также не удалось найти никаких сведений. Самое простое предположение по этому поводу состоит в следующем. В конце XIX – начале XX в. прямые наследники семьи, последним из которых был правнук профессора, Мориц фон Паррот, жили в имении Кусна (Куусна) волости Ярва в Эстляндии, примерно в 90 км на северо-запад от Дерпта (по некоторым данным, это имение приобрел и выстроил там в 1840–1850-х гг. для себя усадебный дом еще Г. Ф. Паррот). Точно известно, что именно там хранился портрет Паррота, написанный придворным живописцем Кюгельгеном²¹⁷. Поэтому естественно думать, что и архив Паррота находился в этом имении.

Новая веха в судьбе переписки падает на середину 1890-х гг., когда к архиву Паррота получил доступ историк и публицист Фридрих Бинеман. Он родился в Риге, прожил значительную часть жизни в Российской империи и хотя на протяжении ряда лет преподавал в университете Фрайбурга-в-Брайсгау (Германская империя), но постоянно питал интерес к истории остзейских провинций, собирал и публиковал на эту тему различные материалы. Навещал Бинеман и имение Кусна (на это есть прямое указание в его книге²¹⁸), где, как предполагается, ему и вручили переписку Паррота. О том, что с определенного момента этот архивный комплекс находился у него на руках (т. е. фактически в полном его распоряжении), мимоходом свидетельствует сам Бинеман²¹⁹, об этом же говорит и тот необычный факт, что в течение всей последующей публикаторской деятельности он ни разу не сослался на владельцев архива.

Эти публикации начались с того, что в 1894 г. в немецком литературном журнале «Deutsche Revue» Бинеман напечатал избранные письма Паррота к Александру I вместе с некоторыми из ответов императора²²⁰. В 1895 г. он частично напечатал мемуары Паррота в старейшей немецкой газете Петербурга «Sankt-Petersburger Zeitung» (№ 249–251). Представленные новые источники вызвали живой интерес у историков России: уже в 1895 г. опубликованные Бинеманом письма Паррота к Александру I за 1805, 1807, 1810 и 1812 гг. появились в журнале

²¹⁶ LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–35.

²¹⁷ *Sahk I. The portrait of Georg Friedrich Parrot: Lost, Found, Reinterpreted // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. Vol. 6. No. 2 (Autumn 2018). P. 51–52.*

²¹⁸ Бинеман. С. 221.

²¹⁹ *Baltische Monatsschrift. Bd. 48. Riga, 1899. S. 224.*

²²⁰ *Bienemann F. Aus dem Briefwechsel Georg Friedrich Parrots mit Kaiser Alexander I // Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart. 1894. Bd. 4. S. 161–175, 318–336.*

«Русская старина» на русском языке, в переводе или выборочном пересказе²²¹. Именно на данную публикацию, за неимением другой по-русски, ссылались потом на протяжении многих лет отечественные историки. Между тем в ней было допущено несколько грубых ошибок (например, перепутан день рождения Паррота – 15 июля вместо правильного 5 июля, а также письмо Паррота по случаю отставки Сперанского датировано почему-то 16 декабря 1811 г., а не 17 марта 1812 г.); но самое главное, что ставит под сомнение ценность ее цитирования, – перевод на русский язык здесь выполнен с немецкой публикации Бинемана, который в свою очередь переводил на немецкий с французского оригинала, а такой «двойной перевод» значительно ухудшал и искажал качество исходного текста.

Гораздо более профессиональным оказался подход Н. К. Шильдера. Он получил доступ, благодаря Бинеману, к некоторому количеству подлинных черновиков Паррота и опубликовал их в оригинале, т. е. на французском языке, в приложениях к третьему и четвертому тому своей биографии Александра I²²². Речь шла о письмах Паррота на заключительном этапе его отношений с императором, начиная со все того же письма в день отставки Сперанского, 17 марта 1812 г., и продолжая письмами за 1814, 1816 (включая все детали драматического разрыва) и 1825 гг. Надо думать, что Шильдер мог бы обратиться и к публикации писем Паррота за более ранний период, но не успел – вероятно, когда он в полной мере познакомился с перепиской (очевидно, после 1895 г.), работа над предыдущими томами биографии Александра I уже была завершена, и историк лишь вставил туда оригинальный текст речи Паррота перед императором в 1802 г.²²³

Тем временем Бинеман несколько лет подряд работал над своим главным трудом, который вышел в свет в 1902 г. на немецком языке под заглавием «Дерптский профессор Г. Ф. Паррот и император Александр I». Книга представляет собой детальную реконструкцию биографии Паррота до того, как он стал университетским профессором, рассмотрение его университетской деятельности и личных отношений с Александром I. Однако многие страницы книги содержат просто цитирование, целиком или частично, отдельных писем и записок Паррота или их пересказ близко к тексту, что значительно снижает уровень научного анализа. И при этом все цитаты приводятся Бинеманом по-немецки, не давая читателю доступа к оригиналу²²⁴. Стоит отметить, что историк скончался спустя год после выхода книги, и вполне вероятно, что ухудшение состояния его здоровья оказало влияние на ход и качество его последней работы – даже по словам автора некролога Бинемана, она не смогла стать надлежащим представлением того первоклассного источника, на который целиком опиралась²²⁵.

Вскоре после смерти Бинемана, а именно в 1907 г. архивное собрание Паррота перешло в ведение Общества истории и древностей остзейских провинций России в Риге (*Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands zu Riga*). Его фонды размещались в Рижском Домском музее (главном историческом музее города, основанном по инициативе этого общества), а когда в 1936 г. он был преобразован в иное учреждение, то его документальные собрания были переданы Латвийскому государственному историческому архиву (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs*), где и находится сейчас личный фонд Г. Ф. Паррота (ф. 7350).

²²¹ Мардарьев М. Письма и записки Георга Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I // Русская старина. 1895. Т. 83. № 4. С. 191–219.

²²² Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 487–490, 495–496; Т. 4. СПб., 1898. С. 552–560.

²²³ Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование. Т. 2. С. 348–349.

²²⁴ Добавим, что все переводы с французского на немецкий язык, выполненные рукой Бинемана, были потом присоединены им к архивному собранию Паррота – LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 2 и Д. 5. Это дополнительно доказывает, что на рубеже XIX–XX вв. Бинеман являлся фактическим хранителем коллекции.

²²⁵ Diederichs H. Friedrich Bienemann // Aus baltischer Geistesarbeit. 1909. Bd. 2. S. 99–105.

Правда, судьба этого архивного фонда также содержит несколько загадок. Дело фонда показывает, что сформирован он был в 1958 г., но к этому времени некоторые документы, принадлежавшие оригинальному собранию Паррота, по какой-то причине оттуда пропали. Имеющиеся в ф. 7350 лакуны легко устанавливаются при сличении его нынешнего состава с описью 1850-х гг., сделанной рукой Софии Шторх. К счастью, все без исключения пропуски заполняются с помощью находки, сделанной в том же архиве в ф. 4060 (Институт истории Латвийской академии наук): там обнаружены четыре дела – всего около 70 архивных листов – с черновыми письмами и мемориями Паррота за 1802–1806 гг.²²⁶ Данный фонд поступил в Латвийский государственный исторический архив в 1979 г., но каким образом в нем оказались документы из фонда Паррота, а главное, когда именно, кем и с какой целью они были из этого собрания изъяты – все это остается пока не выясненным. Самое интересное, что между черновиками писем, которые утрачены из ф. 7350 и найдены в ф. 4060, нет никакой внутренней связи, при том что основная часть писем за 1802–1806 гг. сохранилась в ф. 7350. Создается удивительное впечатление, что этот фонд когда-то был «рассыпан», а когда его собирали заново, то кое-что потеряли, обнаружили лишь спустя несколько лет и уже не смогли вернуть обратно в исходный фонд! Как бы то ни было, но теперь все письма и записки, пронумерованные в описи Софии Шторх, удалось идентифицировать в составе двух названных фондов, а это значит, что черновики Паррота дошли до нас по крайней мере в той же степени сохранности, в какой они были в середине XIX в.

В XX в., несмотря на то что монография Бинемана создавала неплохую базу и открывала широкие возможности для продолжения исследований, интерес историков России к фигуре Паррота угасает. Это хорошо видно уже на примере трудов великого князя Николая Михайловича, выполненных на излете дореволюционной историографии, в которых он не дал себе труда заглянуть в первоисточник и разобраться в сложных перипетиях дружбы профессора с императором. Отсюда – крайне поверхностные отзывы о Парроте в его книгах (которые тем более странно читать, что уже были написаны интересные и содержательные характеристики, данные Корфом и Шильдером): «Этот скучнейший балтийский немец имел страсть давать советы государю по различным вопросам в бесконечных посланиях», он «легко поддавался настроениям минуты и часто преувеличивал события»²²⁷ (небрежность историка выдает здесь хотя бы та очевидная ошибка, что Паррот не был балтийским немцем). В своей биографии Елизаветы Алексеевны великий князь опубликовал на французском языке ту часть «секретной записки» Паррота 1810 г., которая касается императрицы, но никаких других писем не привлек, ограничившись и здесь предвзятыми суждениями²²⁸.

Внимание Парроту уделяла лишь историография, связанная с историей науки и высшего образования. Его личный вклад и особую роль в организации Дерптского университета подчеркнул в своем фундаментальном труде по истории этого университета Е. В. Петухов²²⁹, затем в середине XX в. этот тезис развил Э. Мартинсон²³⁰, а в 1990-х гг. – В. Тамул, по мысли которого благодаря активной позиции Паррота в отношениях с Александром I основанный остзейским дворянством «местный университет» был интегрирован в систему народного просвещения Российской империи²³¹. В 1990-х эстонскими учеными в качестве важного источника по

²²⁶ LVVA. Ф. 4060. Оп. 1. Д. 1081–1084.

²²⁷ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 103.

²²⁸ Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909. С. 231–237.

²²⁹ Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902.

²³⁰ Мартинсон Э. Э. История основания Тартуского (бывшего Дерптского-Юрьевского) университета. Л., 1954.

²³¹ Tamul V. Die Dörptsche Universität – Landes- oder Reichsuniversität? Zum Verhältnis von Deutschbalten, Stadt und Universität

истории Дерптского университета была опубликована переписка Паррота с его другом и коллегой, профессором К. Моргенштерном²³². Тогда же краткий анализ биографии и трудов Паррота в области физики представил немецкий историк науки П. Хемпель²³³.

XXI век принес с собой более разнообразные научные подходы и постановку новых проблем, для решения которых требовалось обратиться к фигуре Паррота. Расширяя прежний контекст исследований по истории науки и высшего образования, автор данного очерка впервые показал, что именно дерптский профессор стоял у истоков утверждения такого важнейшего для российских университетов принципа, как «университетская автономия»²³⁴. Н. В. Сапожникова предложила совершенно по-новому взглянуть на переписку Паррота с Александром I, представив профессора «человеком второго плана» в истории, который неожиданно для власти смог «выйти из-под придворного этикета», резко изменить «ролевую ситуацию» и придать «процедуре написания текстов писем эпистолярно-смысловую интригу»²³⁵. К классическим исследованиям переписки Паррота с российскими императорами обратилась в своих статьях Е. Ю. Жарова, подчеркнув их значение как исторического источника²³⁶. На основании сравнения этой переписки и архивных документов из фондов Министерства народного просвещения новые данные о ходе образовательных реформ в начале XIX в. получены Ю. Е. Грачевой²³⁷.

К 250-летию юбилею Г. Ф. Паррота в 2017 г. в Тартуском университете прошла международная конференция, по итогам которой издан специальный номер журнала «Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum» (2018. Vol. 6. No. 2, на англ. яз.) со статьями, посвященными жизни и деятельности Паррота, которые затрагивали преимущественно его служение как ученого и университетского профессора. Наконец, совсем недавно эстонской исследовательницей Э. Тохври была выпущена в свет биография под заголовком «Жорж Фредерик Парро – первый ректор Императорского университета в Тарту»²³⁸ (с этой книгой, к большому сожалению, автору данного очерка не удалось познакомиться по независящим от него причинам).

Таким образом, современная историческая наука вновь обрела интерес к изучению жизни профессора Г. Ф. Паррота и его разнообразного вклада в историю Российской империи как «собеседника императоров», что делает выход настоящего издания в полной мере актуальным.

im 19. Jahrhundert // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat (hg. von H. Piirimäe und C. Sommerhage). Tartu, 1998. S. 94.

²³² Georg Friedrich Parroti ja Karl Morgensterni kirjavahetus: 1802–1803 (koostanud Ingrid Loosme ja Mare Rand). Tartu, 1992.

²³³ Hempel P. Deutschsprachige Physiker im alten Sankt-Petersburg: Georg Parrot, Emil Lenz und Moritz Jacobi im Kontext von Wissenschaft und Politik. München, 1999.

²³⁴ Андреев А. Ю. Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Российская история. 2006. № 6. С. 19–30; Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 382–407.

²³⁵ Сапожникова Н. В. Эпистолярно-панорамная проекция «Русского XIX века» в письмах «человека второго плана». Академик-романтик Г. Ф. Паррот // Человек второго плана в истории: сборник научных статей. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2008. С. 186–205.

²³⁶ Жарова Е. Ю. Г. Ф. Паррот и два императора // История в подробностях. № 9. 2012. С. 32–35; Жарова Е. Ю. Император Александр I по воспоминаниям профессора Дерптского университета Г. Ф. Паррота // Вестник архивиста. № 4. 2013. С. 267–279.

²³⁷ Грачева Ю. Е. К вопросу об устройстве приходских училищ в Дерптском округе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 85–92; Грачева Ю. Е. Профессор Г. Ф. Паррот в борьбе за развитие начального образования в остзейских губерниях // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 64–78; Грачева Ю. Е. Дерптский учебный округ в переписке императора Александра I и Г. Ф. Паррота // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 33–47.

²³⁸ Tohvri E. Georges Frédéric Parrot: Tartu Keiserliku Ülikooli esimene rektor. Tartu, 2019.

* * *

Издание переписки профессора Г. Ф. Паррота и императора Александра I призвано решить несколько задач. Во-первых, реконструировать полный корпус данной переписки в той степени, в какой это возможно, проверив ее целостность, взаимную связь писем друг с другом и их логический порядок, наличие или отсутствие лакун и т. д. Во-вторых, опубликовать всю переписку целиком – как о том, по-видимому, некогда мечтал сам Паррот, причем сделать это необходимо на языке оригинала, поскольку только так тексты писем (за исключением нескольких уже напечатанных Шильдером) будут наконец введены в научный оборот. В-третьих, для отечественного читателя перевести тексты писем на русский язык, сохранив при этом ту историческую атмосферу, которую создает уникальный стиль корреспондентов, погруженных в лексику и образы эпохи романтизма. И, в-четвертых, снабдить публикацию должным научно-справочным аппаратом, облегчающим понимание текста. Для решения этой задачи служат комментарии, в которых проясняются отдельные не вполне очевидные смыслы, заложенные корреспондентами (касательно текущих политических событий, обстоятельств, связанных со службой в университете, и т. д.). Все упоминаемые имена собственные – т. е. фамилии людей или географические названия – вынесены в отдельные указатели, призванные дать о них необходимую справочную информацию.

Как уже говорилось выше, отсутствие подавляющего большинства подлинных писем неизбежностью приводит к решению основываться в данном издании на черновиках из личного архива Паррота, хранящихся сейчас в Латвийском государственном историческом архиве (все прочие находки, обнаруженные в российских архивах, носят вспомогательный характер по отношению к обработке этого основного корпуса источников). Черновики писем составляют 720 архивных страниц на бумаге ин-кварто, заполненных по-французски довольно мелким и трудночитаемым почерком Паррота, с исправлениями, свойственными любому черновому документу. К счастью, вносимая рукой Паррота правка достаточно ясна для того, чтобы в каждом случае позволить в полной мере восстановить итоговый текст письма. Но по сравнению с беловым оригиналом у черновиков есть то преимущество, что они содержат выражения, доводы, метафоры и проч., которые автор затем решил отвергнуть. В данном издании было решено использовать это преимущество и опубликовать наряду с окончательным текстом некоторую часть черновой правки – в тексте она стоит в угловых скобках.

Подчеркнем, что в большинстве случаев, когда черновая правка носит чисто редакторский характер, она опускается, но воспроизводится именно тогда, когда добавляет к тексту письма дополнительный смысл или выразительность. Поясним это на примере, который показывает такую значимую смену интонации в ходе правки. Письмо от 25 февраля 1807 г. в очередной раз обращается к критике внутренней политики – на этот раз в области цензуры. Желая подчеркнуть свою постоянную приверженность либеральным принципам начала царствования Александра I, Паррот написал: «Я правил не менял» (*Je n'ai pas changé de principes*). Но потом он спохватился, поскольку увидел, что это может прозвучать как упрек в адрес самого Александра I, который за пять прошедших лет как раз изменил своим принципам – но именно эту мысль профессор и пытался опровергнуть, внушая здесь же царю: «Благородство сердца Вашего, либеральность идей Ваших прежними остались». Поэтому Паррот зачеркивает слово «правила», оставляя нейтральное «Я не изменился».

Описи, составленные в середине XIX в., указывают на то, что черновики писем ранее были распределены по 24 пакетам в хронологической последовательности (номер каждого письма в пакете, проставленный еще Парротом, приводится в комментариях к соответствующему письму). Это послужило основой их хронологической атрибуции, поскольку далеко не все черновики имеют дату написания. В то же время более тщательный анализ показывает,

что в ряде случаев Паррот ошибался, когда в конце жизни по памяти воспроизводил порядок писем (на это указал еще первый читатель всей переписки М. А. Корф).

К сожалению, некоторые ошибки датировки, допущенные Парротом, были затем некритически воспроизведены в публикациях Бинемана, а отсюда разошлись по историографии. Например, часто цитируемое письмо Паррота, в котором он отрицательно отзывался о замысле Александра I как можно скорее дать России конституцию и призывает царя править твердой рукой ради воспитания и просвещения народа, Бинеман вслед за описью середины XIX в. датировал 28 марта 1805 г., и эта ошибочная дата совершенно вырывала письмо из истинного контекста его написания, который легко реконструировать, если прочесть дату правильно (28 мая). Другой пример показывает, что Паррот мог ошибиться даже на несколько лет: письмо от 6 июля (без указания года), в котором профессор впервые упоминает об одобрении императором его проекта основания приходских училищ, было помещено им в пакет VI за 1805 г., когда собственно и происходило активное обсуждение этого вопроса. Но в таком случае дата на черновике не имела смысла, поскольку, как подтверждали другие источники, к началу июля 1805 г. Паррот уже уехал из Петербурга, и это заставило Бинемана даже насмешливо заметить, что профессор, вероятно, не обращал внимания, какой месяц стоял на дворе. Но вопрос можно разрешить, не прибегая к таким абсурдным допущениям: на самом деле (как окончательно доказывает сличение бумаги и чернил) дата черновика – точная, вот только год его написания – 1803-й, когда Паррот действительно в этот день был в Петербурге. Наконец, нумерация писем в пакетах могла обладать и другим недостатком – иногда она разбивала взаимосвязь документов между собой. Так произошло с девятью указами по финансовым вопросам из пакета XV (здесь «виновна», по-видимому, София Шторх, поскольку именно она внесла дополнения в опись данного пакета по сравнению с описью рукой Паррота): первые шесть из них оказались присоединены к № 3 от 10 августа 1810 г., седьмой указ был сочтен за № 7 в том же пакете, а остальные два добавлены к уже имеющимся № 8 и 9, причем каждый под своей датой (28 сентября и 10 октября 1810 г.). В действительности же весь набор из расположенных один за другим указов, с номерами от одного до девяти, Паррот послал Александру I вместе с письмом от 1 ноября 1810 г.

Приведенные примеры объясняют, какого рода работа по датировке писем и восстановлению их связей друг с другом была проведена и почему в итоге в данном издании письма расположены далеко не всегда в том же порядке, в каком они были пронумерованы в пакетах. Подробное обоснование для датировки конкретного письма (в случае, если оно необходимо) указывается в комментарии.

Хотя Паррот предпринимал все возможные усилия, чтобы текст его переписки с Александром I сохранился в полном объеме, в ней все равно можно выявить некоторые лакуны. Пусть они и представляют собой единичные исключения, но их надо учитывать для полноты общей картины. Как правило, лакуны возникали в том случае, когда Паррот не успевал оставить черновик, а второпях писал письмо сразу набело. Например, непосредственно в момент отъезда из Петербурга в конце мая 1805 г. он отправил Александру I какую-то спешную финансовую просьбу, о которой потом упомянет в следующем письме от 11 июня, меж тем черновика с этой просьбой нет. В начале января 1806 г., когда Паррот опоздал (вероятно, единственный раз в жизни!) на аудиенцию к Александру I, он прямо во дворце написал ему пылкие извинения, черновик которых также не сохранился, но вновь о них становится известно из следующего письма. На еще одну возможную лакуну в переписке указывает записка министра А. Н. Голицына в феврале 1824 г., вызванная задержкой с выплатой профессору 15 тысяч рублей за экземпляры его книги: «Паррот опять писал Государю, что он денег не получал – возьмите справку, уведомлен ли Паррот, что Государь ему пожаловал»²³⁹. Черновик подобного

²³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 224. Л. 7.

письма также отсутствует (хотя возможно, что обращение Паррота было тогда получено Александром I не напрямую, а через попечителя К. А. Ливена).

Наиболее значительной из лакун является утрата писем Паррота к императору за 1815 г. О них можно узнать из письма от 5 февраля 1816 г., где Паррот упоминает, что написал императору вскоре после его возвращения из-за границы, т. е. в начале декабря 1815 г., а затем еще шесть раз во время пребывания в Петербурге во второй половине декабря и январе. Сохранились же лишь черновики четырех писем за январь 1816 г., что указывает на отсутствие трех черновиков подряд за декабрь 1815 г. Существование этих писем подтверждается описью, составленной рукой Паррота, где он привел и краткое содержание каждого из них: 1) «Записка и проект указа о средствах к тому, чтобы узнать, как можно восстановить ущерб, нанесенный в Империи последней войной» (место написания – Дерпт); 2) «О предшествующей записке. Огорчение от молчания императора» (Петербург); 3) «Упрек императору по поводу его охлаждения и категорический вопрос о продлении или прекращении наших отношений» (Петербург)²⁴⁰. Против данного места в описи Паррота на полях карандашом, видимо рукой Софии Шторх, оставлена пометка – «пропало полностью» (и в ее описи эти письма уже не упоминаются). Получается, что пакет за 1815 г. с черновиками этих трех писем хранился у Паррота, но каким-то образом был потерян при передаче архива его наследникам в середине XIX в.

Обратимся теперь к проблемам публикации ответных писем Александра I. Из всех этих 38 писем только первое, еще носившее официальный характер, было точно датировано самим императором, а также на нескольких остались пометки профессора с датой их получения (отраженные в сохранившихся копиях). Большинство же из писем Александра I датируются в данном издании впервые. Для этого их необходимо было расположить по порядку и по смыслу тех вопросов, которые в них упоминались, – иначе говоря, «привязать» их к письмам Паррота исходя из того, какое письмо Александра являлось ответом на конкретное письмо Паррота с известной датой, или наоборот, в каком письме Паррота содержался ответ на письмо Александра. Такая привязка получается довольно хорошо, что позволяет более-менее точно датировать записки царя. Большим подспорьем в этой работе оказалась опись середины XIX в., в которой все эти записки были расположены по группам, примерно в соответствии с годами написания. Возможно, этой систематизации тогда помогали какие-то видимые признаки, показывавшие сходство подлинников (увы, потом утраченных), поскольку хотя в ней и допущено несколько ошибок – в частности, три записки 1805 г. и шесть записок 1807 г. были отнесены к 1802–1803 гг., – но в целом группы были выделены верно. Также помощь в датировке оказывали упоминаемые в записках Александра I дни недели: вместе с другими смысловыми указаниями, привязывающими текст к определенному моменту переписки, зачастую именно они позволяли установить точную дату написания. Все подробные обоснования приводятся в комментариях.

В заключение остановимся еще на одной трудности, которую необходимо было преодолевать при подготовке публикации писем, – орфографии Паррота во французском языке. Эта орфография имеет несколько характерных черт: во-первых, она вобрала в себя устаревшее французское правописание конца XVIII – начала XIX в. (когда орфографические нормы языка еще не были до конца выработаны); во-вторых, содержит некоторое количество постоянных личных особенностей того, как Паррот пишет некоторые слова; и, в-третьих, отражает неустойчивость многих особенностей его правописания, когда Паррот варьирует вид одного и того же слова от письма к письму. В силу этих соображений – отсутствия в рассматриваемый период строгих орфографических норм и неустойчивости личного правописания Паррота – было принято решение публиковать текст писем в соответствии с современной орфографией французского языка. Да, к сожалению, при этом теряется некоторый старинный колорит, известный

²⁴⁰ LVVA. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 6. Л. 61.

историкам, но зато текст не выглядит неряшливым или даже грязным для современного читателя, владеющего нормами правописания.

Чтобы пояснить этот тезис, перечислим некоторые из особенностей правописания Паррота. К общим, присущим концу XVIII – началу XIX в., можно отнести использование старых окончаний во времена *Imparfait* (*-ois*, *-oit* вместо современных *-ais*, *-ait*), написание слова *tems* вместо *temps*, отсутствие *t* в суффиксе перед окончанием существительных множественного числа, например *arrangemens* вместо *arrangements*, употребление *x* в окончании множественного числа: *loix* вместо *lois*. Часто используется Парротом устаревшее употребление буквы *y* в начале и середине слов, где в современном языке ее заменили на *i* или *ï*: *yvre*, *hyver*, *ayeuls*, *haye*, *bayonette*. И, напротив, он ставит *ï* в глаголах там, где сейчас полагается писать *y*: *appriïer* и др. Совершенно архаичным представляется написание им слов *quarré* вместо *carré*, *solemnel* вместо *solennel* или выражения *à mon insçu* вместо *à mon insu*. Также странным, даже для правописания XVIII в., кажется употребление им слова *imposé* вместо *imposé* («обложенный налогом») и *apprentif* вместо *apprenti*.

К личным особенностям орфографии Паррота относится то, что он может опускать в слове вторую букву *i* там, где она нужна, т. е. писать *vielle* вместо *vieille*, и, напротив, вставляет эту букву там, где ее нет: *arriérages* вместо *arrérages*. Почему-то регулярно в словах *vide*, *vider* он добавляет к первой согласной немую гласную *u*, т. е. пишет *vuide*, *vuider*. Часто также Паррот пишет в словах букву *z* там, где нужна *s*: *azile*, *magazin* и т. д. А в употребленных им несколько раз *au paire* и *de paire* буква «е» на конце – лишняя.

К специальному виду особенностей, притом неустойчивых, относится написание Парротом слов слитно или раздельно (а также через дефис): здесь он в большинстве случаев расходуется с современными нормами, поскольку раздельно пишет *par ce que* (впрочем, иногда и вместе); в два слова, а не в одно он пишет *quelques fois*, *autres fois* и т. д. И наоборот, *nullepart* написано им слитно. В огромном количестве слов он опускает дефис, из-за чего составные слова типа *audessous* получаются слитно, а *quelques uns*, *quelques unes* – через пробел, но без дефиса. Слитно пишет Паррот составные стороны света, в которых полагается дефис: *Nordest* и т. д., и еще некоторые особые слова, среди которых одно из самых распространенных в переписке, служащее постоянным эпитетом Александра I, – *Bienaimé* (правильно *Bien-Aimé*).

К неустойчивым особенностям его правописания следует еще отнести выбор удвоенной или простой согласной – как в существительных, так и при склонении глаголов. Например, в 3-м лице будущего времени он может написать *serra* вместо *sera*, но может и не удваивать *r*. Вне нормы употребляет он и глагол *courrir* вместо *courir*, удваивая *r* во всех формах и к тому же придавая им окончания первой, а не третьей группы.

Но самой главной неустойчивой особенностью правописания Паррота, которая делает текст в его собственной орфографии «грязным» по внешнему виду, является употребление аксанов. В сотнях случаев он просто опускает аксан эгю там, где это требуется, хотя в некоторых словах, напротив, употребляет его без необходимости, например когда пишет слово *relation*. Довольно часто он также путает употребление аксанов эгю и грав. Что же касается аксана сирконфлекс, то, видимо, из соображений беглости почерка он в большом количестве слов вместо него ставит аксан грав (т. е. вместо «крышки», состоящей из двух штрихов, ограничивается одним штрихом) – но это опять-таки не означает, что, если Паррот решит написать над гласной аксан сирконфлекс, это всегда будет уместно: например, своеобразно у него выглядит написание в *Subjonctif* выражения *que je sâche*, в последнем слове которого на самом деле аксан сирконфлекс не нужен.

Добавим в конце, что некоторые из особенностей правописания Паррота при публикации писем все же были сохранены. Речь идет о написании имен собственных, а также об употреблении заглавных букв для существительных: последнее унифицировано по всему тексту в соответствии с тем, как его использовал Паррот (например, слово Университет он всегда

начинает с большой буквы, когда имеет в виду свой Дерптский университет или еще какой-то конкретный, и лишь в редких случаях он пишет «университет» строчными буквами, как некоторое обобщенное понятие). В связи с этим следует оговорить и одну интересную лексическую особенность языка Паррота: в очень многих случаях применительно к своему роду занятий он употребляет выражение *homme de lettres*, а определяя вид своей деятельности – прилагательное *littéraire*. Это в буквальном смысле означает, что Паррот считал себя «сочинителем» и занимался «словесностью». Однако в действительности такие слова у него означают «ученый» и «научная деятельность» соответственно. Необходимо пояснить, что Паррот как типичный университетский профессор привык обращаться непосредственно к первоисточнику термина «университет», который по-латыни звучит как *Universitas litterarum* («совокупность наук»), т. е. понимает французское *lettres* как латинское *littera*, а именно как общее обозначение для всех наук.

Публикация оригинальных текстов на французском языке

Данное электронное издание служит дополнением к основному тому книги «Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота» (М: Новое Литературное Обозрение, 2023), вышедшему на русском языке. Там опубликованы обширные исследовательские очерки об издаваемой переписке, ее перевод на русский язык, комментарии, аннотированные указатели имен и географических названий. Сноски в данном издании, отмеченные цифрами, отсылают к комментариям в основном томе.

La présente édition électronique constitue un complément au volume principal de l'ouvrage *La chaire et le trône: correspondance entre l'empereur Alexandre Ier et le professeur George-Frédéric Parrot* (Novoïé litératournoïé obozrénié, Moscou, 2023) paru en russe, et qui présente une étude de cette correspondance, sa traduction en russe, des commentaires et des index annotés des noms de personnes et de lieux. Les notes de la présente édition signalées par des nombres renvoient aux commentaires du volume principal.

Andreï ANDREÏEV

La chaire et le trône: correspondance entre l'empereur Alexandre Ier et le professeur George-Frédéric Parrot / lettres traduites du français par Vera Miltchina. – Moscou: Novoïé litératournoïé obozrénié, 2023. (Archivalia Rossica)

George-Frédéric PARROT (1767–1852), professeur de physique à l'université de Dorpat, est entré dans l'histoire non seulement comme scientifique, mais aussi comme interlocuteur et ami de l'empereur Alexandre Ier. Leur correspondance est un exemple rare d'amitié et de confiance entre un souverain autocratique et un de ses sujets qui s'intéresse sincèrement aux améliorations dans le pays. En échange de sa loyauté sans bornes, Alexandre Ier confiait à Parrot d'importants secrets d'État, par exemple son intention de doter la Russie d'une constitution, ou le sort de Speranski, accusé de trahison. L'ouvrage de l'historien Andreï ANDREÏEV présente pour la première fois les textes de plus de 200 lettres, originales (jointes sous forme électronique) et traduites du français en russe, accompagnées de commentaires détaillés et d'index annotés. La publication des lettres est précédée d'une importante étude historique sur les relations entre Alexandre Ier et Parrot et sur la destinée de leur correspondance, qui apporte un éclairage nouveau sur l'histoire de la Russie du début du XIXe siècle.

Andreï ANDREÏEV est docteur en histoire et professeur au département d'histoire russe du XIXe siècle et du début du XXe siècle de la faculté d'histoire de l'université d'État Lomonossov de Moscou.

1. G. F. Parrot à Alexandre IER

Discours tenu à l'Empereur Alexandre I à son premier passage par Dorpat
[Dorpat, 22 mai 1802]

Sire!

Vous venez d'entendre les acclamations de Votre peuple, ces acclamations si sincères, si vraies, qui ne se font entendre qu'aux Monarques chéris. Vous en êtes profondément touché; Votre grand cœur éprouve en ce moment la plus douce des jouissances, la certitude que Vous faites réellement tout le bien, que Vous voulez faire, et ces cris de joie et ces preuves de notre amour ne sont qu'un échantillon de ce qui se passera dans chaque province que V. M. honorera de sa présence. Sire, transportez-Vous en idée sur chaque point de Votre vaste Empire, voyez en cet instant tout Votre peuple à Vos pieds, voyez chacun de Vos sujets Vous remercier pour un bienfait particulier. Le possesseur des terres de cette province Vous est redevable de la diminution des impôts, l'homme de lettres du rétablissement de la littérature, le négociant de la liberté du commerce, l'artisan du réveil de l'industrie, le cultivateur – le cultivateur à qui le système féodal n'a presque laissé qu'une existence précaire – Sire, Vous, Vous ne le méprisez pas, une puissance invisible lui a trahi le secret de Votre cœur: déjà le père de famille jette le premier coup d'œil serein sur ses enfants. Jouissez, Sire, de ces beaux fruits de Vos soins, de Vos veilles, de Votre amour; savourez la jouissance de faire tout notre bonheur.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.